

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЧТЕНИЯ НА ЛУБЯНКЕ

2002 год

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ЧТЕНИЯ
НА ЛУБЯНКЕ

2002
ГОД

Редколлегия:

генерал-лейтенант, профессор *А.А. Зданович*
 доктор исторических наук, профессор *М.Н. Петров*
 доктор исторических наук, профессор *В.Н. Хаустов*

И 90 Исторические чтения на Лубянке. 2002 год. М., 2003. — 124 с.

© Федеральная служба
 безопасности РФ, 2003

ISBN 5-902501-05-10

Специальные службы в Гражданской войне на Севере России. 1918-1920 гг.

История деятельности спецслужб стран Антанты, России Белой и России Красной в период интервенции и Гражданской войны на европейском Севере все еще полна загадок и белых пятен. Поэтому представляется целесообразным раскрыть, насколько это возможно, организацию и основные принципы деятельности здесь специальных служб России и ее бывших союзников в 1918—1920 гг.

Во время Первой мировой войны контрразведывательное обеспечение территории Севера России осуществляли Беломорское контрразведывательное отделение, контрразведывательное отделение штаба флотилии Северного Ледовитого океана (ОСЛО), Особый морской Мурманский контрразведывательный пункт штаба Кольского района обороны. Особый Кемский морской контрразведывательный пункт и их подразделения¹.

Февральская революция и последовавший затем октябрьский переворот оказали определенное, если не сказать радикальное, воздействие на деятельность русских военных спецслужб на Севере. Оно, несомненно, отлично от того, что происходило в центральных районах страны. Ослабленные революционными событиями, в Архангельской губернии они, тем не менее, сохранились организационно. По мере возможности чины контрразведки пытались продолжать решать поставленные перед ними задачи. Это наиболее характерно для Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта.

Имея поддержку со стороны Совдепа Мурман и ощущая нарастающую напряженность на границе с Финляндией, его сотрудники продолжали вести оперативную работу, прежде всего в приграничных районах. Их усилия были направлены на получение сведений об обстановке на границе с Финляндией, планах белофиннов а также деятельности немецких подводных лодок в водах Баренцева моря. В этом направлении контрразведчики работали в тесном взаимодействии с инструктором пограничной охраны Мурманска П. Андреевым, в распоряжении которого имелись пограничные посты и агенты на границе.

23 февраля 1918 г. чиновник для поручений Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта Мартынов донес из Печенги рапортом своему начальнику, что “сего числа, будучи в

© В.Н. Ильин

норвежском селении Ельвенес и там получил точные сведения от норвежского лесничего Клерк, только что приехавшего из гор. Тромсэ, что ихними промышленниками были замечены в 20 милях от Нордкапа две немецкие подводные лодки, идущие в сторону Гаммерфеста”²².

Но существовавшая до революции система контрразведывательного обеспечения линии границы России с Финляндией от Балтийского до Баренцева моря, к этому времени была уже разрушена, что, несомненно, сказывалось на объеме и качестве получаемой разведывательной информации о планах поддерживаемых немцами белофиннов.

27 февраля 1918 г. начальник контрразведывательного отделения “штаба командующего флотом Балтийского моря” сообщил в Мурманск, что “согласно предписания Военного отдела Центрального комитета Балтийского флота от 22-го февраля сего года за № 218/оп вверенное мне отделение, а также контрразведывательное отделение Або-Оландской укрепленной позиции и контрразведывательное отделение Ботнического залива упразднены и прекратили свое действие с 22-го февраля сего года”²³.

Бывший начальник Особого Кемского морского контрразведывательного пункта докладывал 4 марта в Мурманск, что “по распоряжению начальника Архангельского к.-р. отделения от 27 февраля 1918 г. № 377 Кемский пункт закрыт”²⁴.

Беломорское контрразведывательное отделение, не пользуясь поддержкой Архангельского губисполкома и командования Беломорского военного округа, бездействовало. Член Коллегии ВЧКД. Г. Евсеев отмечал в начале июля, что “пребывание в штабе округа на меня произвело угнетающее впечатление. Все офицеры, ходившие взад и вперед, почти ничего не делали. До сего времени даже не поставлена контрразведка”²⁵. На вопрос чекиста, есть ли в штабе Отделение Военного контроля и располагает ли штаб какими-нибудь сведениями о намерениях финских белогвардейцев и бывших союзников, Евсеев получил “отрицательный ответ. По его мнению, имевшаяся в Архангельске военно-морская контрразведка в тот период также бездействовала.

В своих оценках деятельности сухопутной и морской спецслужб Беломорского военного округа Д. Г. Евсеев был прав. Как оказалось, начальник Военно-морского контроля М. К. Рындин и почти все его сотрудники входили в состав подпольной антибольшевистской организации и после антисоветского переворота в Архангельске 2 августа 1918 г. перешли на сторону белых.

Отдел по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией губисполкома, секция по борьбе с пьянством и хулиганством Архангельского горисполкома, а также Архгубчека и другие организации обстановкой в Архангельске и уездах губернии владели плохо. Опера-

тивному проникновению в ряды заговорщиков предпочли простой и, как им казалось, более эффективный метод борьбы с контрреволюционерами — массовые обыски и аресты представителей правящего класса старой России, открыто проживавших в городе.

Весьма негативно сказалось на деятельности русской военной разведки и контрразведки в первом полугодии 1918 г., в том числе и на Севере России, пренебрежительное отношение к ним нового руководства страны. Военные спецслужбы избегали участия жандармских управлений и охранных отделений империи. Их не разгромили, а офицеров-разведчиков не расстреляли. О них как бы забыли.

Отношение советского военного руководства к специальным службам характеризует, в частности, и судьба бывшего чиновника особых поручений МВД статского советника Ивана Александровича Зыбина. Более 20 лет он состоял начальником дешифровального отделения МВД. Это, единственное в России подразделение дешифровки, обслуживало, кроме того, министерство юстиции, военное и морское ведомства, “а с начала 1900 годов работало специально для надобностей контрразведки”. С августа 1914 и до конца февраля 1917 г. отделение полностью обеспечивало нужды действующей армии и флота, оказывая содействие судебным следователям, штабам фронтов и армий, а также военно-цензурным комитетам и другим государственным учреждениям в дешифровке перехваченных радиোগрам и донесений вражеских агентов.

В 1914 г. И. А. Зыбину и его сотрудникам удалось раскрыть долго не поддающийся расшифровке дипломатический ключ одной из воюющих с Россией держав и разобрать более 200 шифрованных дипломатических телеграмм, что позволило уличить консульских чинов этой страны в шпионаже.

Летом 1917 г. он был приглашен для работы по специальности в Чрезвычайной следственной комиссии Н. К. Муравьева. В это же время прочел курс лекций по технике шифра на офицерских контрразведывательных курсах в Пажеском корпусе и Николаевской академии Генштаба и тогда же был принят на работу в Центральное бюро при Главном управлении Генштаба, где и служил вместе со своими помощниками до его переезда в Москву в марте 1918 г. Перебравшись в новую столицу, военспецы “забыли” про дешифровальное отделение. Прождав напрасно в течение 2-х месяцев и не получив никаких указаний, И. А. Зыбин, чтобы хоть как-то зарабатывать себе на жизнь, в июне поступил на работу на Мурманскую железную дорогу в качестве письмоводителя в конторе 10-го участка службы пути на станции Энгозе-ро. Опытнейшему взломщику кодов в Советской России не нашлось более стоящего применения, чем писарь на железной дороге.

22 сентября 1918 г. И. А. Зыбин направил командующему русскими вооруженными силами Мурманского края заявление, в котором писал, что если “вы изволите признать возможным использовать по Вашему усмотрению мои специальные знания для нужд армии”, то он, Зыбин, готов вновь служить интересам своей страны⁶. Дэвид Кан в своей работе “Взломщики кодов” отмечает, что Иван Зыбин обладал “почти сверхъестественными способностями” и, чтобы вскрыть простой шифр, “ему было достаточно увидеть его только один раз”⁷.

О специальных службах армии и флота советское военное руководство вспомнило только весной. 26 марта 1918 г. чудом сохранившейся разведке теперь уже Красной Армии поручили осуществлять учет и регистрацию всех вооруженных сил потенциальных противников, вести изучение политической обстановки в сопредельных странах. Но это задание носило скорее декларативный характер, поскольку денежных средств ни разведка, ни контрразведка на эти цели так и не получили. И неудивительно, что планы масштабной интервенции со стороны бывших союзников в отношении РСФСР в целом и Севера России в частности своевременно вскрыты не были.

Вопрос об отправке в Архангельскую губернию экспедиционного корпуса был рассмотрен 23 марта 1918 г. на заседании Межсоюзнического Военно-морского совета и постоянных военных представителей. Его участники пришли к выводу, что операции военно-морских сил в Мурманске позволят удержать этот порт как можно дольше в распоряжении союзников⁸. Военные представители считали, что их войска должны овладеть Мурманском и, если это возможно, одновременно Архангельском.

Париж и Лондон договорились о засылке на Север России офицеров своих спецслужб и основательно подготовленных агентов для оказания помощи и руководства местным антисоветским подпольем. Роль координатора подрывных операций, направленных на сплочение здесь российской контрреволюции, взяли на себя спецслужбы Великобритании.

К слову сказать, Англия, едва открыв для себя Москву, тут же начала вести разведывательную деятельность против Московского государства. Уже тогда английская разведка заслала в окружение царя Ивана Грозного своего агента Бомелия, специалиста по составлению гороскопов⁹. И столетия спустя, несмотря на то, что Россия была союзницей Великобритании в войне с кайзеровской Германией, английские спецслужбы активно вели разведывательную деятельность на территории нашей страны, в том числе и на Севере. Этим занимались сотрудники МИ-1к (с 1930-х гг. — МИ-6), офицеры секции D военной разведки (Интеллидженс Дивижен) и Департамента военно-морской разведки (Naval Intelligence

Department — NID). Моряки работали независимо от МИ-1к (MI-1c) и Интеллидженс Дивижен (Intelligence Division), но скоординированно с ними. В августе 1918 г., после высадки интервентов в Архангельске, им в помощь прибыли офицеры секции H (особые операции). Они стали заниматься перлюстрацией корреспонденции; перехватом телеграмм, передаваемых по проводным линиям; прослушиванием средств связи и радиоперехватом. Военские части, принимавшие участие в боевых действиях на Северном фронте, сопровождали группы офицеров оперативной (полевой) разведки. Сотрудники отдела MI-1b обеспечивали цензуру с целью выявления дезинформации со стороны советских войск. Организацией и ведением агитации среди частей Красной Армии и населения Архангельской губернии ведала Группа по пропаганде среди противника (Спешиал Интеллидженс) все той же военной разведки. Но в ее состав входили и офицеры военно-морской специальной службы. Британские пропагандисты буквально наводнили Архангельск изготовленными кинематографической бригадой Отдела пропаганды во вражеских странах кинофильмами, а также печатными материалами.

Экономическую и политическую ситуацию на Севере России отслеживали сотрудники Мурманского отдела британского министерства информации, функции которого и решаемые задачи практически не нашли отражения в литературе.

Американские спецслужбы в России были представлены чинами Управления военно-морской разведки (Office of Naval Intelligence — ONI) и Отдела военной информации (Military Information Division — MID). В составе экспедиционного корпуса, в том числе на Севере России, имелась армейская сыскная полиция, именуемая Полис Интеллидженс.

6 марта 1918 г. в Мурманске по приказу адмирала Кемпа с крейсера “Глори” высадились 170 морских пехотинцев. Оказавшись на берегу, англичане немедленно начали прибирать к своим рукам контрольно-распорядительные функции. Уже с конца апреля 1918 г. документы на право въезда из-за границы в Мурманск у прибывающих проверяли и принимали решение — пустить или не пустить не русские власти, а сотрудники спецслужб Великобритании и английская военная полиция.

В прямом подчинении контрразведки интервентов находилась и русская контрольная команда, чины которой проверяли документы у членов экипажей заходящих в порт русских пароходов и их пассажиров.

Не обходилось и без курьезов. Прибывший в Мурманск офицер британской разведки Сидней Рейли был арестован английскими моряками и заперт на крейсере “Глори”. Его поведение и высказывания вызвали у английского военного командования столь сильные

подозрения, что, как указывает Р. Б. Локкарт, адмирал Кемп вызвал из Великобритании для допроса задержанного майора Стивена Эли, возглавлявшего до апреля резидентуру британской разведки в России. Выяснилось, что Рейли имел при себе шифровку для Роберта Брюса Локкарта, спрятанную во флакончике от аспирина¹⁰. Этим и объяснялась его нервозность.

Обосновавшись на Мурмане, интервенты, разумеется, не могли оставить без внимания и вне своего контроля русскую контрразведку.

Еще до высадки войск, к 5 марта для Военного совета Мурманского края был подготовлен доклад об организации Военно-регистрационной службы Мурманского края. Предполагалось, что ее работу будет координировать Регистрационное бюро на коллегиальном начале. Личный состав Бюро должен был состоять из представителей Англии, России и Франции. Инициаторы доклада предлагали “в срочном порядке приступить к переформированию” существовавшего на Мурмане Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта в Военно-регистрационную службу. По настоянию англичан штаб Военного совета Мурманского района 8 марта потребовал от его начальника “все сведения, поступающие к вам от агентуры, представлять в штаб незамедлительно по получении”¹¹.

А 10 марта союзный Военный совет издал приказ № 6, в котором указывалось, что “Военный совет, рассмотрев доклады начальника Военно-сухопутного отдела и начальника Мурманского К. — Р. пункта приказал: организовать при штабе союзного Военного совета Мурманского района Военно-регистрационное бюро с подчинением его начальнику оперативной части штаба. В состав Военно-регистрационного бюро назначаются: английской службы — лейтенант Кольдер, французской службы — лейтенант Шарпантье и русской службы, согласно выборов Совдепа, б. штабс-капитан Петров.

На ведение Регистрационной службы в Мурманском крае отпустить аванс в размере 25000 руб. Об отпуске указанной суммы начальнику штаба войти с ходатайством в Мурманскую Народную Коллегию. К реорганизации приступить немедленно.

Военный совет: майор Фоссет, капитан де Лагатинри, В. А. Брик.

Начальник штаба: Петров”¹².

В начале апреля председатель мурманского Совдепа предписал начальнику Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта сдать личный состав, все дела, учеты и денежные средства “помощнику ответственного заведующего Военно-сухопутным отделом Совдепа Петрову”¹³. Приказом № 30 от 8 апреля 1918 г. пункт был реорганизован в Мурманское Военно-регистрационное

бюро. В этот же день в бюро назначается ряд новых сотрудников, вводится контроль всей международной почтово-телеграфной корреспонденции. Для интервентов это было крайне важно, поскольку через Александрова проходил кабель, связывающий Копенгаген с Москвой и Петербургом. Это была, пожалуй, единственная линия связи Советской России с внешним миром. Почтово-телеграфные чиновники получили вскоре распоряжение наиболее важные телеграммы, “имеющие крупное политическое значение”, передавать в копии в Военный совет¹⁴.

В Архангельске о реорганизации Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта узнали постфактум. В своей телеграмме, направленной начальнику Военно-морского контроля Рындину, в копии в штаб флотилии Северного Ледовитого океана Петров сообщил, что “Мурманский пункт Народной Коллегией преобразован Мурманское регистрационное бюро”. Его начальником избран он — Петров¹⁵.

Таким образом, контрразведка Мурмана была окончательно выведена из подчинения советского Архангельска.

Вскоре в Петроград в Морской контроль Морского генерального штаба из новой спецслужбы была отправлена телеграмма: “В Мурманске организуется Регистрационное бюро при союзнном Военном совете. Сообщите, какие организации контрразведки остались. № 133. За заведующего бюро Бондарев”¹⁶.

Телеграмма аналогичного содержания была направлена и в Центральную Регистрационную службу Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)¹⁷. Нельзя исключить, что через создаваемую союзную специальную службу англичане пытались узнать, имеются ли на территории Мурманского края еще какие-либо подразделения, подчиненные центральному морским и сухопутным органам контрразведки Советской России.

Несмотря на противостояние Совета народных комиссаров и мурманского краевого Совета, спецслужбы края и центра поддерживали определенные служебные контакты. Не исключено, что под этим предлогом при помощи сотрудников контрразведки Мурмана осуществлялась связь со сторонниками интервенции в столице. Так, помощник начальника Военно-регистрационного бюро Георгий Майумский 26 июня 1918 г. был направлен по предписанию военрука Звегинцева в служебную командировку в Петроград “для исполнения возложенных служебных поручений”¹⁸. Из командировки он возвратился только 16 августа, когда на Севере России уже вовсю полыхала Гражданская война. И сразу был назначен исполняющим должностью начальника Военно-регистрационного бюро.

Содействие англичан, особенно в части финансирования, позволило заметно активизировать деятельность спецслужбы Мурманского края. В частности, на о. Рыбачий в командировку для

ведения контрразведывательной работы и наблюдения за перемещением немецких подводных лодок направляются старшие агенты Михаил Мамырев и Игнатий Якшин. В Норвегию с разведывательным заданием командирован чиновник для поручений Военно-регистрационного бюро Г.Д. Коробов.

Оживилась разведывательная работа и на границе. Находившийся в Печенге чиновник для поручений Мартынов 26 апреля телеграфировал начальнику пункта, что по докладу вернувшегося из командировки в погранполосу инструктора пограничной охраны П. Андреева в целом обстановка на границе относительно благополучная. Но в Виртаниеми (Финляндия) зафиксирована концентрация отрядов белофиннов, "ездят их разведчики в Чалмозеро, один задержан"¹⁹.

Оценивая все же обстановку на границе с Финляндией как достаточно тревожную, начальник контрразведки Мурманского края

А. Петров направил 21 мая 1918г. ответственному заведующему отделом обороны Мурманского района доклад. Он писал, что "в настоящий момент для краевой власти нет задачи более грандиозной и важной и вместе с тем более ответственной, чем оборона края"²⁰. Контрразведчик отмечал, что финские белогвардейцы концентрируются уже в районе Печенги и Ковдозеро. В арктических водах активизировали свою деятельность немецкие подводные лодки.

Приведем отрывок из доклада А. Петрова.

"Для того чтобы иметь возможность противодействовать замыслам германо-финнов мы, разумеется, должны быть в курсе того, что происходит за нашей границей в пунктах, где неприятель наиболее интенсивно производит свою работу; как финские, так и немецкие агенты имеются, например, в Киркенесе, и, надо думать, весь Финморкен кишит таковыми. Мы же своих агентов в Норвегии не имеем совершенно. Между тем для успешной борьбы с врагом мы должны быть в курсе всего происходящего не только на нашем, но и на норвежском побережье; быть в курсе политических течений соседней страны, обнаруживать работу неприятеля, устанавливать базы подводных лодок и т.д. Уже сейчас идут сношения германо-финских агентов с немцами через Тюллеви Салмиярви — Куро по телефону и телеграфу. А посему, исходя из исключительного значения для России западной части Мурманского побережья, надлежит признать необходимость установления разведки в Норвегии.

Лицо для названной цели в данное время в распоряжении контрразведки имеется; необходимо лишь, безусловно, по вполне понятным причинам, послать его под видом коммерсанта или комиссионера, снабдив, если понадобится, соответствующими документами. На совершение вышеизложенного испрашивается срочно разрешение"²¹.

Судя по всему, оно было получено. Вскоре чину для поручений при штабе командующего вооруженными силами Мурманского края Д. Н. Розанову было дано задание отправиться в Норвегию в качестве резидента и во время пребывания в Вардэ вести "наблюдение за всеми въезжающими в Россию (Архангельск, Мурманск и все становища) из Норвегии как русских, так и подданных нейтральных держав"²².

Например, 25 октября чиновник сообщил из Вардэ, что на пароходе "Владимир Русанов" 16 октября в Архангельск под фамилией Титов проследовал бывший министр Временного правительства Терещенко.

Розанов должен был наблюдать и за въезжающими в Норвегию пассажирами судов, прибывающих из России, особенно за русскими, имеющими связи с Норвегией. Но основной все же была задача выявления немецких агентов и лиц, заподозренных в связи с германской разведкой. О них требовалось собирать максимально полную информацию. Кроме того, Д. Н. Розанову вменялось в обязанность оказывать содействие лицам, командируемым в Норвегию "по делам службы", проще говоря, другим русским офицерам-разведчикам. Собираемую информацию контрразведывательного и разведывательного характера русский резидент обязан был направлять в штаб "по возможности быстро" и лишь "через назначенное специально лицо"²³.

Добившись изменения статуса Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта, интервенты не оставили попыток взять русскую контрразведку под свой полный контроль. Англичане полагали, что после октябрьского переворота российские спецслужбы разваливаются и действуют неэффективно. Они систематически обращали внимание краевого Совдепа на необходимость более решительной борьбы со шпионажем и "на желательность вследствие этого правильного контроля над движением населения посредством союзного учреждения"²⁴. Не отказывая прямо, краевые власти, прежде всего военные, всячески затягивали решение этого вопроса, и до июля спецслужба Мурмана существовала все же как национальная. Но после высадки на Кольском полуострове основной массы войск интервентов вопрос о создании официального союзного контрразведывательного органа возник вновь.

27 июня представители спецслужб — российских, английских, американских и французских — представили властям края доклад, обосновывающий необходимость учреждения такой службы. Генерал Пуль доклад одобрил, и приказом генерала Звегинцева за № 7 от 4 июля был учрежден "союзный Военно-контрольный отдел в Мурманске" (The Allied military control departament at Murmansk). В документах он иногда именовался и как Interallied Military control office Murmansk²⁵. Формально отдел существовал как

контрразведывательное отделение штаба командующего русскими вооруженными силами Мурманского края, возглавить который с 11 июля краевой Совдеп поручил военному руководителю генерал-майору Звегинцеву. Но реально руководил отделом офицер британской разведки майор Скотт Линдвей²⁶. В состав вновь образованного учреждения контрразведки была включена и канцелярия бывшего пограничного комиссара Грохотова. 29 июля военный комиссариат края назначает для работы в союзный Военно-контрольный отдел ряд лиц в качестве чина для поручений.

31 октября 1918 г. командующий группой войск "Syren" (в Архангельске базировалась войсковая группа "Elope") генерал-майор Чарльз Мейнард объявил, что по военным соображениям устанавливается строжайший контроль "над движением по железной дороге и морю всех жителей этого края"²⁷. Отменялось движение пассажирских поездов от Мурманска до станции Сорока. Почтовые поезда № 3 и 4 продолжили движение по старому расписанию, но отныне обслуживали исключительно нужды военных. Всем лицам, за исключением офицеров и нижних чинов союзных войск, запрещался проезд по железной дороге без пропусков, подписанных офицерами союзного Военно-контрольного отдела и удостоверенных его печатью. Разрешение на проезд союзная контрразведка выдавала на основании ходатайства "всех офицеров Союзных сил начиная с чина подполковника (включительно) и выше"²⁸. Из русских должностных лиц право подписывать ходатайства англичане предоставляли только начальнику железной дороги Переселенкову, начальнику работ порта Салову, начальнику порта Фролову и военным комендантам железнодорожных станций. Офицеры, унтер-офицеры и нижние чины союзных частей снабжались пропусками за подписью командира части. А русские обязаны были оформлять пропуска по вышеуказанной схеме.

Не имели права свободного передвижения даже сотрудники русской контрразведки. Для поездок по делам службы по железной дороге и побережью Баренцева моря ее чинам также необходимо было получать пропуска в союзном Военно-контрольном отделе, а для хождения по городу в ночное время в этих же целях — у английского коменданта²⁹.

Военно-регистрационное бюро, находившееся первоначально при Мурманском союзном Военном совете, впоследствии было передано в ведение Отдела обороны мурманского Совдепа, затем — Комиссариата по военным делам. В связи с началом формирования с 1 августа 1918 г. Мурманской армии, как части союзных сил Северной России, бюро было переподчинено штабу командующего Русскими вооруженными силами края. Вскоре после образования Северного фронта и начала активных боевых действий военным властям Временного правительства Северной области удалось до-

биться согласия англичан и вывести русские части из их прямого подчинения. С 31 октября 1918 г. все они сводились во вновь формируемый второй пехотный Мурманский полк, в ведение командира которого перешла и контрразведка.

В начале декабря был подготовлен проект реорганизации бюро применительно к новым условиям. К этому времени его личный состав насчитывал всего 10 человек. В связи с переформированием Г. В. Майумский 1 декабря сдал должность начальника бюро своему помощнику Н. П. Черногорову. Подготовленная инструкция и смета расходов воссозданного на базе бюро Мурманского контрразведывательного пункта были направлены командиру полка на рассмотрение. Но до конца декабря он эти документы так и не утвердил. Начальник пункта в рапорте на его имя 31 декабря 1918 г. указывал, что "работать без денег невозможно, но наняты два младших агента, работающих в Мурманске под руководством старших агентов. В Сороке и Кандалаксе намечены частные лица для секретной агентуры. Кроме того, подготовлена вербовка секретаря консула в Вардэ — нужны лишь деньги"³⁰. Но денег для нужд русской контрразведки на Мурмане в достаточном объеме не находилось. Так, например, на секретные расходы с 1 августа по 10 октября 1919 г. Мурманский контрразведывательный пункт имел возможность истратить лишь 800 рублей³¹.

В связи с упразднением должности командующего войсками Мурмана находившийся в подчинении генерала Звегинцева союзный Военно-контрольный отдел 7 ноября перешел в ведение помощника генерал-губернатора Северной области в Мурманском крае. Поддерживая формально объединенную союзную контрразведку, англичане, тем не менее, основные направления ее работы контролировали через свои специальные органы. Например, начальник контрразведывательного бюро штаба войск "Syren" подполковник Микльджон (R. Meiklejohn, Lt. Colonel), оценивая в начале 1919 г. большевистскую пропаганду на фронте и в тылу как весьма опасную по своим последствиям, счел необходимым создать в противовес ей союзное бюро пропаганды, но организовать эффективно действующую структуру ему здесь так и не удалось. А подполковник Люин (L. Colonel, General staff, "Syren") в феврале того же года утвердил инструкцию для русских контрразведчиков, направленную на выявление среди возвращающихся из Германии русских пленных большевиков-пропагандистов.

В преддверии предстоящей эвакуации войск интервентов начальник Военно-регистрационной службы (контрразведка Временного правительства Северной области. — В.И.) М. К. Рындин приказал 24 июля 1919 г. начальнику Военно-регистрационного бюро в Онеге капитану Дымскому приступить к формированию отделения службы в Мурманском войсковом районе. Претендуя на определенную

независимость от Архангельска, капитан именовал его как Военно-регистрационная служба Мурмана (Отдел "РЕ" Мурманского района). В начале октября за неподчинение и нежелание представлять отчеты о своей работе Дымского от занимаемой должности отстранили.

Формировалось отделение в Кеми, куда еще в мае 1919 г. генерал Мей нард перевел свой штаб. Сюда же вынуждены были перебраться и русские властные структуры. Отдел "РЕ" входил в состав штаба командующего фронтом Мурманского района. По общим вопросам подчинялся его командующему полковнику Архипову, а "по обязанностям специальной службы" — начальнику Военно-регистрационной службы М. К. Рындину.

Опираясь на посты и пункты Мурманского контрразведывательного пункта, капитан Дымский незамедлительно приступил к формированию подчиненных отделению подразделений. 27 июля были образованы Кемский и Мурманский тыловые Военно-контрольные пункты. 29-го — Полевой Военно-контрольный пункт Медвежья Гора. С 1 августа приступил к исполнению своих обязанностей военный контрольный офицер на Соловках, с 8-го — ВКП Попов — Остров. 1 сентября образован Тыловой пункт Военного контроля в селе Сорока, 16-го — Военно-контрольный пункт в Кандалакше. Военно-контрольные пункты иногда в документах именовались просто как "Военный контроль". Так, например, Мурманский Военно-контрольный пункт обозначался и как "Русский Военный контроль — Мурманск"³². 13 сентября была произведена замена его начальника. Н. П. Черногоров, как работавший в тесном контакте с интервентами, был заменен поручиком Крыковым³³. 15 сентября, в связи с эвакуацией подразделений спецслужб интервентов с территории края, на основании предписания начальника Отдела "РЕ", поручик принял дела и инвентарь союзного Военного контроля. Но среди переданного имущества никаких дел не оказалось — только канцелярские принадлежности. Все документы и дела контрразведки англичане забрали с собой.

Контрразведка Мурманского края, находясь практически в полной зависимости от интервентов, тем не менее, по мере возможности фиксировала враждебные России действия "своих союзников". Так, ею была вскрыта проводимая англичанами операция по выкачиванию при помощи военнотружущих конвертируемой валюты у местного населения. Агент Журун 26 ноября 1918 г. доложил начальнику Военно-регистрационного бюро в Мурманске, что им при негласной проверке установлен факт сотрудничества железнодорожного мастера станции Сорока Карла Петровича Браже с французской контрразведкой³⁴. Но русские контрразведчики были лишены возможности противодействовать акциям своих "союзников". Она появилась у них только после эвакуации интервентов. Сразу

после их ухода была объявлена обязательная регистрация всех финнов, проживающих на Мурмане. 19 февраля 1920 г. в Печенгу был направлен помощник начальника Мурманского Военно-контрольного пункта Левицкий. Ему поручалось установить контакт с командиром финского отряда, а попутно выяснить цель нахождения на русской территории и поставленные задачи, а также численность отряда и вооружение.

Мурманская следственная комиссия по Александровскому и Кемскому уездам незамедлительно привлекла в качестве обвиняемого В. Л. Сенкевича — организатора и первого начальника Красной Гвардии в Мурманске в ноябре 1917 г., в последующем комиссара Мурманского краевого Совета.

Поляк Сенкевич прибыл в Мурманск в 1917 г. После Февральской революции, будучи беспартийным, тем не менее, входил в состав Мурманского Совета. В сентябре того же года начальник Особого морского Мурманского контрразведывательного пункта при штабе Кольского района штабс-капитан Петров получил оперативные материалы, из которых следовало, что председатель местного комитета (базстройка) Сенкевич прибыл в Мурманск по подложным документам и является немецким агентом. Последовавшие вскоре события не позволили штабс-капитану завершить расследование. Тем не менее материалы на В. Л. Сенкевича в контрразведке сохранились, несмотря на то что англичане, приняв его к себе на службу, не позволили русским контрразведчикам довести разработку до логического конца. Она была возобновлена только после их ухода в 1919 г.

Интервенты опекали не только русскую контрразведку. Не забыли они и судебно-следственные органы Временного правительства Северной области.

28 августа 1918 г. генерал Пуль направил Н. В. Чайковскому письмо с требованием ввести в состав только что созданной Особой следственной комиссии представителей союзного командования. Мало того, английский генерал требовал от главы вроде бы русского правительства заранее, до отдания в приказ, сообщать ему кандидатуры русских офицеров, назначаемых в эту комиссию. Приведем выдержку из письма: "По моему приказанию лейтенант Бо (офицер французской контрразведки в Архангельске. — В. И.) передал вам мое желание, чтобы фамилии членов Особой следственной комиссии были сообщены мне ранее опубликования их в приказе. До настоящего времени этих сведений я не получал"³⁵.

Пуль ставил Н. В. Чайковского в известность, что членами комиссии им назначены (без согласования с русскими властями. — В. И.) два представителя союзного командования — лейтенант французской службы Бо и сержант Славяно-британского легиона Касаткин.

Но этого англичан показало недостаточно, и 13 сентября письмом № 174 Пуль потребовал от Чайковского в ультимативном тоне «срочно провести в законодательном порядке включение в состав особого военного суда, кроме положенных четырех членов (чинов) русской армии, еще трех членов — представителей союзных армий: британской, французской, и американской».

Высадившись 2 августа 1918 г. в Архангельске, интервенты и здесь учреждают так называемую союзную контрразведку — союзный Военно-контрольный отдел (Allied military control). Он включал в себя отделения — русское, американское, английское, бельгийское и французское. Во главе каждого из них стояли представители спецслужб соответствующей страны. Но среди сотрудников были и русские офицеры, и представители отделившихся от России окраин — Польши и Прибалтики, владевшие русским языком. Возглавлял отдел английский полковник Торнхилл — старый британский разведчик, долгое время работавший в России и свободно владевший русским языком.

По плану генерала Пуля именно Торнхилл должен был возглавить объединенный диверсионный отряд, перед которым стояла задача в день высадки основных сил союзников в Архангельске захватить железнодорожную станцию Обозерская, отрезав тем самым путь для отступления частей Красной Армии в центральные районы страны.

В документах полковник значится как Chief M.C. O. (Chief military control officer G. H. Q. Archangelsk) — главный военно-контрольный офицер при штабе. Ему подчинялись союзные военно-контрольные офицеры на фронтах, например — Military control officer Pinega³⁶ (военно-контрольный офицер Пинежского фронта) и секторах (O.C.L. of C. Railway Sector).

Кроме того, в разведывательном отделе штаба главнокомандующего союзных войск имелось отделение по части военной контрразведки (секция D). Ее возглавлял капитан Брайсон³⁷.

Военно-полицейская служба войск интервентов на Севере России была представлена британским Главным управлением Право-Маршала (Pravost Marshal), которое ведало расследованием дел по преступлению, совершенным солдатами союзных войск и Славяно-Британского легиона. Должность Право-Маршала (A. P. M., Allied Forces) занимал майор Э. Ф. Строгам (находился в Архангельске). Его помощником (D.A.P.M.) по городу и Соломбале был капитан Корсон, на Бакарице — лейтенант Харрис. А в Березнике и прифронтовой полосе — лейтенант Мархин³⁸.

Подразделения Военного контроля интервентов (Military control officer) имелись в Онеге (Onewe force Intelligence officer), Исакогорке, на станциях Холмогорская и Обозерская, в Холмогорах, Селец-

ком, Березнике, Моржегорах, Пинеге, Чекуево и Емецке³⁹. Создавались они по мере необходимости и в зависимости от стратегического значения района боевых действий.

При Военном контроле интервентов имелись команды русских солдат, несших службу на кордонах и постах. В большинстве случаев подразделения союзной контрразведки находилась в тех же пунктах, что и русские, но действовали самостоятельно.

Разместившись в Архангельске, контрразведка штаба интервентов незамедлительно приступила к составлению списков большевиков и лиц, сочувствующих советской власти. Готовились они на основании материалов, полученных при перлюстрации почтовой корреспонденции, радиоперехвата, по материалам советских газет и захваченных документов партийных ячеек и органов советской власти. В частности, в эти списки были занесены все работники советских учреждений, в том числе Архгубчека, ЧКОРАП, Беломорского военного округа и даже все красноармейцы. Как ни странно, но в одном из списков значился и председатель Мурманского Совдепа Юрьев. На учет английские спецслужбы брали даже по признаку «подозрительная переписка»⁴⁰.

Контрразведка интервентов собирала информацию не только о большевиках и им сочувствующих. Не оставляла она без внимания и военнослужащих русской армии. Британские спецслужбы вели досье на всех офицеров, занимавших мало-мальски значимые должности в войсках Северной области. Так, например, сменившему в октябре 1918 г. генерала Пуля на посту главнокомандующего Северо-Русского экспедиционного корпуса Э. Айронсайду (E. Ironside, Major General, Commanding-in-chief, Northern Russia Expeditionary Force) спецслужбы представили подробное досье на командующего русскими войсками Дурова и его начальника штаба Самарина. По мере надобности высшим должностным лицам интервентов представлялись справки и на других русских офицеров, в частности на именовавшего себя князем Эрстовым бывшего ротмистра Берса, захватившего со своим отрядом во время переворота 2 августа Архангельск.

Проверяла английская контрразведка и всех россиян, изъявивших желание эвакуироваться из Архангельска вместе с войсками интервентов осенью 1919 г.⁴¹

Активно использовали союзники и цензуру, причем не только военную, но и политическую. При штабе интервентов имелось союзное Военно-цензурное отделение, в котором служили прикомандированные русские офицеры. На главном телеграфе Архангельска находился военный цензор — подполковник Бенет (Lt. Col. Benet, P. O. Telegraph).

Не доверяя русским связистам, англичане направили на радиостанцию «Исакогорка» для контроля за их работой своих

специалистов. Официально ее начальником значился русский офицер, но на станции имелся английский сержант. Ему подчинялись английские радиотелеграфисты и цензоры, проверявшие всю корреспонденцию и без санкции которых передавать в эфир ничего было нельзя. Русские радиogramмы передавались в строго отведенное для этого время.

Контроль за эфиром на территории Северной области осуществляли радиотелеграфисты английского крейсера "Аттен-тив". Его радиостанция была самой мощной из имевшихся в то время на Севере России. Начальник радиостанции крейсера имел право запретить работу любой станции, если передаваемые ею сведения вызывали у английских радистов подозрения.

Возглавлявший союзную службу связи и радиоконтрразведку (М I-16) майор Тренч настоял, чтобы английские телеграфисты несли слуховую вахту и на радиостанции русского флотского полужипажа в Соломбале. Свое требование майор мотивировал необходимостью более плотного контроля эфира. Следует отметить, что эти действия интервентов были небеспопеченны. Английские специалисты (секция H Intelligence Division) установили, что некоторые русские радиотелеграфисты пересылали по телеграфу в Мурманск и другие места перехваченные передачи советских радиостанций, давая таким образом местным газетам возможность печатать большевистские материалы.

Цензуру на Севере России, как выяснилось, интервенты установили не только военную, но и политическую, причем практически сразу после высадки войск Антанты в Архангельске. Англичане действовали в этом плане столь вызывающе и грубо, что с протестом по этому поводу выступило даже Временное управление Северной области. 17 сентября на заседании ВУСО Я. Т. Дедусенко вынужден был сделать специальный доклад, посвященный политической цензуре со стороны союзников. Ввели они себя при этом настолько бесцеремонно, что члены правительства Н. В. Чайковского приняли решение заявить старшине дипломатического корпуса американскому послу Фрэнсису протест против подобных действий. Больше всего их возмутило то, что цензуре англичане подвергли даже официальный печатный орган правительства — Вестник ВУСО⁴².

Надзор за умами северян интервенты осуществляли не только путем цензуры. Строго следя за содержанием публикуемых русских газетами материалов, командование интервентов не забывало и о собственной пропаганде.

Одно из лучших помещений в Архангельске было занято под клуб для солдат экспедиционного корпуса (русских сюда пускали крайне неохотно). Он был создан при помощи У. М. С. А. (Young Men Christian Association), деятельность которой в период интервенции

и Гражданской войны в России изучена явно недостаточно. Спустя некоторое время, дабы не раздражать местное население, в подвалах казарм Архангелогородского полка при помощи этих самых "христиан" было организовано нечто наподобие клуба отдельно для русских солдат⁴³.

Как свидетельствуют обнаруженные в архивах документы, в экспедиционном корпусе США существовала "активная служба" американского Христианского союза молодых людей (American Y. M. C. A. On Active Service. With American Expedition Forces. ARMY AND NAVY. Yang Men's Christian Association "with the colors" Y. M. C. A.)⁴⁴.

"Молодые христиане" военного и военно-морского министерств США организовывали на Севере России работу с военнослужащими армий интервентов, основной целью которой являлась их идеологическая обработка и нейтрализация агитации большевиков среди населения. Но занимались они не только организацией клубов для солдат, показом кинофильмов и чтением лекций. В период пребывания на Севере России американская разведка активно использовала Христианский союз молодых людей для сбора разведывательной информации политического и экономического характера. Находящаяся в свите американского посла в Вологде группа "христиан" проявила себя еще в июле 1918 г. и по решению М. С. Кедрова была в принудительном порядке отправлена в Москву.

Работали в этой армейской молодежной христианской ассоциации и русские. В частности, 16 августа 1918 г. приказом по войскам Северной области подпоручик Баймаков был направлен в распоряжение Христианского союза молодых людей⁴⁵. И это не единственный случай направления русских офицеров для службы в "христианской" организации. Так, 17 декабря 1918 г. генерал Айронсайд прямо приказал русским военным властям оставить в распоряжении У. М. С. А. семь человек, призванных по мобилизации в русскую армию. Они, как оказалось, работали на "христиан". Пришлось подчиниться.

Секретарем Христианского союза молодых людей в России был Кроуфорд Уилер. Именно его сотрудники получили сведения о тайных попытках англичан заключить с рядом должностных лиц Мурманского краевого Совета торговые договоры на особо льготных условиях в ущерб американским интересам. Эту секретную информацию Кроуфорд Уилер передал лейтенанту Хью Мартину, представителю американских разведывательных служб в Мурманске⁴⁶.

Как писал французский посол Ж. Нуланс, обосновавшись в Архангельске, США заимели "многочисленных и активных посредников в лице сотрудников Христианского молодежного союза". По словам посла, под прикрытием проводимой ими благотворительности и добрых дел члены ассоциации проникали всюду и наряду с

оказанием содействия русским властям занимались сбором разведывательной информации, прежде всего политической и экономической⁴⁷.

Контрразведка Временного правительства Северной области — Военно-регистрационное отделение (впоследствии служба) — была создана на базе существовавшего в Архангельске Военно-морского контроля Целедфлота (Беломорское контрразведывательное отделение). Его сотрудники во главе с начальником М. К. Рындиным при эвакуации советских учреждений остались в Архангельске практически в полном составе.

Несмотря на то, что Рындин сформировал контрразведку к 27 августа, юридически решение о ее создании Верховное управление Северной области (ВУСО) приняло только 12 сентября 1918 г.

7 октября 1918 года М. К. Рындин направил начальнику строевого отдела Управления командующего войсками Северной области «список чинов Военно-регистрационного отделения с указанием времени поступления на службу»⁴⁸ и свои предложения по организации контрразведывательной службы. Он просил утвердить штаты нового контрразведывательного органа, обеспечить его сотрудников денежным содержанием и пайком. По разработанному им проекту в Военно-регистрационном отделении предусматривалось 164 служащих. Из них, как указывал М. К. Рындин, с первого августа 1918 г. находится на службе 90 человек, в том числе чины речного и железнодорожного контроля, служащие Бюро досмотра судов и пассажиров, бюро пропусков на грузовые районы порта, оставшиеся на своих постах несмотря на смену власти в городе⁴⁹.

С этого же числа поступил на службу к белым и «коллежский ассессор Михаил Константинович Рындин»⁵⁰. Этот документ подтверждает, что практически все чины военной контрразведки, служившие советской власти в Архангельске, состояли в рядах участников антибольшевистского переворота, совершенного агентом английской разведки Г. Е. Чаплиным в ночь с 1 на 2 августа 1918 г. Иных причин числить себя и своих сослуживцев на службе у белых у М. К. Рындина не было, поскольку другие бывшие офицеры и лица иного звания, занимавшие какие-либо посты в Архангельске и уездах при советской власти, во время переворота и после него немедленно арестовывались и передавались Особой временной следственной комиссии или той же контрразведке. Но роль и степень участия Рындина и его сотрудников в перевороте до сих пор не исследованы. Исключение составляет начальник отдела пропусков Бидо Валериан Федорович, через которого, как показали на допросах арестованные в июле-августе 1918 г. офицеры, для них добывались пропуска на въезд в Архангельскую губернию накануне переворота весной-летом 1918 г. И несмотря на это, Бидо был

зачислен на службу лишь с 1 сентября после проверки Следственной комиссией всех обстоятельств его работы у красных.

Временный штат контрразведки армии Северной области — Военно-регистрационного отделения — был утвержден врид командующего войсками контр-адмирала Викорста только 6 ноября 1918 г. Его личный состав состоял из 81 человека. При отделении имелись: военно-контрольная команда и команда наблюдателей. Максимальное количество ее чинов было установлено в 30 человек, военно-контрольной команды — 75. Личный состав в эти подразделения набирался по мере надобности, определяемой руководством контрразведки.

Учреждаемый контрразведывательный орган был назван традиционно для русской армии — Военно-регистрационное отделение Военного отдела Верховного управления Северной области (позднее при военной канцелярии генерал-губернатора). В принятом постановлении указывалось, что контрразведчики в своей работе в пределах границ Северной области должны руководствоваться статьями Положения о контрразведывательной службе в русской армии, утвержденного Временным правительством летом 1917 г. А позднее и статьями Временного положения о Военно-регистрационной службе Северной области, утвержденного ее правительством 17 сентября 1919 г.

28 июня 1919 г. была утверждена инструкция начальникам Отделений полевого военного контроля в войсковых районах Северной области. В ее основе лежали положения, регламентирующие деятельность подразделений контрразведывательной службы русской армии до революции. Полевые и тыловые отделения организовывали сбор информации о состоянии расположенных в зоне их ответственности воинских частей, об отношениях между офицерами и солдатами, их настроениях, политических взглядах и т. д. Подобные сведения собирались и в отношении жителей населенных пунктов. Офицеры отделений готовили письменные справки о настроениях солдатских масс и обывателей, динамике изменений в этих настроениях «в смысле отношения к власти областной и советской с указанием конкретных фактов, свидетельствующих об изменениях». Начальники фронтовых отделений подчинялись Службе и в оперативном отношении командующим соответствующих фронтов.

Получаемые от полевых и тыловых отделений материалы сотрудники центрального аппарата службы обрабатывали, группировали по темам и направляли начальнику штаба. Справки готовились по довольно широкому кругу вопросов. По обстановке в Советской России — военный, экономический и политический ее аспекты. О состоянии умов и настроениях в солдатских массах и населения в соответствующих уездах и волостях Северной области.

ти. О динамике движения перебежчиков от красных к белым и от белых к красным. О событиях и фактах, волновавших население. Готовили контрразведчики и прогнозную информацию о “будущем течении событий”.

16 декабря 1918 г. по приказу начальника Военно-регистрационного отделения был создан “Чекуевский особый контрольный контрразведывательный пункт” для ведения военно-контрольной и контрразведывательной работы на территории Онежского уезда. Несколько позже военно-контрольные пункты были сформированы в селе Сельцо (Селецкий) и на станции Обозерская (Обозерский). 1 июня 1919г. Чекуевский полевой военно-контрольный пункт был переименован в Онежское отделение военно-полевого контроля Онежского района с теми же функциями.

25 декабря 1918г. временно исполняющий должность начальника Военно-регистрационного отделения Управления командующего войсками Северной области Рындин (в должности утвержден только в 1919 г.) в соответствии с полученным указанием представил схему развертывания Регистрационного бюро в Онеге.

В связи с формированием Бюро в Онеге Рындин обратился к командованию с ходатайством “об изменении примечания 1 и 2 временного штата Военно-регистрационного отделения, утвержденного 6 ноября 1918 г. в смысле разрешения увеличить количество чинов наблюдателей до 40 чел. И военно-контрольной команды до 95 чел. Для таковой цели увеличить ежемесячный аванс с 28000 рублей до 37500 рублей”⁵¹.

До марта 1919г. Военно-регистрационное отделение выполняло в основном военно-контрольные функции в пределах деятельности бывшего Беломорского контрразведывательного отделения, существовавшего при советской власти.

Чинами службы контролировались территория архангельского порта, железная дорога, шоссейные и грунтовые дороги Северной области.

Контрразведывательные функции на фронте и в тылу в тот период не входили в задачу русской контрразведки, поскольку осуществлялись английскими спецслужбами — Secret Service Bureau.

К марту 1919 г., как указывал впоследствии надпроект М. К. Рындина, стало ясно, что незнакомая с местными условиями и “чуждая нам союзная контрразведка”, в составе которой находились много русских служащих, “совершенно не в состоянии справиться со своей сложной задачей”. Общество было взволновано и озлоблено “массовыми неосновательными арестами граждан и военнослужащих, долгим и томительным сидением их по местам заключения”. Среди горожан ходили слухи о злоупотреблениях по службе при допросах и конвоировании арестованных со стороны сотрудников союзной контрразведки.

Весной 1919г. генерал-губернатор Е. К. Миллер приказал Рындину организовать соответствующие отделы контрразведывательной службы для постепенной передачи ей всех функций союзной контрразведки. Переформирование отделения в Военно-регистрационную службу осуществлялось на основании секретного приказа генерал-губернатора №65. Ее штаты были утверждены с 15 апреля 1919 г. приказом №86 от 5 мая. Сам Рындин утвержден в должности с 15 апреля приказом генерал-губернатора № 93 от 18 мая 1919 г.⁵²

13 мая 1919г. была объявлена структура. В Службе были сформированы: общая канцелярия; отдел дознания; регистрационная часть (включала в себя заведующего специальной регистрацией, регистрационный отдел, фотографический отдел и отдел пропусков); служба Архангельского военно-контрольного района (включала в себя бюро досмотра судов и команду кордонов); Военно-регистрационное бюро в Онеге; Полевой военный контроль включает в себя военно-контрольные пункты — Обозерский, Чекуевский, Селецкий (Сельцо) и Емецкий⁵³.

Численный состав Военно-регистрационной службы доходил до 450 человек (в октябре 1919 г. только в центральном аппарате Службы числилось 115 человек, включая сторожей и рассыльных).

Контрразведка М. К. Рындина имела восемь отделений: Архангельское (считалось основным), Холмогорское, Пинежское. Двинское, Онежское, Тарасовское, Железнодорожное, Мезенское, Тыловое. Первого сентября 1919г. было сформировано Мурманское отделение.

Архангельский военно-контрольный район имел статус самостоятельного отдела, и его начальник — капитан М. В. Бастраков — подчинялся напрямую М. К. Рындину. 11 июня 1919 г. приказом генерал-губернатора (№110 от 11 июня) Чекуевский, Обозерский и Селецкий полевые военно-контрольные пункты были переименованы в отделения Полевого военного контроля Онежского, Железнодорожного и Селецкого войсковых районов соответственно. Этим же приказом были учреждены отделения Полевого военного контроля в войсковом районе “Двина-форс” и Пинежском войсковом районе⁵⁴. Несколько позже — Печерский полевой военный контроль.

На заключительном этапе Гражданской войны на Севере России структура Военно-регистрационной службы, возглавляемая коллежским ассессором М. К. Рындиным, выглядела следующим образом:

Общая канцелярия. В ее состав входили: заведующий хозяйством, офицеры для поручений, делопроизводители, казначей, журналист, контролеры, писари, прикомандированные.

Отдел дознаний. Помощник начальника отделения Печорского ВКП, офицеры для поручений, писари, прикомандированные.

Полевой контроль. Помощники начальника отделения полевого контроля Холмогорского, Мезенского, Печорского, Селецкого, Онежского районов, делопроизводитель, писарь, прикомандированные.

Регистрационная часть. Начальник регистрационного отделения, заведующий специальной регистрацией, заведующий фотоотделом, делопроизводители, чиновники для поручений, заведующий отделом пропусков, контролеры, писари (19 человек) лаборант, чин учетно-контрольной команды, чиновники для поручений, прикомандированные на время.

При службе: конюхи, военно-контрольная команда (контролеры 1-го разряда — 13 человек, 2-го разряда — 14), команда наблюдателей (старших — 2, 1-го разряда — 9, 2-го разряда — 11). Учетно-контрольная команда — 8 человек. Чинов кордона 2-го разряда — 1, 3-го разряда — 12.

Служба Архангельского военно-контрольного района. Заведующий Бюро досмотра судов, заведующий наружной службой, чиновник для поручений, обер-офицер для делопроизводства, контролеры, прикомандированные, помощники начальника отделения Селецкого ВКП, начальник команды при службе, помощник начальника отделения Онежского ВКП, сторож контрольного пункта Экономия, сторож и рассыльный на Исакогорке.

Наружная служба Архангельского Военно-контрольного района состояла из старших наблюдателей — 3, наблюдателей 1-го разряда — 5 и наблюдателей 2-го разряда (по необходимости).

Отделение Военно-Регистрационной службы Мурманского района включало в себя:

Кемский военно-контрольный пункт (тыловой);
Военно-контрольный пункт Попов—Остров;
Тыловой пункт военного контроля в селе Сорока;
Полевой военно-контрольный пункт Медвежья Гора;
Тыловой военно-контрольный пункт в Мурманске;
Повенецкий военно-контрольный пункт;
Военно-контрольный пункт Кандалакша;
Контрольный офицер на острове Соловецком (поручик Зимницкий)⁵⁵.

Кроме того, в войсковых районах имелись: Военный контроль Онежского войскового района, Отделение железнодорожного военного контроля. Отделение полевого военного контроля Пинежского войскового района, Отделение полевого военного контроля Селецкого войскового района, Отделение полевого военного контроля войскового района “Двина-Форс”.

К сожалению, рамки данного сообщения не позволяют раскрыть в полном объеме деятельность специальных служб стран Антанты, Временного правительства Северной области, а также Архгубчека, военной разведки и контрразведки Красной Армии в период интервенции и Гражданской войны на Севере России в 1918—1920 гг. История каждой из них заслуживает отдельного исследования, что позволяет воссоздать структуру, формы и методы деятельности контрразведывательных служб противоборствующих сторон в сложных условиях гражданского противостояния, показать механизм их формирования и взаимодействия с государственными аппаратом России Красной и России Белой.

Примечания

¹ Архив ФСБ РФ. Ф. 1. О. 4. Д. 737.

² РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 6. Л. 1.

³ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Архив ФСБ РФ. Ф. 1. О. 2. Д. 148. Л. 35.

⁶ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 38-39.

⁷ Дэвид Кан. Взломщики кодов. М. 2000. С. 105.

⁸ Совместная нота № 31 Союзного Верховного Совета / Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 443.

⁹ Красильников Р. КГБ против МИ-6. М., 2000. С. 21.

¹⁰ Робин Брюс Локкарт. Сидней Рейли. Шпион — легенда XX века. М., 2001. С. 77.

¹¹ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 1.

¹² РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 2.

¹³ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 10. Л. 80.

¹⁴ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 5. Л. 55.

¹⁵ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 11.

¹⁷ Там же. Л. 12.

¹⁸ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 2. Л. 16.

¹⁹ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 6. Л. 6.

²⁰ Там же. Л. 35.

²¹ Там же. Л. 35-35 об.

²² РГВА. Ф. 3. О. 1. Д. 80. Л. 8.

²³ РГВА. Ф. 3. О. 1. Д. 80. Л. 8.

²⁴ РГВА. Ф. 40258. О. 1. Д. 1. Л. 47.

²⁵ Там же. Л. 60—61.

²⁶ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 61.

²⁷ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 2. Л. 38.

²⁸ Там же.

²⁹ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 10. Л. 250.

³⁰ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 42.

³¹ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 2. Л. 15 об.

³² РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 8. Л. 65.

³³ Там же. Л. 119.

³⁴ Там же. Л. 40.

Проблемы обеспечения безопасности государства в трудах, изданных к 200-летию МВД России

Рубежные события в жизни различных государств, их ведомств и других институтов всегда вызвали всплеск творческой активности, способствовали появлению значительного количества научных трудов. В них с разной степенью глубины анализировался исторический и управленческий опыт, высказывались практические рекомендации для современности. Так, к 1902 г., к 100-летию со дня образования в Российской империи Комитета министров и восьми министерств, среди которых было и МВД, появилось около сотни таких трудов. Тогда наибольшую активность проявило Военное министерство, издав историческую серию, в которую вошло около 50 книг.

К сожалению, в наши дни, к 2002 г., к 200-летию юбилею министерств эта активность в сравнении с прошлым значительно поубавилась. Видимо, сказались сложности переходного времени, экономическая нестабильность, отрицательное влияние других факторов. Тем не менее и к 200-летию министерств увидели свет довольно крупные труды. Сегодня мы с известным удовлетворением можем констатировать тот факт, что наибольшее количество основательных разработок среди всех ведомств, отметивших 20 сентября 2002 г. двухвековой юбилей, создано в системе Министерства внутренних дел. Этому в немалой степени способствовала заблаговременность начатых работ за 8 лет до юбилея. Впервые идея «МВД—200 лет» с перечнем предложений о создании конкретных книг, включая Энциклопедию МВД, об учреждении медали «200 лет МВД» и другими соображениями была высказана В. Ф. Некрасовым в письме к министру внутренних дел РФ В. -Ф. Ериуну в октябре 1994 г. Практическая работа по подготовке к 200-летию МВД началась в 1995 г. при министре внутренних дел РФ А. С. Куликове. О необходимости развертывания такой работы были посланы указания на места. За пять лет до события, в 1997 г., министерством был утвержден план основных мероприятий по подготовке к 200-летию МВД, в том числе и перечень научных трудов, которые сле-

³⁵ Северный фронт. 1918—1920. Документы. М.: Воениздат, 1961. С. 30.

³⁶ РГВА. Ф. 40315. О. 1. Д. 3. Л. 2.

³⁷ РГВА. Ф. 40313. О. 1. Д. 1. Л. 32.

³⁸ Там же. Л. 36.

³⁹ РГВА. Ф. 40314. О. 1. Д. 10.

⁴⁰ РГВА. Ф. 40311. О. 1. Д. 14. Л. 46.

⁴¹ Э. Айронсайд. Архангельск. 1918—1919 гг. Заброшенные в небытие / Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 365.

⁴² Северный фронт. 1918—1920. Документы. М.: Воениздат, 1961. С. 33.

⁴³ Архив РУ ФСБ АО. Д. 888 П. Т. 5. Л. 32.

⁴⁴ Архив РУ ФСБ АО. Ф. 1. О. 1. Д. 2702. Л. 183.

⁴⁵ Вестник ВПСО. Архангельск, 1918. № 8 за 18 августа.

⁴⁶ Фрэнсис Д. Россия из американского посольства. Заброшенные в небытие / Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 73.

⁴⁷ Ж. Нуланс. Моя посольская миссия в Советской России. 1917—1919 гг. Заброшенные в небытие / Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников. Архангельск, 1997. С. 105.

⁴⁸ РГВА. Ф. 39450. О. 1. Д. 182. Л. 42.

⁴⁹ РГВА. Ф. 39450. О. 1. Д. 137. Л. 19.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ РГВА. Ф. 40313. О. 1. Д. 1. Л. 3-4.

⁵² РГВА. Ф. 40767. О. 1. Д. 6. Л. 97.

⁵³ РГВА. Ф. 40767. О. 1. Д. 2. Л. 33.

⁵⁴ Там же. Л. 22.

⁵⁵ Составлена по материалам РГВА. Ф. 39450. О. 1. Д. 96а.

довало разработать. В последующем этот план был скорректирован и переутвержден министром внутренних дел РФ В. Б. Рушайло.

В министерстве был создан Организационный комитет по подготовке к 200-летию МВД России, который возглавили заместители министра В. И. Федоров, а впоследствии В. А. Васильев. Подобные комитеты были созданы и на местах. Они во многом способствовали приданию всей этой деятельности практической направленности.

Одним из основных научных трудов, выпущенных к 200-летию МВД России, явилась книга «МВД России. Энциклопедия. Главный редактор В. Ф. Некрасов». Такое издание в мировой и отечественной практике предпринято впервые.

По объему книга соответствует одному тому Большой Советской Энциклопедии, содержит около 1000 статей, расположенных в алфавитном порядке. В них изложены история МВД за 200 лет, его меняющиеся функции, задачи, структура (от низовых органов до центрального аппарата), основные виды деятельности органов внутренних дел и внутренние войск, биографические статьи о всех министрах внутренних дел России за 200 лет, а также о сотрудниках органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск — Героях Советского Союза и Героях Социалистического Труда (Герои России даны в списках). Помещены сведения о всех самостоятельных структурах центрального аппарата за 200 лет, включая исправительные и тюремные учреждения, образовательные (высшие) и научно-исследовательские учреждения с перечнем лиц, возглавлявших их за годы существования.

Полезную информацию по обеспечению безопасности государства найдет читатель в статьях Энциклопедии МВД: «Безопасность», «Внесудебные репрессии», «Внутренние войска», «Всероссийская чрезвычайная комиссия», «Губернатор» (со списками всех губернаторов как чиновников МВД за 1802—1917 гг. по губерниям в границах современной России), «ГУГБ НКВД СССР», «Гулаг», «Главное управление внутренних дел на режимных объектах», «Жандармерия», «Депортация», «Закрытое административно-территориальное образование», «Заместитель министра внутренних дел» (справки за 1802—2002 гг.), «Коррупция», «Краповый берет», «Кресты», «Личная профессиональная безопасность», «Милиция», «Министры внутренних дел» (о каждом из 62-х), «Общественная безопасность», «ОГПУ», «Оперативно-розыскная деятельность», «Органы внутренних дел белых правительств», «Особое совещание», «Особое техническое бюро», «Отряды специального назначения», «Побег», «Пограничная служба РФ», «Полиграф», «Политическая полиция», «Прокурорский надзор», «Районное охранное отделение», «Система исполнения наказаний», «Система внешней разведки», «Совет безопасности РФ», «Содействие граждан оперативным подразделениям», «Соединения и воинские части

по охране важных государственных объектов и специальных грузов», «Соловецкий лагерь особого назначения», «Субкультура преступного мира», «Таможенная служба», «Татуировка», «Третье Отделение», «Тюрьма», «Убийство по найму», «Управление внутренних дел» (с фамилиями начальников всех субъектов РФ за 1917—2001 гг.), «Управление по борьбе с преступлениями в сфере высоких технологий», «Учеты в системе МВД», «ФСБ РФ», «Чеченский кризис», «Экономическая безопасность», «Ядерные программы (участие НКВД—МВД)» и др.

Заметным событием стало издание в 1995—2001 гг. трехтомника о 59 министрах внутренних дел России—СССР—РФ за 1802—1998 гг., 12 из которых работали и в органах государственной безопасности: В. Ф. Некрасов. «Тринадцать “железных” наркомов. История НКВД—МВД от А. И. Рыкова до Н. А. Щелокова. 1917—1982». М., 1995; В. Ф. Некрасов. «МВД в лицах: министры от В. В. Федорчука до А. С. Куликова. 1982—1998». М., 2000; А. В. Борисов. «Министры внутренних дел России. 1802 — октябрь 1917». СПб., 2001. Все эти книги, как и Энциклопедия МВД, отмечены премиями МВД России.

Среди московских изданий отметим также работы: «Правовое регулирование деятельности органов внутренних дел». Сборник нормативных правовых актов в трех томах, под редакцией В. А. Васильева, составители Т. Н. Москалькова и В. В. Черников. М., 2001; В. В. Черников. «Судебная система, правоохранительные органы, специальные службы России». Учебник, 2001; «Органы и войска МВД России» (М., 1996, коллектив авторов, премия МВД России 1997 г.); двухтомник «Противопожарная служба России. Документы и материалы XI—XX вв.» (М., 2002); «Внутренняя и конвойная стража России. 1811 — 1917. Документы и материалы», под редакцией В. Ф. Некрасова, составители Б. Б. Давыдов, Н. Г. Сысоев, С. М. Штутман. М., 2002; этой же теме посвящена книга С. М. Штутмана «На страже тишины и спокойствия» (М., 2000).

К 200-летию юбилею МВД в Москве Объединенная редакция МВД России и издательство «ОЛМА-Пресс» в 2002 г. осуществили репринтное переиздание книги 1901 г. «Министерство внутренних дел. 1802—1902». Начата подготовка второй части этого издания за период 1902—2002 гг.

Саратовский юридический институт МВД России к знаменательной дате подготовил и издал сборники документов и материалов: «Полиция России. 1719—1917», «Милиция России. 1917—1934» (2001). Здесь же в 2001 г. вышла книга А. В. Афанасьева и Ю. В. Галкина «Российская милиция. Краткая хроника. Октябрь 1917—2000».

Немало работ к юбилею подготовлено и издано Студией писателей МВД России. Среди них особо следует выделить объемный труд «Герои России». Сборник документальных очерков. МВД России.

Главный редактор Л. П. Головнев (М., 2001). В книге впервые в систематизированном виде повествуется о 129 Героях Российской Федерации, представленных к этому званию Министерством внутренних дел. Эта Студия под рубрикой “200 лет МВД России” выпустила довольно большую серию художественно-документальных произведений.

В это же время выходит объемная содержательная книга бывшего министра внутренних дел, заместителя председателя Правительства России, генерала армии А. С. Куликова “Тяжелые звезды” (М., 2002), в которой даны авторские оценки многих событий последнего периода российской истории.

Непосредственное отношение к рассматриваемой теме имеет ряд изданий Санкт-Петербурга. В рамках серии “Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801 — 1917” в четырех томах в 2001 г. в издательстве “Наука” вышел второй том “Центральные государственные учреждения”, где ведущие архивные учреждения страны публикуют подробные сведения о структурах (с указанием фамилий руководителей) МВД, Министерства юстиции и других ведомств.

Немало книг к юбилею выпустил Санкт-Петербургский университет МВД России. Содержательными работами являются двухтомник “Министерство внутренних дел России. 1802—2002”. Под редакцией В. П. Сальникова. СПб., 2002, а также книга Н. С. Нижника, В. П. Сальникова, И. И. Мушкет “Министры внутренних дел Российского государства (1802—2002). Биобиблиографический справочник” (СПб., 2002).

К 200-летию юбилею МВД книги об истории и деятельности органов внутренних дел, обеспечении государственной и общественной безопасности вышли практически во всех регионах России, а также во многих образовательных учреждениях Министерства внутренних дел. Среди них: В. А. Чепрасов. “Калининградская милиция”. Калининград, 2001; “Саратовская милиция из прошлого в будущее”. Под общей редакцией П. П. Сальникова, автор-составитель В. Т. Гончаров. Саратов, 2002; Н. Г. Цимбал. “Четверть века из двух столетий. Посвящается 200-летию МВД России и 25-летию Краснодарского юридического института МВД России”. Краснодар, 2002; и многие другие.

Дальнейшее развитие исторических исследований является насущной потребностью времени. Однако подготовка к 200-летию МВД высветила и издержки такой работы. Ныне, когда юбилей уже остался позади, усилия историков этого ведомства, как и ранее, разобщены, не координируются единым органом. В Министерстве внутренних дел России, в отличие от других силовых структур, отсутствуют научно-исследовательские исторические учреждения, которые бы в плановом порядке занимались более углублен-

ной разработкой исторических проблем в соответствии с требованиями сегодняшнего дня. Такое ненормальное положение следовало бы исправить.

Об историческом опыте борьбы с терроризмом

Для разработки современной стратегии противодействия терроризму и политическому экстремизму, как представляется, важное значение имеет учет исторического опыта борьбы с этими социальными явлениями, причем как собственного исторического опыта, так и опыта зарубежного. Под этим углом зрения обратимся к рассмотрению проблемы противодействия терроризму в современных условиях.

Следует также предварительно оговориться, что в настоящее время ряд исследователей феномена современного терроризма¹ начинают рассуждать о новых, нетрадиционных, вероятных формах проявлений терроризма в XXI в. Но при этом, по нашему мнению, сохраняют свое значение такие сущностно-содержательные характеристики этого преступного феномена, как наличие той или иной идейно-теоретической концепции (базы сплочения единомышленников), стадии становления и условия деятельности террористов, характеризующие также политический терроризм XIX—XX вв.

При этом мы исходим из того, что терроризм как исторический феномен представляет собой совокупность действующих в определенный временной период исполнителей-одиночек, а также групп, признающих **террористические способы политической борьбы**, разрабатывающих концепции их обоснования, оправдания и тактики применения.

Изучение деятельности ряда российских (конца XIX — начала XX вв.) и зарубежных террористических организаций Европы, Азии и Латинской Америки позволяет, на наш взгляд, выделить ряд объективных **закономерностей** в организации, становлении и тактике действий террористов, актуальных для организации противодействия этой угрозе в современных условиях.

1. Следует прежде всего отметить, что появлению в обществе террористических групп, подчас даже объединяющихся в более крупные террористические организации, предшествует некоторый подготовительный, инкубационный период, имеющий разную продолжительность во времени, подчас до 10 лет.

Этот период характеризуется распространением неких анонимных или “авторизованных” — от имени некой группы “единомышленников” — документов, содержащих подстрекательства и призывы к совершению террористических действий. Одновременно в радикальных, оппозиционно настроенных слоях насе-

ления идет дискуссия о допустимости, целесообразности и оправданности начала террористической “политической борьбы”.

2. Многие из этих террористических организаций не только базируются на некоторой исходной идейно-политической конструкции (программе-максимум, “идеологии”), но и нередко имеют легальные “политические отделения”: Шинфейн у Ирландской республиканской армии (ИРА) в Ольстере (Великобритания); Эрри Батасуна у баскской ЭТА (Испания), “Движение за самоопределение” у Фронта национального освобождения Корсики (ФНОК) во Франции и другие.

3. Несмотря на периодически наносимые по ним удары правоохранительных органов, некоторые террористические организации продолжают существовать и действовать в течение многих лет: ИРА в Северной Ирландии с 1914 г., “Братья-мусульмане” в Египте с 1928 г., ЭТА в Испании с 1959 г. (хотя впервые заявила о себе только 7 июня 1968 г.), РАФ (“Фракция Красной армии”) в ФРГ с конца 1960-х гг., “Красные бригады” в Италии с 1970 г., “Красная армия Японии” (КАЯ) с начала 1970-х, “Серые волки” в Турции с середины 1970-х, “Прямое действие” во Франции с 1979 г., ХА-МАС с 1987 г.

Эта же поддержка со стороны части населения обеспечивает и “самовозрождение” организаций и групп в случаях их разгрома, как было с “Исполнительным комитетом “Народной воли” в 80-е гг. XIX в., с РАФ в 70-90 гг. XX в.

4. Еще одной закономерностью функционирования террористических групп и организаций является их все большая радикализация, подчас приводящая к обособлению групп особо “непримиримых” противников существующего общественного и государственного строя.

5. Некоторые из них являются сепаратистскими организациями (ИРА, ЭТА, ФНОК). В “идеологии” других соединяются национальный и религиозный компоненты (ИРА, “Братья-мусульмане”, “Серые волки”, ХАМАС), что свидетельствует о повышенной жизнестойкости организаций, опирающихся на определенные настраивания, чаяния значительных слоев населения, на реальную социальную базу поддержки своих идей. Это обстоятельство особенно важно для учета вероятной деятельности террористов и организации противодействия ей.

6. В 1970—1980-е гг. фиксировались контакты между различными европейскими организациями и КАЯ, палестинскими террористами. В настоящее время известно о связи между мусульманскими террористами”) Афганистана, Турции, Ирана и других стран с их единомышленниками в некоторых странах СНГ, включая Россию (Чечня, Дагестан и др.).

7. Подчас террористические акции осуществляются на территории других государств, иногда — “под чужим флагом”, в том числе и по согласованию с его “носителями”.

8. Как показывает опыт зарубежных стран, при достаточно устойчивом распространении одной из направленностей терроризма (преимущественно “левого” или “правого”), может появиться и его идейный антитеза: протестантские “Добровольческие силы Ольстера” (с 1966 г.) и “Борцы за освобождение Ольстера” (с 1971 г.) в Северной Ирландии, “Ку-клус-клан” в США и с конца 1960-х гг. “Черные пантеры”, применявшие и террористические методы действий; Фронт национального освобождения им. Фарабундо Марти и “эскадроны смерти” в Сальвадоре, “Революционные вооруженные силы” и “Белая рука”, “Эскадроны смерти” в Гватемале.

Последнее обстоятельство необходимо особо учитывать при организации противодействия терроризму и политическому экстремизму, поскольку сепаратистский экстремизм и терроризм могут породить ответный “фундаменталистский” отпор под весьма популярным лозунгом “единой и неделимой державы”.

Следует также отметить, что террористические организации за рубежом в пору пиковой активности являют собой не типичные до недавнего прошлого группки заговорщиков, фанатиков и аскетов, но целые концерны с внутренним разделением труда, мастерскими, складами, типографиями, лабораториями, убежищами, гостиницами, доходными предприятиями. Они превращали захваты банков, рэкет, взятие заложников с целью получения выкупа в разновидность высокодоходного бизнеса; внедряли своих агентов в различные звенья государственного аппарата, промышленного и финансового мира². В этой связи они являли собой особо опасные и особо конспиративные ответвления организованной преступности.

Отметим, что федеральный судья из США Уильям Уэбстер, ранее возглавлявший ФБР (в 1978—1987 гг.) и ЦРУ (в 1987—1991 гг.), в статье под многозначительным заголовком “Можно ли остановить террористов?” также относит к субъектам терроризма “криминальные картели”, т.е. организованную преступность³.

Адаптация и использование зарубежного опыта борьбы с терроризмом связаны с рядом вопросов.

С содержательной стороны в изучении зарубежного опыта борьбы с терроризмом можно выделить вопросы:

— практики законодательного регулирования борьбы с терроризмом;

— организации противодействия терроризму (включая принципы, особенности стратегии и тактики борьбы с терроризмом, распределение функций и полномочий в этой сфере правоохранительной деятельности, а также организацию профилактики терроризма и другие);

— правоприменительной деятельности.

По опубликованным работам можно выделить следующие особенности законодательного регулирования борьбы с терроризмом.

Его развитие связано прежде всего с тенденциями и особенностями криминогенной ситуации в конкретной стране, наличием политической воли ее руководства противостоять терроризму, особенностями политических традиций и культуры, наличием определенных международно-правовых обязательств, требующих, в свою очередь, имплементации в содержание соответствующих законодательных актов.

Подчас выработка адекватной системы мер противодействия террористической угрозе требует значительного периода времени, а также гибкого реагирования на изменение криминогенной и оперативной обстановки, основанного на изучении и учете как собственного, так и зарубежного опыта.

Так, например, опыт итальянских спецслужб в борьбе с терроризмом “Красных бригад”, в частности, смягчения наказания для раскаявшихся террористов, усиления общепрофилактической направленности деятельности правоохранительных органов, оказал влияние на изменение законодательства Великобритании и ФРГ.

Творческое его применение, на наш взгляд, привело в середине 1998 г. к последовательным заявлениям о прекращении терроризма со стороны РАФ в ФРГ, ИРА в Великобритании и ЭТА в Испании. (Правда, 3 декабря 1999 г. ЭТА заявила о прекращении “перемирья”, а с января 2000 г. эта организация вновь осуществила уже более 30 террористических актов.)

Организация — на национально-государственном уровне — противодействия терроризму, как правило, характеризуется:

— созданием органа специальной компетенции — Координационный совет по борьбе с терроризмом в 1991 г. в ФРГ, Исполнительный комитет по Ольстеру в 1991 г. в Великобритании, — для противодействия этой угрозе;

— совершенствованием административно-профилактических режимов;

— организацией международного сотрудничества в деле противодействия терроризму.

В целом рекомендуемые ООН и наиболее практикуемыми формами международного сотрудничества государств в борьбе с терроризмом являются:

— осуществление экстрадиций, т.е. выдачи заинтересованным государствам террористов или лиц, обоснованном подозреваемых в причастности к терроризму;

— оказание содействия в расследовании преступлений;

— разработка региональных и двусторонних межгосударственных соглашений о борьбе с терроризмом;

— подготовка сотрудников правоохранительных антитеррористических подразделений;

— проведение совместных научных исследований и обмен информацией по проблемам борьбы с терроризмом, включая и конкретную оперативную информацию.

Все они требуют как тщательного изучения и анализа, так и правового регулирования.

К использованию иностранного опыта можно также отнести разработку новых межгосударственных соглашений — конвенций — по определенным направлениям противодействия росту террористических проявлений, а также иных рекомендаций, принимаемых ООН и ее специализированными учреждениями.

В этой связи использование апробированного позитивного зарубежного опыта включает в себя:

— его изучение, анализ, выявление сильных и слабых сторон и разработку на этой основе непосредственных рекомендаций для законодательной и правоприменительной деятельности;

— включение его в том или ином адаптированном виде в систему правовой базы противодействия терроризму, т.е. инкорпорирование в законодательную систему государства;

— использование его в обучении сотрудников правоохранительных органов, в том числе при подготовке учебных пособий, монографий, научных статей;

— непосредственное его использование в предупредительных антитеррористических мероприятиях — эта практика наиболее широкое распространение получила в Израиле, в Великобритании (с 1973 г.), а также в США (с 1996 г.).

Но далеко не всегда зарубежный опыт дает только позитивные примеры. Например, несмотря на все принимаемые меры, Великобритании на протяжении около 60 лет не удается ликвидировать ИРА, также как полиции ФРГ не удалось ликвидировать РАФ, а испанской полиции — ЭТА. Проведенные израильскими спецподразделениями более тысячи операций по физической ликвидации террористов так и не привели к миру на Ближнем Востоке.

Следует также подчеркнуть, что, как показывает исторический опыт, “вползание” страны и общества в полосу вооруженного насилия может происходить достаточно быстро, тогда как избавление от терроризма иногда требует многих лет и даже десятилетий.

Однако, как нам представляется, позитивный зарубежный опыт еще не используется в полной мере.

В частности, предметом внимания законодателей и сотрудников правоохранительных органов не стали принципы участия СМИ в противодействии терроризму, а некоторые публикации прессы мо-

гут рассматриваться как своеобразные учебные пособия для потенциальных террористов.

К сожалению, по мнению многих аналитиков и экспертов, перспективы победы над терроризмом, по крайней мере в первом десятилетии XXI в., видятся достаточно безрадостными. Отметим в этой связи такой новый фактор международной обстановки, как появление своего рода первого в истории “террористического интернационала”.

Речь идет об образовании в апреле 1998 г. экстремистскими религиозными кругами некоторых исламских стран (Саудовская Аравия, Пакистан, Египет, Судан, Афганистан и др.), так называемого “Международного фронта джихада” (МФД). Полемика его деятельности уже стали многие государства Азии, Африки, Европы, Россия и другие государства СНГ. При этом речь идет не об официальном союзе государств, а об объединении и организационном взаимодействии ряда религиозных и политических организаций перечисленных государств. Причем некоторые участники этого “фронта” находятся в своих странах вне закона.

В заключение следует подчеркнуть, что, поскольку за рубежом, также как и в России, идет постоянный анализ эффективности и совершенствований системы мер противодействия терроризму, то и изучение зарубежного опыта борьбы спецслужб с этой угрозой национальной безопасности также должно носить постоянный, систематический и плановый характер.

Что же следует и что может быть противопоставлено угрозам терроризма?

На наш взгляд, весь мировой опыт свидетельствует о том, что борьбу с терроризмом ведут правоохранительные органы, но победить, точнее, “изжить” и отторгнуть терроризм может только само общество.

Важную роль при этом играют и средства массовой информации, если они осознают свое место и свою роль в этом процессе⁴.

В СМИ недопустимы не только какое-либо оправдание терроризма и террористов, но и повторение подчас звучащих в них тезисов о том, что терроризм — де является высокоэффективным и относительно дешевым средством достижения целей, а также о том, что “винтовка рождает власть!”.

Как представляется, внимание общества следует акцентировать как раз на том, что нигде и никогда террористам не удавалось добиться победы, а итогом и следствием их деятельности становились только многочисленные бессмысленные жертвы.

В этой связи контртеррористическую пропаганду следовало бы проводить под девизом: оставим терроризм в XIX и XX вв., в прошлой истории человечества!

Наряду со СМИ важное значение в деле профилактики и предотвращения терроризма имеет и эффективное функционирование системы образования населения, в том числе и пропаганда правовых знаний.

Составной частью этого процесса, на наш взгляд, должно стать также обучение населения культуре мира.

Как известно, Генеральная Ассамблея ООН на своей юбилейной 50-й сессии 20 ноября 1998 г. поддержала резолюцию ЮНЕСКО о провозглашении 2000 г. Международным годом культуры мира и утвердила пятилетнюю Программу воспитания культуры мира.

При этом под культурой мира понимались все формы поведения, которые уважают право на жизнь, достоинство и права человека, отрицают насилие во всех его формах и содействуют принципам мира, справедливости, солидарности, терпимости и понимания между индивидами, группами и государствами.

Государствам-членам ООН. предлагается стимулировать образование:

- в духе культуры мира, прав человека, терпимости и межнационального взаимопонимания;

- в духе защиты и уважения всех прав человека без дискриминации;

- продвижения принципов демократии на всех уровнях развития общества;

- активизировать борьбу с бедностью, за прогресс и процветание для всех;

- способствовать предоставлению каждому гражданину качества жизни, соответствующего человеческому достоинству.

Однако, как показывает история, современная планетарная цивилизация на практике еще весьма далека от подлинной реализации философии культуры мира.

Примечания

¹ См., например: Дамаскин О.В. Терроризм в условиях новых технологий // Проблемы борьбы с терроризмом: материалы научно-практической конференции 21 марта 2000 г. М., 2000. С. 83-86.

² См., например: Витюк В. В. Терроризм постсперстростроечной эпохи / Соисс.1993.№7. С. 45.

³ Ридерз дайджест. М., 1997. № 3. С. 81.

⁴ Подробнее об этом см.: Хлобутов О.М. Средства массовой информации и борьба с терроризмом // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000. С. 176-180.

Специальная операция НКВД в Синьцзяне

Западный Китай — Синьцзян в период с 1921 по 1949 гг. занимал своеобразное место в советско-китайских отношениях. Это была своего рода буферная зона между двумя государствами. Такая ситуация обуславливалась несколькими причинами.

Во-первых, географическим положением этой китайской провинции. Она имела очень протяженную границу с СССР, более 2 тыс. км. Причем из Синьцзяна открывался кратчайший путь к таким, считавшимся глубинными, советскими и регионам, как Казахстан, Западная Сибирь, Урал. Эти территории ввиду их удаленности от границ считались советским правительством наиболее безопасными, здесь размещались предприятия-дублеры, новые угольно-металлургические базы (Кузбасс, Караганда). Размещение в Западном Китае войск вероятного противника не оставляло в СССР безопасных районов. Вместе с тем Синьцзян очень удален от Восточного Китая. От Урумчи — столицы провинции до ближайшей советской железнодорожной станции Аягуз всего 950 км, а до ближайшей китайской станции Баатоу было в те времена 2340 км. Более коротким, чем в Восточный Китай, был и путь в Индию — около 1000 км, но он проходил по высокогорным перевалам, доступным только вычным караванам.

Во-вторых, Синьцзян имел сложный национальный состав населения, 60% которого составляли уйгуры, тюрки по языку и мусульмане по вероисповеданию; 12% китайцы; 8,7% монголы; 7,7 казахи. В начале 1930-х гг. здесь проживало также 60 тыс. киргизов, 30 тыс. русских, 20 тыс. таджиков, 15 тыс. узбеков, 2 тыс. татар.

В-третьих, пограничная китайская провинция стала убежищем для отрядов белогвардейцев и повстанческих отрядов разного политического характера, которые использовали ее территорию для нападения на приграничные районы СССР. Китайские власти не в состоянии были их контролировать.

В-четвертых, в условиях затяжной гражданской войны в Китае политическая нестабильность охватила и Синьцзян.

В-пятых, в дела провинции активно вмешивались Япония и Великобритания.

Советское правительство, стремясь не допустить создания на территории Синьцзяна враждебного СССР буферного государства и обезопасить границу от нападений белогвардейских и басмаческих

отрядов, также проводило целенаправленную политику по усилению своего влияния в этой провинции.

В результате длительной борьбы мнений возобладала точка зрения, основу которой составляли: отказ от поддержки сепаратистских течений среди местных национальностей (уйгур, казахов, монголов и др.), даже если они выдвигали прокоммунистические лозунги, оказание помощи китайским властям в сохранении их власти в провинции, вплоть до использования частей Красной Армии и пограничной охраны на сопредельной территории.

Впервые такая помощь была оказана в 1921 г. К весне этого года на территории Синьцзяна оказалось 50000 солдат, офицеров и беженцев. Ушедшие туда белогвардейские и повстанческие отряды Дутова, Анненкова, Бакича, Остроумова, Новикова, Шишкина и других, объединившись под командованием генерала Бакича, не считались с китайскими властями, разоружали китайских военнослужащих. Власть Синьцзяна обратилась за помощью к советской России. 17 мая 1921 г. был подписан "Договор командования Туркфронта с властями Синьцзяна о вводе Красной Армии на китайскую территорию для совместной ликвидации белых армий Бакича и Новикова". В соответствии с ним Красная Армия провела на территории Китая две операции в мае-июне и осенью 1921 г., в ходе которых Бакич был разбит и бежал на территорию Монголии, где был захвачен в плен, выдан советским властям и по приговору военного трибунала в мае 1922 г. расстрелян.

В ходе этих операций суверенитет Китая не был нарушен, Советская Россия была заинтересована только в ликвидации "белых" формирований на сопредельной территории и никоим образом не планировала экспорта революции в этот район Китая. Об этом убедительно свидетельствуют записки Г. В. Чичерина В. И. Ленину: "Готовится вскоре экспедиция из Сибири на Кобдо для борьбы против Бакича. Последняя цель есть единственная, этим будут удовлетворены желания местных китайских властей, с которыми мы должны жить в дружбе. На Урумчи мы не собираемся идти, да и нет нужды, ибо там нет Бакича, это было бы опасно, ибо могло бы способствовать восстанию местных племен, чего мы не желаем"¹.

Вновь обострилась ситуация в Синьцзяне в 1931 — 1934 гг., когда в апреле 1931 г. в районе Хами, Турфана, Баркуля вспыхнуло восстание, в котором приняли участие уйгуры, дунгане, казахи, монголы и другие народности провинции. Восстание проходило под антикитайскими, панисламистскими и пантюркистскими лозунгами, в нем участвовали широкие слои населения (феодалы, духовенство, купечество, ремесленники и крестьяне). На помощь повстанцам пришел из соседней провинции Гансу генерал Ма Чжунин, войска которого состояли из дунган. Восставших поддерживали Великобритания и Япония.

Восстание набирало силу, захватывало все новые территории, самостоятельно справиться с ним китайские провинциальные власти не могли и обратились за помощью к СССР. Советское правительство разрешило перебросить в Синьцзян несколько тысяч китайских солдат, отступивших из захваченной японцами Манчжурии и интернированных в СССР.

В условиях, когда почти вся провинция оказалась в руках восставших, командующий китайскими войсками в районе Турфана генерал Шен Шицай, опираясь на силы генерала Ма Ду, перебросившие из СССР, и отряды осевших в Синьцзяне белогвардейцев, 12 апреля 1933 г. сверг прежнего губернатора Цзинь Шуженя. Новое правительство обратилось к повстанцам с предложением мира. Были провозглашены равноправие всех национальностей, населяющих провинцию, политические свободы и меры по улучшению экономического положения народа. Новый губернатор послал представителей в СССР, чтобы добиться материальной, финансовой и военной помощи.

Эти события позволили советскому руководству соблюсти баланс между поддержкой национально-освободительного движения и борьбой за сохранение власти Китая над провинцией. Генерал Шен Шицай стал теперь восприниматься не как обычный китайский милитарист, а в качестве демократического и прогрессивного деятеля, помощь которому вполне оправдана. 3 августа 1933 г. Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило "Директивы по работе с Синьцзяном", проект которых был подготовлен и внесен специальной комиссией Политбюро во главе с К. Е. Ворошиловым. В этом документе определялась линия на поддержку Урумчинского правительства и его политических реформ и сохранения провинции в составе Китая, предоставление помощи в борьбе с Ма Чжуном и другими дунганскими отрядами².

В ноябре 1933 г. на территорию Синьцзяна были введены советские войска. Их действия определялись как особая операция Главного управления пограничной охраны ОГПУ. Руководил ею начальник ГУПО М. П. Фриновский, затем сменивший его И. К. Кручинкин. Кроме того, Советский Союз финансировал участие белогвардейских отрядов в боях на стороне Синьцзянского правительства.

Таким образом, можно считать, что именно советская политика обеспечила поражение восставших³. Позиция СССР вместе с новой политикой Шен Шицай (включение представителей нацменьшинств в правительство, назначение их руководителями на местах и т.д.) способствовала расколу среди повстанцев, переходу части их руководителей, например Нияз-Ходжи на сторону правительства. Весной 1934 г., когда положение несколько стабилизировалось, начался вывод советских частей из Синьцзяна, но для прочного зак-

репления победы и овладения ключевыми пунктами, контролирующими пути из Ганьсу в Синьцзян, была оставлена на 3—4 месяца конная группа “алтайцев” с артбатареей общей численностью в 350 человек. Кроме того, на срок от 6 месяцев до года оставались летчики и летчики-наблюдатели, автомеханики, водители и командиры бронемашин, артиллеристы, пулеметчики и общевойсковые командиры в качестве инструкторов (всего 50 человек). Кавгруппа “алтайцев” была оставлена как отдельное соединение, маскируемое под “русский кавалерийский полк” из “белоземляков”, с присвоением личному составу соответствующих чинов, знаков различия и т. п. Все советские военнослужащие переходили на содержание Урумчинского правительства, причем инструктора зачислялись на службу на основе индивидуальных контрактов. Особое внимание советское руководство обращало на обеспечение тщательного отбора лояльных элементов и установление дисциплины в русских частях⁴.

Русские части составляли значительную часть правительственных войск, причем наиболее боеспособную и надежную. Об этом свидетельствует предлагаемая советским руководством диспозиция синьцзянских войск в ходе операции по очищению Кашгарии от войск Ма Чжунина: “1 эшелон — 1, 2 и 5 русские полки; 3-й эшелон (резерв командующего фронтом) — 3 русский и 6 алтайский полки”. С воздуха войска поддерживало звено самолетов-разведчиков Р-5. Синьцзянскому правительству постоянно рекомендовали не допускать хотя бы частичной демобилизации русских частей до окончания операций в Кашгарии и создания новой боеспособной и надежной армии из китайцев⁵.

Таким образом, в горах и пустынях Западного Китая “красные” и “белые” сражались на одной стороне и даже были одеты в одну и ту же военную форму.

Силы Синьцзянского правительства разгромили Ма Чжунина, он перешел советскую границу и был интернирован, но советское руководство не выдало его властям Синьцзяня, сославшись на положения Конституции⁶.

Между тем внутрисполитическая ситуация в Синьцзяне по-прежнему оставалась достаточно сложной и противоречивой. На юге Синьцзяна, особенно в районе Хотана, где дислоцировалась 36-я дивизия, входившая в годы восстания мусульман в состав войск Ма Чжунина и состоявшая в основном из дунган, зрело недовольство действиями провинциального правительства, которое, по мнению солдат и офицеров этой дивизии, не выполняло принятых на себя обязательств. Этими же причинами, а также продолжавшей жить в умах мусульман идеей независимости можно объяснить все более накалявшиеся отношения между правительством и 6-й уйгурской кавалерийской дивизией. В результате в апреле 1937 года

на юге Синьцзяна вспыхнуло новое антиправительственное восстание, основной силой которого являлись 36-я дунганская и 6-я уйгурская кавалерийские дивизии, состоявшие, практически, исключительно из мусульман. Не имея сил для самостоятельной борьбы с повстанцами, Шен Шиай в очередной раз обратился за помощью к советскому правительству. И такая помощь вновь была ему оказана.

Уже в июле 1937 г. в район восстания с советской территории были переброшены несколько полков НКВД и Красной Армии с артиллерией и бронемашинами, которые поддерживала авиагруппа численностью до 25 самолетов. В течение лета и осени войска повстанцев были разбиты, и в январе 1938 г. советские части, участвовавшие в операции, покинули Синьцзян⁷.

С началом японо-китайской войны в 1937 г. через Синьцзян проходил единственный безопасный маршрут снабжения Китая советским оружием.

Китайское руководство обратилось к Советскому Союзу с просьбой о помощи в создании транспортной артерии через провинцию Синьцзян. Эта трасса должна была стать, по замыслу китайцев, основным маршрутом переброски советской помощи во внутренние районы Китая. Правительство СССР ответило согласием, и уже в октябре 1937 г. китайские рабочие под руководством советских специалистов начали прокладку 2925-километровой автомобильной трассы по маршруту: Сары-Озек—Урумчи—Ланьчжоу. Трасса начиналась от станции Сары-Озек, а затем “проходила по территории СССР до пограничного пункта с Синьцзяном (1530 км) и далее по территории провинции Ганьсу до конечного пункта автомобильной трассы Ланьчжоу (1165 км)”. На строительстве трассы трудилось несколько тысяч советских граждан.

К началу 1938 г. самой основной задачей и провинциальных властей и представителей советских организаций и ведомств, работающих в Синьцзяне, стало обеспечение переброски из СССР все нарастающего потока военных материалов в центральные районы Китая. К этому времени на территории провинции на постоянной основе, как уже отмечалось, находилось несколько тысяч советских граждан, в том числе и военнослужащих, которые обеспечивали здесь выполнение соглашений о предоставлении Китаю советской помощи.

В первый период выполнения соглашений основная часть советского контингента в Синьцзяне была занята обеспечением бесперебойной деятельности и охранной трассы Сары-Озек—Ланьчжоу, которая обозначалась в секретных документах как трасса “Z”. Для этого была создана особая войсковая часть, в распоряжении которой находилось 750 грузовых автомобилей. Вдоль всей трассы “было организовано 20 пунктов ночевки, питания и заправ-

ки машин, из которых 18 располагалось на китайской территории". Для охраны трассы в Синьцзян была переброшена также специально сформированная бригада, в состав которой входили: "...кавалерия с приданными частями — танкисты, артиллеристы, автобатальон, саперы, связисты, хозяйственная часть, санчасть". Кроме того, бригаду поддерживала расположенная рядом авиачасть. Военнослужащие бригады были экипированы в форму китайской армии и должны были обращаться к друг к другу так, как это делали бывшие белогвардейцы, находящиеся на службе у китайцев. Участники событий, проходившие службу в этой бригаде, вспоминают, что ей приходилось довольно часто вести активные боевые действия. Деятельность трассы "Z" обеспечивала бесперебойную доставку воюющему Китаю огромного количества грузов. Так, только в 1937—1938 гг. по трассе было перевезено 10965 т различного вида вооружений, в том числе сотни самолетов, артиллерийских орудий, тысячи единиц другой боевой техники и военного имущества⁸.

Части НКВД находились в Синьцзяне еще длительное время. Но в конце 1941 г. Шен Шицай изменил свою позицию в отношении СССР, репрессировал всех сторонников дружбы с Советским Союзом и 5 октября 1942 г. потребовал отъезда в течение 3 месяцев всех советских советников и специалистов и вывода советских войск.

В 1944 г. в трех северных округах Синьцзяна началось восстание, и была провозглашена Восточно-Туркестанская республика. В 1944—1946 гг. оперативные группы НКВД и МВД, значительную часть которых составляли пограничники ряда отрядов и комендатур, кавалеристы, летчики, работники особых отделов, некоторых пограничных округов, действовали на территории Синьцзяна.

Таким образом, в течение длительного периода (1933—1935 гг., 1937—1942 гг., 1944—1946 гг.) на территории Западного Китая осуществлялись специальные операции с широким участием частей Красной Армии, НКВД, органов государственной безопасности СССР.

В этом районе активно действовали спецслужбы командования Китая, Великобритании и Японии. Собственную весьма сложную игру вели провинциальные власти и подчиненные им органы безопасности. Так, в 1937 г. Шен Шицай пытался обвинить в организации нового восстания троцкистов, которые якобы планировали, захватив в провинции власть, ликвидировать проводимую им политику, основой которой были с одной стороны — антиимпериализм и дружба с СССР, а с другой — шесть основных политических принципов, декларированных им в апреле 1933 г. Шен Шицай уверял, что в случае успеха восстания его результатами воспользовались бы японские и германские агенты, которые активно работали в провинции, создавая здесь свои базы, а в результате всего этого пострадали бы и Китай, и Россия. Итогом борьбы Шен Шицай с "троцкистами" яви-

лось то, что он официально объявил руководителем троцкистской организации генерального консула СССР в Синьцзяне Апрессова, который "пытался посорить Синьцзян и Россию". После этих обвинений Апрессов был отозван на родину и расстрелян. По Синьцзяну прокатилась волна арестов, начались репрессии, в результате которых пострадало более 400 человек, в том числе видные провинциальные руководители и китайские коммунисты¹⁰.

В условиях, когда суверенитет Китая над регионом сохранялся, действия советских войск маскировались, разрабатывались меры оперативного прикрытия их участия в боевых действиях и вообще присутствия на китайской территории.

Особый интерес вызывает деятельность органов безопасности по обеспечению контрразведывательного обеспечения в таких необычных и сложных условиях. Представляется, что деятельность разведчиков, а также военной контрразведки в особых условиях, заслуживает стать темой специального исторического исследования.

Библиография

Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян 1918—1941 (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул: БГПУ, 1988.

Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян 1918—1941. Барнаул: БГПУ, 1999.

Его же. Синьцзян в советско-китайских отношениях в 1918—1931 гг. // Проблемы Дальнего Востока, 1999. № 4. С. 113—122.

Его же. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1931—1934 гг. // Проблема Дальнего Востока, 1999. № 6. С. 91—103.

Его же. Синьцзян в истории советско-китайских отношений в 1931—1934 гг. // Проблемы Дальнего Востока, 2000. № 1. С. 84—95.

Галенович Ю. М. "Белые пятна" и "болевые точки" в истории советско-китайских отношений: в 2-х т. М., 1992. Т. 1. С. 107—108.

Мировицкая В. А. Советский Союз в стратегии гоминдана (20-30-е годы). М. 1990. С. 158.

Гриценко Я. Что это было (К событиям в Синьцзяне в 1933-1934 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 5.

Таипов В. В борьбе за свободу. М., 1974.

Градов Ю. Н. Караван на перевале (неизвестная хроника 30-х годов) // Проблемы Дальнего Востока, 1990. № 2—4.

Примечания

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2116. Л. 21.

² См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 32.

³ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 158; Д. 16. Л. 48-49.

⁴ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 32.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 123.

⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 558. Он. И. Д. 214. Л. 64-65.

⁸ Бармин В. А. Советский Союз и Синьцзян 1918—1941. Барнаул: БГПУ, 1999. С. 161-162.

⁹ Там же. С. 160.

Два свидетеля - два взгляда

(о работе Марфинской лаборатории МГБ СССР на рубеже 1940-х - 1950-х гг.)

Одним из важнейших явлений послевоенного периода истории правительственной связи и криптографии, бесспорно, стала разработка аппаратуры автоматического засекречивания телефонных переговоров гарантированной стойкости на базе Марфинской лаборатории МГБ СССР.

Из нескольких письменных свидетельств, оставленных участниками этих событий, особого внимания, на наш взгляд, заслуживают два. Эти свидетельства столь же несхожи, сколь и их авторы. Первый — инженер-криптограф, офицер МГБ, руководивший одной из групп особого сектора Марфинской лаборатории. Второй — математик, инженер Акустической группы общего сектора, один из почти трех сотен заключенных специалистов. Первый известен весьма неширокому кругу коллег по работе, которой отдал более 50 лет своей жизни. Второй — мировая знаменитость, Нобелевский лауреат, признанный при жизни пророком, в том числе и в своем отечестве. Имя первого — Константин Федорович Калачев, второго — Александр Исаевич Солженицын.

Несмотря на несхожесть жанров, оба произведения рядоположены по названиям. Солженицын назвал свой роман “В круге первом” — по аналогии с областью Дантова ада, предназначенной для ввергнутых в геенну земных мудрецов. Заголовок книги Калачева — “В круге третьем” — выбран исходя из авторской периодизации процесса создания отечественных шифраторов (третий период — 1948—1951 гг.). И конечно, оба текста имеют черты мифа. Это действительно миф, где есть и божественная воля, и лабиринт с Минотавром, и герой, или герои, сыгравшие каждый свою роль в этой овеянной легендами истории.

Что касается божественной воли, то у Солженицына она выражена в двух словах, написанных цветным карандашом на странице настольного календаря Вождя — “секретная телефония”. Конечно, воля Сталина была далеко не последним фактором, обусловившим развертывание широкого фронта работ по созданию принципиально нового типа аппаратуры линейного засекречивания. Но были и другие факторы — объективного характера. Воплощение идеи

“абсолютного шифратора” определялось не только потребностью высшего эшелона власти в надежном средстве конфиденциальной связи. Это был завершающий итог длительного процесса, начало которого восходит к 20-м гг. прошлого века. И январское 1948 г. постановление Совмина, на основании которого собственно и развернулись работы, стало одним из множества подобных решений.

Первая отечественная серийная “секретка” была создана в середине 1930-х гг. И для того времени она воспринималась как весьма совершенная, хотя и работала по принципу простой инверсии (или переворачивания) разговорного спектра. Но уже в годы войны появились новые, пока единичные аппараты с более сложной схемой кодирования (“Соболь-П”, в основу действия которого был положен метод частотно-временных перестановок синверсией спектра, “Нева”, “Сова” и др.). Роль информации в управлении государством и вооруженными силами возрастала. Это и стало основным фактором совершения прорыва к “абсолютному шифратору” — такому, который мог бы гарантировать длительное (до 50 лет!) сохранение доверенной телефону тайны, даже при условии перехвата сообщения явным или предполагаемым противником.

Поэтому совершенно прав Калачев, из повествования которого следует, что именно в третьем временном круге созрела возможность перехода количества имевшихся наработок в новое качество. Если бы не это обстоятельство, то ничего бы не значила “божественная воля” Лучшего Друга Всех Связистов, как называет Сталина Солженицын в своем романе.

Другое дело — сроки. Это и был лабиринт, для поиска выхода из которого отмерялось ничтожно малое время. И Солженицын, и Калачев сходятся в мнении о том, что выделенный для решения проблемы срок — чуть более одного года — был нереальным. Но именно в этот срок, обозначенный в постановлении Совмина, требовалось совершить подвиг. С одной стороны, шифратор должен был быть высокоскоростным, что означало перевод в телефонии, а с другой — криптографически стойким, это было связано с созданием нового направления в криптографии.

Сухо и по-инженерному четко формулирует проблемы, вставшие перед Марфинской лабораторией, Калачев: “...дискретизация непрерывного речевого сигнала в последовательность двоичных импульсов. ...Увеличение скорости передачи двоичных сигналов по каналу связи в 3—4 раза. ...Разработка шифратора, работающего на скоростях во многие десятки раз больше скорости телеграфного шифратора. ...Криптографический анализ и обеспечение стойкости высокоскоростного шифратора”. А вот как это звучит у Солженицына: “...если б кто-нибудь взялся расчлнить Новый Афон или Гурзуф на кубики вещества, втиснуть их в миллиард спичечных коробок, перепутать, перевезти самолетом в Нерчинск, на но-

вом месте распутать, неотличимо собрать и воссоздать субтропики, шум прибоя, южный воздух и лунный свет. То же, в пакетиках-импульсах, надо было сделать и с речью, да еще воссоздать ее так, чтобы не только было все понятно, но Хозяин мог бы по голосу узнать, с кем говорит”.

Не углубляясь в технические подробности, следует сказать, что выход из этого лабиринта проблем виделся руководителям проекта, и прежде всего начтшнику лаборатории А.М. Васильеву, по началу весьма призрачно. Примечательно, что сам основоположник отечественной секретной телефонии В.А. Котельников, по свидетельству Калачева, от непосредственного участия в разработках вежливо уклонился. Однако в количественном отношении было сделано все возможное: в кратчайшие сроки оборудованы технические помещения, подразделения насыщены самой современной аппаратурой (как своей, так и трофейной), установачен невероятный даже для заключенных специалистов рабочий день — до 14 часов, и зачастую без выходных. Кроме того, для решения поставленных перед лабораторией задач были собраны лучшие силы (как пишет Калачев, к концу 1948 г. в Марфинской лаборатории работало 480 человек, в том числе 280 заключенных). В проекте участвовали четыре лауреата Сталинской премии военных лет — Д.П. Горелов, Н.Н. Найденов, И.С. Нейман, А.М. Трахтман, такие видные советские криптографы, как И.Я. Верченко, Ю.Я. Волошенко, В.С. Салтыков, А.П. Петерсон и многие другие.

Заложив сразу несколько параллельных проектов засекречивающей аппаратуры (М-801, М-803, М804, М-805, М-809), Васильев поступил, безусловно, правильно. Хотя бы одна из групп, работавших каждая по своему направлению, должна была вырваться вперед, к выходу и обеспечить тем самым успех всего коллектива. Солженицын пишет о противоречиях, порой антагонистических, возникавших между начальниками различных групп и рангов, например, между А.М. Васильевым и научным руководителем акустической лаборатории А.М. Трахтманом (у Солженицына — А.В. Ройтман). Видимо, это не совсем так. Иначе задача просто не была бы выполнена. Успех коренился (и об этом неоднократно упоминает Калачев) в жесткой координации усилий всех коллективов и гибкой перегруппировке сил в соответствии с намечавшимися перспективами.

Конечно, не через год, и даже не через два, но в начале 1952 г. опытные образцы аппаратуры М-803 были приняты к испытаниям на реальных линиях ВЧ-связи. Выход из лабиринта найден, а Минотавр — побежден.

Для Солженицына Минотавром в лабиринте времени был лично Сталин и, как фигура второго плана, — министр госбезопасности В.С. Абакумов. Безусловно, в глазах заключенного, да и не толь-

ко, возмездие за невыполнение поставленной задачи представлялось только в одной форме — ввержение в самый ад ГУЛАГа, откуда исхода нет. Но грешно было бы думать, что один лишь страх двигал мыслями огромного коллектива.

Конечно, давление было. Были и недвусмысленные угрозы со стороны В.С. Абакумова и начальника Отдела оперативной техники МГБ Ф.Ф. Железова (по свидетельству Калачева — “с употреблением нецензурных слов”). Но было другое чудовище, более страшное для профессионала, — возможное бессилие перед проблемой, которая, как это было достоверно известно, успешно решалась предполагаемым противником. Именно поэтому коллектив Марфинской лаборатории (в том числе подавляющее большинство заключенных специалистов) самозабвенно трудился без сна и отдыха в течение трех лет. И все-таки сделал невозможное, во многом благодаря “озарению” (как пишет Калачев) сотрудника 6-го управления МГБ А.П. Петерсона, предложившего наиболее перспективный вариант речепреобразующего устройства, которое в дальнейшем получило название полувocoderа.

Андрей Петрович Петерсон был лишь одним из героев этого мифа.

Например, с большим пиететом пишут оба автора о Л.З. Копелеве (в романе Солженицына — Л.Г. Рубин), единственном, по словам Калачева, в стране специалисте, умевшем “читать” видимую речь. Рубин вообще — один из главных героев романа “В круге первом”, как и Сологдин (в реальной жизни — Д.М. Панин), внесший существенный вклад в работу конструкторского бюро лаборатории.

Трудно перечислить всех штатных сотрудников и заключенных “шарашки”, которых смело можно причислить к плеяде героев эпопеи.

Есть среди них и незаслуженно обиженные А.И. Солженицыным. Написанный им в черных тонах портрет “железной маски” — “полузаклученного” Я.И. Мамурина только внешне напоминает реального человека — начальника Отдела правительственной связи МГБ И.Я. Воробьева, организатора, сделавшего так много для развития секретной телефонии, а затем волею руководства заброшенного в Марфинскую лабораторию и возглавившего там одну из групп особого сектора. Досталось от великого русского писателя и начальнику лаборатории А.М. Васильеву (в романе — А.Н. Яконов), и другим действующим лицам трагедии. Надо воздать должное А.Ф. Калачеву, который тонко и уважительно к таланту гения “подправил” в своей книге некоторые штрихи к портретам солженицынских героев.

...Прошло полвека. Немногие из участников тех далеких событий дожили до наших дней. В орловском Музее специальной связи

любой желающий может увидеть последний “оставшийся в живых” полукомплект первой отечественной засекречивающей аппаратуры гарантированной стойкости М-803-5, ценный еще и тем, что во времена самой теплой дружбы с коммунистическим Китаем он эксплуатировался на линии Москва—Пекин. В Музее шифртехники Академии ФСБ сохранился тот самый легендарный аппарат “видимой речи”, на котором демонстрировал высшим чинам МГБ свои уникальные филологические способности Л.З. Копелев. Рядом с этими раритетами — новые и новейшие засекречивающие устройства, относящиеся к классу практически недешифруемых систем, — внуки и правнуки изделий Марфинской лаборатории МГБ. Это — наша история, которую мы бережно храним. Как и память о тех, кому выпало быть ее творцами.

В. П. Галицкий,

*Действительный член Академии военных наук, доктор юридических наук,
профессор, капитан I ранга*

Эволюция государственного строительства Чеченской Республики

Чеченская Республика занимает важное стратегическое положение на Северном Кавказе, что не может не учитываться при построении программы безопасности Российской Федерации и защите ее национальных интересов на Юге России. Однако наша отечественная история свидетельствует, что Россия не всегда эффективно проводила свою национальную политику на Северном Кавказе и непосредственно в Чечне. Это касается не только сохранения земель, находившихся во владении русского населения (прежде всего казаков), но и сохранения необходимой численности русского населения на Северном Кавказе.

Так, например, до 1991 г. Чечено-Ингушская АССР (ЧИ АССР) была многонациональной. На 12.01. 1989 г. национальный состав населения ЧИ АССР в процентном отношении составлял: 66,0 % чеченцы, 24,8 % русские и 2,3 % ингуши, а в остальные 12,9 % входили украинцы, евреи, татары, калмыки и др. национальности. После 1992 г. процентное соотношение резко изменилось в пользу лиц чеченской национальности, и, по оценочным данным, чеченцы ныне составляют почти 95 % населения (данные на январь 2002 г.).

Основной причиной оттока населения Чечни не чеченской национальности явился внутричеченский социально-политический конфликт начала 90-гг. XX в., переросший в вооруженный конфликт, длящийся уже более 9 лет, и целенаправленное выдавливание русского населения не только из административно-управленческих, производственных и коммерческих структур, но и из мест постоянного проживания. За последнее десятилетие Чеченскую Республику покинули более 400 тыс. человек ее русскоязычных жителей. В результате на январь 2003 г. на территории всей Чечни проживает около 25 тысяч представителей славян, подавляющее большинство которых составляют старики и больные люди, не имеющие ни средств, ни физической и иной возможности выехать за пределы Чечни.

В традиционно русских (казацких) станицах (Наурская. Мекенская, Шелковская, Ищерская, Новотерская и многие другие) осталось буквально не более чем по 15—20 семей (в среднем). По официальным данным, начиная с 1991 г. в Чечне было убито более 20

© В.П. Галицкий

тысяч русских (не считая погибших в ходе боевых действий), захвачено более 100 тыс. квартир, принадлежавших представителям не чеченской национальности и более чем 45 тыс. человек обращено в рабство¹. Беспокойство вызывает тот факт, что ни Президент, ни Правительство Российской Федерации, ни многочисленные правозащитные российские организации не говорят о фактическом геноциде русского народа на территории Чеченской Республики, его полной незащищенности. Следует напомнить, что русский народ является государственнообразующим народом, а не просто одним из народов Российской Федерации. Стоит вопрос, а может ли наше государство называться Российским, если оно не защищает и позволяет унижать, грубейшим образом нарушать конституционные права государственно-образующего народа?

Российская Федерация много делала и делает для того, чтобы Чечня являлась ее полноценным субъектом. К сожалению, определенная часть чеченского народа так и оценила этих конструктивных шагов и решений по созданию государственности в Чечне.

Поданным статистического сборника, изданного в 2000 г. Госкомстатом Российской Федерации, Чеченская Республика занимает 19,3 тыс. кв. км. На 1 января 2000 г. в республике проживало 767,9 тыс. чел. В городской местности проживает 245,1 тыс. чел., в сельской местности — 522,8 тыс. чел. Плотность населения на 01.01.2000 г. составляла 56,1 чел. на 1 кв. км. Республика богата сырьевыми ресурсами, имеет достаточно пахотных земель и способна иметь развитое сельское хозяйство и промышленность. Исходя из вышеприведенных данных, можно считать, что Чеченская Республика является самодостаточным субъектом Российской Федерации, способным обеспечить себя всем необходимым при условии внутренней стабильности и консолидированности чеченского общества. Чеченский народ имеет мощные внутренние социально-психологические резервы и богатые традиции преодоления кризисных ситуаций и разрешения всевозможных внутренних противоречий и конфликтов.

Чеченский народ всегда стремился к развитию своей государственности. Однако такая возможность появилась лишь после Великой Октябрьской революции, в победе которой на Северном Кавказе чеченцы принимали самое активное участие. Усилиями таких представителей чеченского народа, как Али Митаев, Эльдарханов, Шерипов, Хамзатов и др. 30 ноября 1922 г. решением Советского правительства была образована Чеченская автономная область. 15 января 1923 г. в Урус-Мартане состоялся съезд чеченцев для всенародного объявления о создании автономии и выработки мероприятий по формированию полноценных органов областного и местного самоуправления. Для поздравления на этот съезд прибыли Ворошилов, Буденный, Микоян, Левандовский и

другие, а также представители соседних автономных республик и областей. Кроме Ворошилова, Буденного, Микояна и Левандовского на съезде выступили авторитетные в Чечне люди: муллы из Урус-Мартана Би-Султан Тагиров и Бело-Хаджи, а также шейх Али Митаев из Автуров. Свою работу съезд продолжил 17 января 1923 г. в г. Грозном. На съезде были обсуждены задачи новой власти. Здесь же снова выступил шейх Али Митаев и сказал: “Осуществилась мечта населения Чечни. Мы получили свободное самоуправление”. Но определенная часть чеченцев поняли это по-своему, и уже к концу января 1923 г. Чеченский областной отдел ГПУ докладывал в Москву о том, что “чеченцы, вместо того чтобы заниматься государственным строительством, после получения автономии стали заниматься бандитизмом. В связи с этим бандитизм в Чечне резко возрос”.

Образование автономии Чечни позволило сформировать свои органы областного и местного самоуправления. Однако в соответствии с законами СССР Чечня не имела права иметь свою конституцию. Несмотря на это, с исторической точки зрения данное событие можно считать началом государственного и конституционного строительства в Чечне, поскольку были созданы свои органы власти и был впервые получен статус самостоятельного административно-территориального образования. Рассмотрим кратко, как проходил данный процесс. Это важно знать, так как не все помнят или не хотят его вспоминать.

Становление национальной государственности в Чечне неотделимо от становления государственности других горских народов Северного Кавказа. Однако политика Российского государства и его государственное устройство до 1917 г. исключали какие бы то ни было элементы автономии. Любое стремление народов окраин России к национальной самостоятельности жестоко пресекалось. Победа Великой Октябрьской революции в России ускорила эти процессы. Сформировавшаяся у горских народов на протяжении нескольких столетий неприязнь к Российскому государству, осуществлявшему свою политику по принципу “разделяй и властвуй”, естественно, не могла исчезнуть в одночасье с утверждением советской власти.

На Северном Кавказе 5 марта 1918 г. II Съезд народов Терек провозгласил установление Советской власти и образование Терской Республики в составе России. В феврале 1919 г. Терская Республика пала под ударом деникинских войск, которым удалось с тяжелыми боями захватить только часть равнины, а отошедшие в горы местные жители продолжали борьбу до марта 1920 года².

В ноябре 1920 г. во Владикавказе на съезде народов Терской области была провозглашена Горская АССР (декрет ВЦИК РСФСР об образовании Горской АССР от 20 января 1921 г.). Вскоре из ее

состава выделились Кабардинская автономная область (1 сентября 1921 г.), Карачаево-Черкесская автономная область (12 января 1922 г.), Чеченская автономная область (30 ноября 1922 г.). 7 июля 1924 г. Горская АССР была упразднена в связи с образованием Северо-Осетинской и Ингушской областей, а город Владикавказ получил центральное подчинение.

В 1929 г. в Чеченскую автономную область были включены г. Грозный и Сунженский округ. 15 января 1934 г. Чеченская и Ингушская АО объединены в единую Чечено-Ингушскую автономную область, а 5 декабря 1936 г. она преобразована в Чечено-Ингушскую автономную республику с центром в г. Грозном.

Установленная в 1920-е гг. на Северном Кавказе Советская власть оценивалась многими чеченцами не как власть, а как система вседозволенности. И хотя Советское правительство проводило покровительственную политику в отношении народов Северного Кавказа, установление даже элементарных норм государственности по советскому образцу вызывало у чеченцев недовольство, которое нередко принимало форму активного вооруженного противодействия; среди местных жителей процветал незаконный оборот оружия.

В 1930-е гг. в Чечено-Ингушетии повстанцы, не принявшие форсированных действий советской власти, неоднократно оказывали вооруженное сопротивление:

1931 — 1935 гг. — повстанческие действия отряда Х. Истамулова в ответ на перегибы коллективизации в горных аулах;

1932 г. — выступления в Ножай-Юртовском районе;

1933 г. — восстание в Шалинском районе;

1940 г., февраль — восстание Х. Исраилова, разграбление большинства колхозов.

Великая Отечественная война еще более обострила общественно-политическую обстановку. Миллионы представителей народов Советского Союза, в том числе тысячи чеченцев, сражались на фронтах войны. Вместе с тем это отнюдь не означало, что в самой Чечне население полностью разделяло действия властей. С подходом германских войск к территории Чечни часть родовых и религиозных авторитетов от имени всего народа пытались устроить торжественную встречу передовым подразделениям немцев в расчете на дальнейшую благосклонность со стороны будущей администрации. В политдонесениях Военному совету СКВО отмечалось также, что местное население большинства горных аулов уклонялось от призыва, не желая участвовать в войне против гитлеровцев. Уклонение от призыва повлекло за собой массовый уход мужского населения в горы, где создавались мобильные вооруженные отряды с целью борьбы с советской властью. Существование в горах таких отрядов было возможно только при полной материальной поддер-

жке населения на основе родственно-клановых тейповых отношений.

В районы действия банд выбрасывались отдельные парашютисты и десанты немцев. Банды вели подрывную деятельность в тылу Красной Армии, а также непосредственно участвовали в боях на стороне фашистов.

Осенью 1942 г. немско-фашистскими войсками была оккупирована значительная часть Северного Кавказа, в том числе северозападная часть Чечено-Ингушетии. В январе 1943 г. территория ЧИ АССР была полностью освобождена от захватчиков, однако в горах продолжались провокационные вылазки бандитов:

1942 г., март — восстание М. Шерипова в с. Шатой (Советское), с. Итум-Кале. Объединение с отрядом Х. Исраилова, организация военного штаба и повстанческого правительства;

1942 г., июнь — в населенных пунктах Чечено-Ингушетии распространены листовки с воззванием повстанческого правительства, где говорилось, что народы Кавказа окажут немцам гостеприимство при полном признании ими независимости Кавказа;

1944—1950 гг. — бандитско-террористические действия бандитских групп, состоявших из так называемых политбандитов 1930-х гг., дезертиров и уклонившихся от выселения чеченцев, в горах Чечено-Ингушетии, ликвидированные частями НКВД.

Сталин этого не простил, но он и не стал разбираться, кто из граждан — чеченцев, балкарцев, калмыков и т.д. — сохранял лояльность, а кто выступал против, и решил покарать поголовно всех, целые народы. Была осуществлена преступная депортация целого народа, который лишился исконной территории проживания и обрекался на гибель в более или менее отдаленной перспективе.

23 февраля 1944 г. чеченский и ингушский народы, обвиненные в сотрудничестве с немецко-фашистскими захватчиками, были депортированы в Казахстан, Узбекистан и Киргизию. Чечено-Ингушская АССР была ликвидирована, территория распределена между Грузией, Дагестаном, Северной Осетией и Ставропольским краем. Впоследствии значительная часть территории вошла в состав Грозненской области.

Государственное строительство в Чечне было прервано.

В июле 1956 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР с чеченцев, ингушей, балкарцев, карачаевцев, также депортированных в годы войны, были сняты ограничения спецпереселенцев. В январе 1957 года был принят Указ Президиума ВС СССР "О восстановлении Чечено-Ингушской АССР в составе РСФСР"³.

Оргкомитетом по восстановлению ЧИ АССР проводилась разъяснительная работа по политической значимости восстановления республики. Принимались меры по осуществлению планового переселения. Многие репатриированные в Чечено-Ингушетию ко-

ренные жители не могли трудоустроиться. В большинстве районов, где они традиционно проживали до 1944 г. и куда стремились возвратиться, не было достаточного количества рабочих мест. В населенных пунктах, расположенных в плоскостных и предгорных районах (так как было запрещено восстанавливать высокогорные аулы), образовался избыток трудоспособного населения, не занятого в общественном производстве. Это создавало напряженность общественно-политической ситуации в республике, вылившуюся в стихийные митинги в августе 1958 г. в Грозном. Однако назревший социальный конфликт, переросший в межнациональный, не был разрешен. Напряженность нивелировали тем, что в затерянные районы — Наурский, Шелковской, Каргалиновский (два последних района были объединены в начале 1960-х гг.) — входивших до 1957 г. в Ставропольский край, а затем в Грозненскую область, было организовано переселение более 3 тыс. семей, преимущественно русского населения, проживавших с 1944 г. в горных и предгорных населенных пунктах.

Неразрешенная в конце 1950-х — начале 1960-х гг. проблема явилась в середине 80-х гг. XX в. детонатором регионального и национального сепаратизма.

С началом перестройки среди чеченцев, как и среди других народов СССР, усилились настроения в пользу возрождения национальных и религиозных традиций, укрепления связей с арабскими и мусульманскими странами, соотечественниками в Иордании, Турции и других ближневосточных государствах. Однако сколько-нибудь заметного движения за полную независимость и выход из России среди чеченцев тогда еще не было.

К концу 80-х гг. XX в. политическая обстановка в республике стала обостряться, и, хотя в это время не отмечалось серьезных эксцессов, националистическая доминанта исподволь укоренялась в сознании значительной части чеченцев и ингушей. Этому способствовало нарастающее недовольство национальной политикой союзного и отчасти российского руководства по подбору и расстановке кадров на влиятельных постах республики (так, например, за время Советской власти первыми лицами республики ни разу не были ни чеченец, ни ингуш), отсутствием реальной борьбы с клановостью, коррупцией в верхних эшелонах власти. Следует обратить внимание на тот факт, что, несмотря на занятие первых постов в республике не чеченцами, реальная власть находилась в руках самих чеченцев.

Внешне радикальных изменений ситуация в ЧИ АССР не претерпела и после 1989 г., когда первым секретарем обкома партии стал представитель коренной национальности — чеченец Д. Завгаев. На практике он, пытаясь балансировать между кремлевскими идеологами и своими интерпретаторами идеи перестройки, стал проводить собственную кадровую политику, расставляя на мест-

ных уровнях руководства преимущественно чеченцев, а также заигрывая с религиозными лидерами. В этой обстановке местные руководители всех уровней на волне конъюнктурного популизма стали демонстративно поддерживать лозунги и требования националистического характера. Надо отметить, что подобное явление было тогда общим для большинства автономных республик РСФСР, получаемое из Москвы идеей создания обновленной федерации суверенных республик — государств.

Всплески национализма в немалой степени были стимулированы принятием Верховным Советом СССР 26 апреля 1990 г. известного Закона, в котором формулировалось следующее положение: "Субъектом СССР являются союзные и автономные республики". Тем самым были практически "вырваны" из Российской Федерации все входящие в нее республики. ЧИ АССР провозгласила себя Чечено-Ингушской Республикой (ЧИР) и заявила о намерении войти в состав СССР на правах самостоятельного субъекта Договора, а сепаратистам такое правовое решение развязало руки для ведения пропаганды за отделение от России. Тем не менее, вплоть до осени 1991 г., непосредственной опасности антироссийского сепаратизма в Чечне не было. В конце ноября 1990 г. с согласия обкома партии и Верховного Совета ЧИР в Грозном был созван Общенациональный конгресс чеченского народа — знаменитый ОКЧН, который быстро превратился в постоянно функционирующую политическую организацию, вышедшую из-под контроля официального руководства республики. Его деятельность окончательно поставила точку на истории Чечено-Ингушетии.

"Демократический" развал Советского Союза, призыв Б. Ельцина ко всем субъектам брать суверенитета столько, сколько они смогут проглотить, нашел живой отклик в первую очередь у тюркоязычных регионов — Татарстана и Башкирии. Это имело место и в ряде других регионов, которым был близок ислам. Таким регионом стала и Чечено-Ингушская Республика, одна из первых на Северном Кавказе провозгласившая в ноябре 1990 г. Декларацию о суверенитете.

В сентябре 1991 г. Чечня провозгласила себя суверенным государством, а Ингушетия осталась в составе России.

Период с октября 1991 г. — выборы президентом Чеченской Республики Д. Дудаева, до января 1997 г. — выборов президентом Чечни А. Масхадова — стал (и еще остается до сих пор!) для Чечни и России, для Северного Кавказа и России временем серьезных испытаний территориальной целостности, региональной и национальной безопасности, а в целом — и самой государственности.

Реальное государственное и конституционное строительство в Чечне стало возможным лишь после событий августа 1991 г., т.е. с началом развала СССР, в результате чего была образована Чечен-

ская Республика, получившая естественное право создания собственной Конституции. В результате чего 12 марта 1992 г. была принята первая чеченская Конституция. Данная Конституция претерпела ряд уточнений и дополнений 11 ноября 1996 г. и февраля 1997 г. Таким образом можно считать, что государственное строительство Чеченской Республики было начато осенью 1922 г. и в силу политических обстоятельств продолжается до сих пор.

Ради исторической справедливости необходимо обратить внимание на то, что сами История и Россия уже три раза предоставляли возможность чеченскому народу построить свою государственность: в 1922 г., 1992 г. и в 1996 г. Однако каждый раз лидеры чеченского народа (не будем уточнять, насколько они были легитимными и авторитетными) не смогли направить развитие народа в нормальное правовое русло с созидательной доминантой. Все время они становились заложниками своих криминальных связей, что всегда приводило к криминализации чеченского общества и его властных структур. В свою очередь именно криминализация являлась первопричиной как возникновения социальных конфликтов в самом чеченском обществе (перераставших иногда в вооруженные), так и для вмешательства (часто вооруженного) Правительства Советского Союза, а затем и Российской Федерации.

В настоящее время чеченскому народу История и Россия предоставляют четвертую попытку и возможность построить свою государственность на основе современного цивилизованного права и занять достойное место в семье субъектов Российской Федерации, создать не только нормальное конституционное поле, но и выработать правовой механизм по реализации Конституции Чеченской Республики. Какой она должна быть — это решать чеченскому народу. Но нам бы хотелось, чтобы эта Конституция полностью соответствовала современному российскому и международному праву, являющемуся, согласно статье 15 Конституции Российской Федерации, приоритетным, как “составная часть ее правовой системы”. Конституция позволит решить не только проблему власти в Чеченской Республике, но и исключит в обозримом будущем приход к власти в Чечне разного рода авантюристов от политики и криминального бизнеса. Поэтому обсуждение проекта Конституции Чеченской Республики должно быть всеобщим, всесторонним и объективным.

В настоящее время идет много споров о том, какая структура власти должна быть в Чечне. По нашему мнению, в Чечне должен быть Президент, Парламент и Государственный Совет. В Государственный Совет должны входить по очереди не только руководители административных единиц Чечни, но и видные авторитетные религиозные и общественные деятели. На данном этапе развития чеченской государственности Госсовет необходим как орган, способный консолидировать чеченское общество, помочь Президенту

республики вырабатывать и принимать наиболее оптимальные решения по важным экономическим и социальным вопросам.

В соответствии с пунктом 2 статьи 5 Конституции Российской Федерации на Чеченскую Республику распространяется статус “государства” и она обладает правом “иметь свою конституцию и законодательство”, в соответствии с пунктом 3 этой же статьи на нее распространяется равноправие и самоопределение. Статус республики (государства) предоставляется и статьей 66 Конституции Российской Федерации (пункт 1). Исходя из этого, Чеченская Республика уже имеет особый статус по сравнению с другими субъектами Российской Федерации (областями, краями и т.п.), располагает всеми возможностями для построения самостоятельного (в рамках Конституции Российской Федерации) и равноправного государства. Поэтому всевозможные рассуждения о наделении Чеченской Республики еще каким-то Особым статусом, на мой взгляд, неправомерны и могут нести потенциальную угрозу государственности как Российской Федерации, так и непосредственно Чеченской Республики. Особый статус Чеченской Республики может быть определен лишь в части материально-технической и финансовой помощи со стороны Российской Федерации на период до полного восстановления социальной сферы и экономики Чеченской Республики. Поэтому вести полемику и требовать наделения Чеченской Республики каким-то иным особым статусом антигосударственно, антинародно.

Примечания

¹ Подробнее см.: Шаповалов А. Голодная смерть или бандитская пуля // Независимая газета. 2003. № 8. 21 января. С. 5.

² По мнению некоторых исследователей — выходцев с Северного Кавказа, чеченцы, поддерживая большевиков, отнюдь не разделяли их теоретические воззрения. Они выступили на стороне красных, стремясь сокрушить то государство, которое более пятидесяти лет перед этим жестоко подавило движение имама Шамиля. Формально подчинившись деникинскому командованию весной 1919 г., Чечня фактически жила своей жизнью. Власть белых простиралась только на узкую полосу территории по чеченским аулам, расположенным вдоль железной дороги. Это, по трактовке авторов исторических исследований, было в измененной форме всплеском национально-освободительной войны, которую вело предшествующее поколение. Именно поэтому имели место проявления стойкости и героизма тысяч чеченцев, которые внесли свой весомый вклад в поражение армии Деникина, в глазах местного населения, прежде всего, ненавистной старой государственности.

³ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1958. № 1-28. С. 134.

1980-е гг.: госбезопасность под ударом

“Государственная безопасность” — термин, впервые появившийся в Конституции СССР 1936 г., на протяжении нескольких десятилетий XX в. являлся важной лексической единицей современного политического и политологического языка.

“Госбезопасность”, “органы” стали синонимом определения органов НКВД—НКГБ—МГБ—КГБ СССР, как они именовались в различные периоды своего существования.

В 80-е гг. XX в., ставшие в силу целого ряда причин последним десятилетием существования Комитета государственной безопасности СССР и его органов на местах, как известно, в нашей стране происходили важные социально-политические перемены, в конечном счете изменившие весь ее облик.

Не могли они не коснуться как правового положения самих органов КГБ, так и отношения населения к их деятельности, а также понимания задач и проблем обеспечения национальной (государственной) безопасности.

В этой связи представляется необходимым подробнее рассмотреть диалектику отношения общественного мнения к органам госбезопасности.

Одной из важнейших политических новелл-середины 1980-х гг. явилось требование расширения гласности в деятельности государственных органов. При этом сразу хочу подчеркнуть, что не являюсь противником гласности как таковой.

Значительный социально-политический, мобилизационный потенциал гласности в деятельности органов госбезопасности также хорошо понимали наши предшественники.

Как отмечалось по этому поводу в редакционной статье “Наш журнал” первого номера “Еженедельника Чрезвычайных комиссий” по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией”, датированного 22 сентября 1918 г., “приступая к изданию настоящего “Еженедельника”, редакция ставит своей целью ряд задач, которые вытекают из самого хода русской революции, которая обуславливает создание и работу таких органов, как Чрезвычайные комиссии, нуждающиеся в связи и руководстве, в выработке общих планов и энергичное проведение последних. Таковым органом должен являться наш журнал. И, наконец, “Еженедельник” будет представлять из себя историческую ценность, поскольку в нем будут разрабатываться и вскрываться все виды и планы наших врагов”.

В этой же статье подчеркивалось: “Гласность весьма полезна и необходима для нашего дела”.

Всего вышло 6 номеров “Еженедельника”, каждый объемом 31 лист.

Главным редактором издания являлся член Иногородного отдела ВЧК В. Фомин. Каждый выпуск “Еженедельника” уведомлял: “Адрес редакции и конторы: Москва, Большая Лубянка, д. 9. Принимается подписка на “Еженедельник Чрезвычайных комиссий”. Подписная цена — на 12 месяцев 48 рублей” (подписка была также возможна на 1, 3 и 6 месяцев).

Вопросам гласности в деятельности Чрезвычайных комиссий уделялось большое внимание руководством ВЧК и редакцией “Еженедельника”.

В рецензии на № 2 Бюллетеня Пермской окружной ЧК, помещенной в первом выпуске “Еженедельника”, отмечалось: “Издание бюллетеней Чрезвычайными комиссиями можно только приветствовать. Освещая приемы и методы борьбы с контрреволюционными явлениями и спекуляцией, Чрезвычайные комиссии взаимно обогащаются полезными знаниями, опыты одной из них могут оказаться полезными и плодотворными для многих других.

По отношению к населению освещение деятельности Ч. К. подкупает симпатии и доверие широких слоев народных масс и вместе с этим увеличивает число помощников и защитников Советской власти...”

В третьем выпуске “Еженедельника” опубликовано следующее обращение ко “Всем губернским Ч. К.”: “Настоящим Редакционная коллегия “Еженедельника” обращается ко всем комиссиям в целом, а также к их отдельным ответственным работникам, работающим по следствию, присылать статьи и главным образом документы контрреволюционного характера, как старого времени, так и времен Керенского, и возможные документы, имеющие общественное значение, отобранные у контрреволюционеров. Присылать характеристики, заключения следователей и комиссий по спекулятивным делам. Вообще шлите все материалы и документы (можно в копиях), имеющие общественный интерес.

Только при дружном сотрудничестве самих Ч. К. и их сотрудников журнал сумеет обслуживать и общество, и комиссии”.

Следует отметить, что, по нашему мнению, закрытие “Еженедельника ВЧК” в октябре 1918 г. явилось ошибочным в историческом плане, сделав тем самым информацию о деятельности чрезвычайных комиссий менее открытой, недоступной населению, контролирующим органам.

Прошли многие годы, прежде чем политика перестройки вновь остро поставила проблему расширения гласности в деятельности органов безопасности России.

Одной из ее форм стали регулярно проводимые Центром общественных связей ФСБ России с 1997 г. “Исторические чтения на Лубянке”, на которых выступало немало историков из различных вузов и исследовательских организаций страны.

Малоизвестной страницей эпохи перестройки, начавшейся в апреле 1985 г., является крупная информационно-пропагандистская кампания, сущность и основное содержание которой в полной мере раскрывает лозунг, под которым она проводилась, — “Превратим год празднования 70-летия Октябрьской революции в год 50-летия большого террора 1937 года!”.

Для ее осуществления активно использовались опубликованные за границей материалы, в том числе и перебежчиков из КГБ и ГРУ (Агабекова, Кривицкого, Гордиевского, Резуна и др.), а также известного тесными связями с ФБР США издателя “Ридерз Дайжеста” Джона Д. Баррона, выпустившего в 1974 г. книгу “КГБ: секретная работа секретных советских агентов” (в России издана в начале 1990-х гг.).

Именно эта работа стала основой для многочисленных публикаций в отечественной прессе, “разоблачающих происки” госбезопасности.

Следует, однако, подчеркнуть, что книга эта явилась зеркальным отражением работы известного историка из ГДР Юлиуса Мадера “Who is Who in CIA” (“Кто ЕСТЬ кто в ЦРУ”), изданной более чем на десять лет ранее, но не публиковавшейся в Советском Союзе.

Следует также отметить, что на волне “перестройки и расширения гласности” в тот период времени значительно возросли тиражи так называемых “центральных газет и журналов”, в связи с чем их возможности по оказанию информационно-психологического воздействия на читательскую аудиторию были весьма существенными.

Приведем пример реального “профессионального становления” одного из “независимых” экспертов по отечественным спецслужбам.

После опубликования на рубеже 1990-х Гг. в “Московских новостях” серии статей о КГБ, основанных на упомянутой книге Дж. Баррона, бывшая в то время корреспондентом этого издания Е. М. Альтац была приглашена одним из влиятельных американских изданий на шестимесячную стажировку в США.

Оттуда она уже вернулась со статусом “эксперта” по деятельности советских спецслужб.

Об отношении к органам безопасности, а также ко всему комплексу проблем обеспечения национальной безопасности откровенно писали впоследствии многие активные деятели периода перестройки.

Так, К. Н. Боровой в своей книге “Путь к свободе” прямо указывал, что “нашей целью была ликвидация КГБ”.

Эту политическую установку реализовал ставший на некоторое время председателем КГБ В. А. Бакатин, в своих мемуарах “Избавление от КГБ” признававший, что его целью являлось “оживление чекизма”.

Необходимо отметить, что, направляя удар в первую очередь против некоторых моментов и сторон деятельности КГБ, все эти деятели в действительности наносили удар не только по государственной, но и по национальной безопасности, национальным интересам Советского Союза.

Завершая краткий обзор “атаки на госбезопасность”, нельзя не упомянуть и о провокаторской деятельности некоторых отщепенцев от КГБ, главное место среди которых принадлежит отставному генералу О. Д. Калугину.

Вот что о нем писали американские авторы Норман Полмер и Томас Б. Аллен (Энциклопедия шпионажа. М., 1999. С. 275): в 1988—1989 гг., выйдя в отставку, “он на всю страну клеймил КГБ как “сталинистскую организацию”. В сентябре 1990 г. Калугин избирается в парламент депутатом от Краснодарского края... После провала переворота (21 августа 1991 г. — О.Х.), Калугин стал советником у председателя КГБ В. Бакатина... Получив, наконец, полную возможность открыто высказывать свое мнение, Калугин заявил, что в будущем КГБ не будет брать на себя “политических” функций. До сих пор Калугин упорно продолжает выступать (как в российской печати, так и в Соединенных Штатах), за более строгий контроль за российскими спецслужбами”.

В 1992 г., получив вид на жительство в США, Калугин опубликовал свою очередную книгу “Сжигая мосты”.

Однако, как это ни покажется парадоксальным, ныне он активно подвигается на ниве воспитания американского патриотизма, выполняя ныне ту же функцию, что в 60-е гг. прошлого века выполнял другой перебежчик из КГБ Анатолий Голицин.

Он регулярно выступает в мероприятиях проводимой ежегодно с 1986 г. “недели национальной разведки”, служащей делу воспитания у населения уважения к отечественным спецслужбам и оказанию им помощи. Эти мероприятия, по мнению администрации, нужны для того, чтобы “американский народ осознал, что разведка действует на передовой линии обороны США и что эффективность разведывательных возможностей страны составляет жизненно важный ресурс безопасности и процветания Соединенных Штатов”.

В 1988 г. автору данной статьи довелось проводить контент-анализ ряда публикаций центральных и региональных изданий — всего около 900 статей — по вопросам освещения деятельности

органов госбезопасности на различных этапах их существования и деятельности.

По принятой в такого рода исследованиях классификации 70 % анализируемых публикаций имели ярко выраженный негативный, “разоблачительный” характер в отношении деятельности органов госбезопасности, причем в основном они касались периода 1930-х — 1950-х гг. 20 % составляли “нейтральные” и 10 % — “позитивные” материалы о современной деятельности органов КГБ. Последние, как правило, были подготовлены при участии подразделений общественных связей — тогда пресс-групп органов КГБ СССР.

Естественно, что подобные диспропорции в информационном потоке, в сочетании с его интенсивностью и тиражами, не могли не сказываться на формирующихся у аудитории представлениях и отношениях к органам госбезопасности на всем периоде их существования, на чем подробнее мы остановимся далее.

Нельзя также не отметить, что в тот период времени немало для правдивого и объективного освещения деятельности органов безопасности, реализации решения Коллегии КГБ от 11 мая 1989 г. сделал бывший начальник пресс-службы УКГБ по г. Москве и Московской области, а впоследствии Центра общественных связей МБ—ФСК—ФСБ, ныне генерал-майор в отставке А. Г. Михайлов.

В качестве лишь нескольких примеров расширения гласности в деятельности КГБ назовем проведение “дней открытых дверей” в Высшей школе им. Ф. Э. Дзержинского, а также специально подготовленной Высшей школой уникальное издание “КГБ лицом к народу”.

По иронии судьбы, первой телевизионной съемочной группой, посетившей Высшую школу в сентябре 1989 г., стала бригада токийского телевидения.

Несколько выходя за хронологические рамки рассматриваемого периода, нельзя, тем не менее, не упомянуть о проведенной в феврале 1994 г. научной конференции “Российские спецслужбы: история и современность”, на основании материалов которой была издана “Белая книга Российских спецслужб” (М., 1995). Это уникальное издание сыграло важную роль в серьезном, профессиональном освещении комплекса проблем национальной безопасности, связанных с деятельностью реформируемых органов госбезопасности.

Отмечавшаяся массивная информационно-пропагандистская атака на КГБ не могла, конечно, не отразиться и на отношении населения нашей страны к органам безопасности и их сотрудникам.

В декабре 1991 — январе 1992 г. Институт социологии РАН по заказу Межреспубликанской службы безопасности провел опрос

1530 граждан 9 бывших союзных республик СССР на тему “Общественное мнение о службе государственной безопасности” (руководитель проекта О. В. Крыштановская).

По мнению опрошенных, сотрудник КГБ — это прежде всего профессионал (64 % ответов респондентов), умный (46 %), человек долга (45 %).

В то же время около 30 % респондентов считали, что они лично или их родственники пострадали в разные годы от действий органов НКВД—МГБ—КГБ. Разумеется, при всей очевидной абсурдности этой цифры, тем не менее, подобные настроения также являлись характеристикой массового общественного сознания.

В этой связи, если 17,9 % опрошенных считали, что деятельность органов госбезопасности с 1917 г. принесла в основном пользу, то 33,6 % оценивали ее отрицательно.

Однако 22 % тех, кто считали себя пострадавшими от действий КГБ, оценивали деятельность органов госбезопасности в целом позитивно.

По мнению опрошенных, приоритетными для деятельности премников КГБ должны были стать:

— борьба с мафией, наркобизнесом, терроризмом (82 % ответов);

— охрана военных объектов и государственных секретов (75 %);

— противодействие вооруженному захвату власти (73 %).

Всероссийским центром изучения общественного мнения и маркетинга (ВЦИОМ) в рамках регулярно проводимых опросов населения респондентам неоднократно задавался вопрос о степени доверия различным государственным органам, в том числе и Федеральной службе безопасности.

Понятно, что негативные стереотипы, сформированные у части населения многочисленными критическими выступлениями средств массовой информации в 1987—1993 гг., не могли не сказаться на его отношении к деятельности органов безопасности — Министерства безопасности, Федеральной службы контрразведки и Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Динамика ответов респондентов на вопрос анкеты: “В какой мере, на ваш взгляд, заслуживают доверия...?” — в разные годы представлена в виде следующей таблицы (в ее столбцах указываются соответствующие проценты ответов):

Годы /месяцы	Варианты ответов			
	Вполне заслуживают	Не вполне заслуживают	Совсем не заслуживают	Затруднились с ответом
Органы безопасности (ФСК-ФСБ)				
1994 февраль	21,1	26,7	18,3	32,8
1995 май	12,7	32,4	24,4	29,3
1998 сентябрь	17,5	30,4	25,2	27,0
1999 март	18,9	34,4	23,8	23,1
2000 март	24,4	34,8	18,3	22,5
2001 сентябрь	23,1	30,2	18,8	27,9
2002 март октябрь	19,7 22,6	34,5 32,1	21,0 19,5	24,7 25,8
Армия				
1994 февраль июнь	37,1 36,6	23,3 26,5	12,7 11,9	26,4 24,5
1995 май	26,2	32,1	19,9	21,4
1998 сентябрь	27,8	33,7	19,3	19,2
1999 март	29,3	36,5	15,4	18,9
2000 март	48,1	26,4	10,4	15,0
2001 март	33,1	30,5	17,8	18,6
2002 сентябрь октябрь	32,8 27,7	30,8 36,2	17,5 21,2	18,8 15,0
Милиция				
2001 сентябрь	11,8	33,1	40,5	14,5
2002 октябрь	12,4	38,5	36,9	12,2

Таким образом, в результате сравнения сопоставимых данных можно сделать вывод, что на протяжении 1995—2002 гг. степень доверия населения к органам ФСБ России последовательно возрала.

Причем из государственных структур большим доверием в нашей стране традиционно пользуются Вооруженные силы (армия), которые совместно с органами ФСБ и МВД участвуют как в мероприятиях по борьбе с терроризмом, так и в локализации и ликвидации вооруженных конфликтов.

Другие правоохранительные органы — милиция, суды и прокуратура — пользуются меньшей степенью доверия со стороны населения, что, по-видимому, сказывается в определенной мере и на эффективности их деятельности.

В заключение также представляется целесообразным привести результаты опроса, проведенного в сентябре 2002 г. об отношении населения к создателю органов ВЧК Ф. Э. Дзержинскому.

23% опрошенных ВЦИОМ целиком положительно относились к идее восстановления памятника Дзержинскому на Лубянской площади, а еще 33% — “скорее положительно” ответили на этот вопрос. Соответственно “скорее отрицательно” к этой идее отнеслись 14% и “резко отрицательно” 9% опрошенных.

В то же время 89% опрошенных высказались за восстановление памятника Дзержинскому. При этом 36% респондентов мотивировали свой выбор тем, что “это памятник одной из эпох истории России, от которой не следует отказываться”, а 25% тем, что “это восстановление исторической справедливости по отношению к видному деятелю советской власти, который сделал много хорошего”.

Среди десяти деятелей времен революции Ф. Э. Дзержинский занимает второе место по числу симпатизирующих ему респондентов — 28 % ответов, а стойкую антипатию он вызывает только у 6 % из них.

Добавим лишь то, что большую симпатию респонденты испытывают к В. И. Ленину — 36 % ответов, а на третьем месте находится И. В. Сталин, пользующийся симпатией 22 % респондентов.

Примечание

¹ См.: Сторонники и противники госбезопасности. Явного преимущества нет ни у тех, ни у других // Независимая газета. 1993. № 107. 10 июня.

В. С. Христофоров,

генерал-майор, начальник Управления регистрации и архивных фондов
ФСБ России, кандидат юридических наук

Обеспечение собственной безопасности в органах КГБ СССР в 1960-1980 гг.

Рассмотрение специфических проблем деятельности ВЧК—КГБ—ФСБ — одно из важнейших направлений в исследовании истории отечественных спецслужб, в обобщении опыта работы структур, охранявших государство на протяжении десятилетий. К числу таких тем относится обеспечение собственной безопасности органов КГБ СССР, которое осуществлялось в контексте других направлений управленческой деятельности с целью создания условий для устойчивого функционирования всей системы.

Деятельность по обеспечению собственной безопасности органов КГБ была направлена на выявление, предупреждение и пресечение негативных явлений, препятствующих нормальному выполнению ими своих функций, а также таких происшествий, которые квалифицировались как наносящие ущерб органам КГБ.

Проблема обеспечения собственной безопасности рассматривалась в специальных исследованиях, наибольшее число которых появилось в 1990-х гг., изучалась с позиции уголовного судопроизводства, была предметом научных дискуссий¹.

Особую ценность для понимания процессов, происходивших в органах безопасности в 1950—1980 гг., и некоторых аспектов обеспечения их собственной безопасности представляют мемуары бывших сотрудников спецслужб. Воспоминания В. И. Алидина, Ф. Д. Бобкова, Ю. И. Дроздова, В. А. Крючкова, В. Н. Удилова, Л. В. Шебаршина и других непосредственных участников важнейших событий помогают воссоздать атмосферу, существовавшую в оперативных подразделениях, а в ряде случаев объясняют причины предательства сотрудников, нанесших ущерб собственной безопасности органов КГБ².

На рубеже XX—XXI вв. были изданы справочные издания о структуре советских органов государственной безопасности, содержащие биографические данные на руководителей основных управлений и отделов “Смерш” — НКГБ-МГБ-МВД СССР.

Такие авторы, как Н. В. Петров, А. И. Кокурин, А. И. Колпакиди, Д. П. Прохоров использовали архивные материалы по истории органов государственной безопасности СССР из фондов Архива Президента Российской Федерации (АП РФ), ГАРФ, РГАСПИ,

что придало их работам научную значимость. Вместе с тем в них отсутствует анализ реалий оперативно-розыскной работы, что не позволяет подробно рассмотреть вопросы обеспечения собственной безопасности КГБ СССР и порой приводит авторов к упрощенным оценкам³.

В числе открытых изданий представляют интерес работы А. Колпакиди, Д. Прохорова, О. Лемеха и других, изучавших проблемы предательства сотрудников отечественных разведывательных и контрразведывательных органов⁴.

Вместе с тем отдельные издания, претендующие на энциклопедический уровень, вызывают разочарование. В них содержится большое количество фактических ошибок, неточностей, в ряде случаев отсутствуют элементарные данные⁵.

В последнее десятилетие в России изданы работы иностранных исследователей о советских спецслужбах, они содержат оригинальную оценку результатов деятельности разведки и контрразведки СССР, сведения о неизвестных ранее эпизодах противостояния советских и западных спецслужб в годы “холодной войны”, а также анализ угроз собственной безопасности национальных спецслужб. Слабое место этих работ — определенная тенденциозность, а также отсутствие серьезной документальной основы⁶.

Анализ имеющихся публикаций дает основание сделать вывод, что, несмотря на имеющееся многообразие, практически малоизученными остаются вопросы обеспечения собственной безопасности отечественной спецслужбы. В частности, это касается периода Великой Отечественной войны, а также 1950—1980-х гг. прошлого века и объясняется тем, что архивные документы на протяжении длительного времени были недоступны для исследователей.

В Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) и Центральном архиве (ЦА) ФСБ России хранятся документальные материалы о деятельности подразделений, обеспечивавших собственную безопасность, но научных публикаций, основанных на архивных документах, пока не было.

На основе анализа имеющихся в архивах материалов можно проследить, как на различных этапах деятельности отечественные органы безопасности принимали достаточно действенные меры по обеспечению собственной безопасности, эти функции в 1917—1980 гг. возлагались на разные подразделения ведомства.

Первоначально задачи по обеспечению собственной безопасности возлагались непосредственно на Коллегию ВЧК (ОГПУ), а также на специальный отдел ВЧК (ОГПУ) и на Юридический отдел ОГПУ. В соответствии с постановлением Президиума ВЦИК от 16 октября 1922

г. Коллегии ГПУ предоставлялось право ведения следствия и вынесения внесудебных приговоров по всем должностным преступлениям сотрудников органов безопасности. Одной из целей данного права являлось "сохранение конспирации работы ГПУ". Все дела о должностных преступлениях сотрудников ГПУ и его местных органов расследовались по месту совершения преступления. Материалы для вынесения внесудебного решения предписывалось направлять в Коллегию ГПУ, а информацию по уголовным делам, возбужденным в отношении сотрудников органов ГПУ, в Юридический отдел ГПУ. Все сотрудники, запятнанные судебным или внесудебным приговором, кроме понесенного наказания по суду, лишались права работать в органах ГПУ навсегда.

В ведомственных нормативных актах регламентировался порядок направления дел о должностных преступлениях сотрудников органов безопасности в Коллегию ГПУ, предусматривались меры по предупреждению разглашения сведений о негласном аппарате органов безопасности, а также порядок рассмотрения дел, в которых "фигурируют фамилии или псевдонимы секретных агентов или освещаются методы о секретной работе". Предписывалось, что "в случае возможности расконспирации методов работы ГПУ", уголовные дела изымать из производства соответствующих органов прокуратуры и передавать на рассмотрение в Коллегию ГПУ.

Для обеспечения собственной безопасности принимали меры уголовно-правового характера. Например, в приказе ГПУ от 1 сентября 1923 г. № 367 было объявлено о рассмотрении следственных дел в отношении 22-х сотрудников ГПУ и вынесения по ним соответствующих решений. Более половины из указанных дел касались обеспечения собственной безопасности ГПУ (расшифровка секретного сотрудничества с органами безопасности, предоставление заведомо ложных сведений, изготовление поддельных документов, использование сотрудниками ГПУ своих негласных помощников для противоправных деяний и т.п.).

К числу подразделений, на которые в разные годы возлагались функции по обеспечению собственной безопасности, можно отнести спецотделение (спецотдел) при президиуме ВЧК (при Коллегии ГПУ—ОГПУ). Особоуполномоченного при Коллегии (ОГПУ—НКВД), 3-й отдел НКВД, 6-й отдел УОО НКВД, Отдел контрразведки НКВД "Смерш".

Определенный научный и практический интерес представляет деятельность Особоуполномоченного ОГПУ-НКВД СССР (1924-1941). Большое внимание в работе Особоуполномоченного уделялось вопросам морально-политического состояния сотрудников органов ОГПУ СССР, выявлению и служебному расследованию бытовых проступков и должностных преступлений сотрудников ОГПУ. В целях своевременного получения такой информации всем

полномочным представительствам ОГПУ СССР предписывалось сообщать Особоуполномоченному при Коллегии ОГПУ СССР о каждом преступлении или проступке.

В июле 1934 г. было упразднено ОГПУ и образовано Главное управление государственной безопасности (ГУГБ), вошедшее в состав союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР. В составе НКВД СССР был сохранен аппарат Особоуполномоченного, которому ставились отдельные задачи по обеспечению собственной безопасности наркомата внутренних дел. В их числе следует отметить такие, как: выполнение специальных поручений наркомата внутренних дел и его заместителей, связанных с проверкой и расследованием уголовных дел в отношении сотрудников НКВД; проверка и рассмотрение заявлений, жалоб, рапортов, материалов, поступивших к Особоуполномоченному, касающихся возможных должностных, бытовых и государственных преступлений, совершенных сотрудниками наркомата внутренних дел; изучение отдельных участков оперативно-служебной деятельности местных органов НКВД в целях установления фактов совершения преступления.

Через месяц после того, как в феврале 1941 г. НКВД СССР был разделен на два самостоятельных наркомата — НКВД и НКГБ, функции Особоуполномоченного были переданы вновь образованной Особой инспекции, структурно входившей в Отдел кадров НКГБ СССР и осуществлявшей свою деятельность до конца 1950-х гг. Ведение предварительного следствия по делам, возбужденным в отношении сотрудников органов безопасности, совершивших преступления, связанные с оперативной деятельностью, возлагалось на следственные подразделения КГБ СССР. Заявления, жалобы и другие материалы о проступках сотрудников органов безопасности, стали рассматриваться в соответствующих подразделениях органов безопасности при активном участии партийных и комсомольских организаций.

Становление системы обеспечения собственной безопасности КГБ СССР проходило в сложных условиях противоборства двух полярных лагерей. В начале 1950-х гг. произошли изменения в геополитической расстановке сил, что потребовало переосмысления приоритетов во внешней политике. Разрыв с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции привел мировое сообщество к началу "холодной войны". Для Советского Союза главным противником стали США, и это заставило пересмотреть основные направления в деятельности спецслужб. Теперь первоочередной задачей стало проникновение в государственные, военные и экономические структуры США и стран — членов НАТО, созданного в 1949 г. В США и союзных с ними странах стали уделять большее внимание деятельности своих спецслужб. В 1947 г. было образовано ЦРУ, со

временем ставшее главной разведывательной службой Запада в поединке с СССР.

После смерти Сталина между его преемниками развернулась борьба за власть. Одной из наиболее влиятельных фигур политического руководства СССР стал заместитель председателя Совета Министров СССР, член Комиссии Политбюро ЦК КПСС по вопросам внутренней и внешней политики Л. П. Берия. 7 марта 1953 г. на базе МВД СССР и МГБ СССР было образовано объединенное МВД СССР, которое возглавил Л. П. Берия. На ключевых постах в МВД СССР Берией были расставлены его ближайшие соратники по НКВД. К июню 1953 г. борьба за власть в руководстве Советского Союза достигла своего пика. При участии военных Л. П. Берия был арестован и как «агент международного империализма» вскоре осужден к расстрелу. Вместе с ним к исключительной мере наказания были приговорены и его соратники В. Н. Меркулов, В. Г. Деканозов, Б. З. Кобулов, С. А. Гоглидзе и другие⁷.

Отечественные органы безопасности и внутренних дел вступили в полосу новой реорганизации. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 марта 1953 г. был образован Комитет государственной безопасности (КГБ) при Совете Министров СССР, в который вошли основные оперативные управления бывшего МГБ. Возглавил ведомство И. А. Серов⁸.

Следует отметить, что только через 5 лет после образования КГБ СССР, ЦК КПСС и СМ СССР в 1959 г. утвердили положение о КГБ при СМ СССР и его органах на местах.

По мнению некоторых исследователей, с назначением Серова на должность председателя КГБ СССР у оперативного состава стал исчезать страх за свою личную безопасность. При Берии судьба каждого сотрудника была непредсказуемой. Любой из них мог исчезнуть, мог быть выброшен на улицу, получить клеймо преступника. Суд и расправа были короткими⁹.

Другие исследователи считают, что Серов, став руководителем органов государственной безопасности, провел в КГБ чистку. В течение трех лет он уволил за причастность к репрессиям около 18 тыс. сотрудников (около 40 из них лишили генеральских званий), и в то же время с его подачи за четыре прошедших с момента его назначения года, впервые после 1945 г., 85 человек получили генеральские погоны. Следует отметить, что большинство из них были причастны к репрессиям не менее уволенных, впрочем, как и сам Серов¹⁰.

В кадровой политике Серов опирался как на старых чекистов, так и на новых партийных выдвиженцев. Например, первыми заместителями председателя КГБ были кадровый сотрудник органов безопасности П. И. Ивашутин и партаппаратчик К. Ф. Лунев, заместителями председателя КГБ были С. С. Бельченко — кадровый

сотрудник органов безопасности, и П. И. Григорьев, В. А. Лукшин — представители партийной номенклатуры¹¹.

Серов заменил многих руководителей подразделений центрального аппарата КГБ, провел реорганизацию структуры органов безопасности. В апреле 1957 г. в КГБ были переданы из МВД пограничные войска. Структура КГБ, сформированная при Серове, с некоторыми изменениями просуществовала почти 40 лет¹².

В декабре 1958 г. председателем КГБ был назначен А. Н. Шелепин¹³. С падением Серова ушла в прошлое целая эпоха, когда на пост руководителя органов безопасности выдвигались профессионалы — выходцы из самих органов. Теперь на должность председателя КГБ стали назначаться люди из партийной номенклатуры.

Став в декабре 1958 г. председателем КГБ СССР, Шелепин отказался от генеральского звания. Новый председатель КГБ не только привел с собой преданных ему комсомольских работников, но и уволил из органов тех, чья квалификация, по его мнению, не соответствовала занимаемой должности. В их числе оказался заместитель председателя КГБ С. С. Бельченко¹⁴.

В то же время Шелепин одобрительно отзывался о деятельности своих предшественников по разоблачению и ликвидации «врагов народа». Более того, он лично наградил орденом Красного Знамени сотрудника 13-го отдела ЛГУ КГБ СССР Богдана Сташинского, который в октябре 1957 г. в Мюнхене провел специальную акцию по уничтожению Л. Ребеты, а в октябре 1959 г. — С. Бандеры.

60-е гг. прошлого столетия стали периодом дальнейшего обострения «холодной войны».

В ноябре 1961 г. председателем КГБ был назначен В. Е. Семичастный¹⁵.

В первое время после назначения Семичастного в органах безопасности царил атмосфера неуверенности и недоумения, особенно у руководящего состава КГБ. Никто не воспринимал его в качестве государственного деятеля, все понимали, что он прежде всего человек Шелепина. Однако в отличие от Шелепина он с головой ушел в дела и нужды коллективов КГБ. Особое внимание Семичастный уделял Девятому управлению — правительственной охране. «Девятка» — это все прямые выходы на членов Политбюро, на самого генерального секретаря ЦК КПСС, членов его семьи. Поняв значение «Девятки», Семичастный решил заменить ее руководство на интеллектуалов из разведки и подобрал на должностные начальники управления, его заместителей и на другие ответственные посты сотрудников из ПГУ¹⁶. Создав в «Девятке» верную себе команду, Семичастный приложил немало усилий для того, чтобы смещение Хрущева произошло без неожиданностей. Но весной 1967 г., в связи с тем, что дочь Сталина Светлана Аллилуева, нахо-

дья в Индии, попросила в американском посольстве политического убежища, Семичастный был снят с поста председателя КГБ.

В это десятилетие ЦРУ США активизировало не только агентурную разведку, но и техническую. Существенная роль в сборе информации отводилась американским самолетам, оснащенным специальными техническими средствами, которые направлялись для облетов территории СССР. Следует отметить, что только в 1959 г. и первой половине 1960-х гг. в воздушном пространстве СССР при нарушении государственной границы были сбиты 39 американских самолетов-разведчиков¹⁷.

Во время Берлинского (1961 г.) и Карибского (1962 г.) кризисов противостояние СССР и США едва не обернулось началом ядерной войны. В 1965 г. началась война США во Вьетнаме. Продолжался затяжной конфликт между Израилем и арабами. В 1968 г. возник очередной очаг напряженности — на этот раз в Чехословакии.

В 1960-е гг. активизировалась деятельность китайских спецслужб на территории СССР, а после драматических событий в марте 1969 г. у острова Даманский противоборство специальных служб двух сопредельных государств нередко приобретало форму тайной войны. Следует отметить, что в 1949—1959 гг. органы госбезопасности СССР оказали существенную помощь китайской разведке и контрразведке в подготовке кадров в своих учебных заведениях и в практической работе¹⁸. Это создавало дополнительные угрозы безопасности КГБ СССР.

В мае 1967 г. на должность Председателя КГБ при СМ СССР был назначен Ю. В. Андропов¹⁹, оставшийся на этом посту в течение 15 лет. Ему удалось поднять авторитет ведомства, который серьезно пошатнулся в предыдущие годы. Были существенно повышены профессиональный уровень сотрудников, оперативный потенциал кадрового состава, много было сделано для воспитания сотрудников на лучших традициях отечественных органов безопасности.

1970-е гг. стали первым десятилетием кризиса командно-административной системы. Высшее руководство КПСС было неспособно своевременно решить жизненно важные проблемы, что вело страну к экономическому отставанию от развитых стран Запада. Одним из проявлений гражданского недовольства в стране стало диссидентское движение. Подписанное в августе 1975 г. Хельсинкское соглашение позволяло Западу акцентировать внимание на проблемах соблюдения прав человека в СССР и, активно поддерживая диссидентов, расшатывать идеологическую основу страны.

Сложной оставалась международная обстановка: продолжалась война во Вьетнаме, которая закончилась только в 1976 г.; прекратились отношения с Китаем, возникла напряженность в Польше, вызывали озабоченность события на африканском континенте, в

Латинской Америке (Никарагуа, Сальвадор), в декабре 1979 г. Советский Союз ввел войска в Афганистан, началась война, длившаяся почти десять лет. В Афганистане выполняли поставленные задачи различные органы и войска КГБ СССР (особые отделы КГБ СССР 40-й армии. Представительство КГБ СССР при органах безопасности Республики Афганистан, подразделения внешней разведки и специального назначения КГБ СССР, мотоманевренные группы пограничных войск КГБ СССР и др.).

Нарастание и обострение противоречий в социально-экономической и политической сферах, недопонимание руководством страны их внутренней природы и остроты, насилие над объективными законами развития экономики не могло не отразиться на эффективности функционирования механизма государственно-партийной власти и всех ее институтов, в том числе и КГБ. В этом состояла стратегическая уязвимость Комитета государственной безопасности СССР.

В 1980-е гг. продолжала усиливаться напряженность в отношениях двух сверхдержав. США в 1980 г. бойкотировали проведение в СССР Олимпийских игр. Осложнялось советско-американское противостояние на Ближнем Востоке. По мнению советского руководства, политика, проводимая Вашингтоном, обострила международную напряженность до крайне опасного предела²⁰.

В сложных условиях противоборства двух полярных лагерей достаточно трудным для органов безопасности, по мнению бывшего председателя КГБ СССР В. А. Крючкова, был именно период 1970—1980-х гг. В результате целого ряда предательств был нанесен существенный ущерб КГБ СССР²¹.

В КГБ СССР произошла смена первого руководителя. В мае 1982 г., после избрания Андропова секретарем ЦК КПСС, по предложению Л. И. Брежнева председателем КГБ СССР был назначен В. В. Федорчук²².

Возглавляя КГБ около 7 месяцев, Федорчук оставил о себе не очень добрую память. Большинство мемуаристов — сотрудников органов безопасности (генералы В. А. Кирпиченко²³, Н. С. Леонов²⁴ и др.), характеризуют его как руководителя честного, законопослушного, “трудоголика”, но упрямого, жесткого и грубого. Его представления о работе органов безопасности не соответствовали реалиям оперативной обстановки.

После смерти Брежнева в декабре 1982 г. председателем КГБ СССР был назначен В. М. Чебриков²⁵. Выдвижение Чебрикова на пост руководителя органов государственной безопасности не было неожиданным для сотрудников КГБ. Связка Андропов—Чебриков была надежной, понятной и предсказуемой, однако приход к власти Горбачева и начавшиеся импровизации эпохи перестройки постепенно дезориентировали привычную работу КГБ и, в первую

очередь, его председателя. В создавшихся условиях Чебриков потерял уверенность и из всегда спокойного и доброжелательного человека превратился во вспыльчивого и раздражительного²⁶.

По мнению Кирпиченко, Горбачев считал Чебрикова консерватором и решил заменить его на более динамичного и работоспособного Крючкова²⁷. 30 сентября 1988 г. Чебриков был избран секретарем ЦК КПСС и одновременно председателем Комиссии ЦК по вопросам правовой политики и был вынужден расстаться с постом председателя КГБ СССР²⁸.

В декабре 1988 г. председателем КГБ СССР был назначен В. А. Крючков²⁹. Его почти трехлетнее пребывание на посту руководителя органов государственной безопасности пришлось на период ускоренного развала СССР. В августе 1991 г. произошли события, получившие название "попытки государственного переворота", они послужили основанием для последующего разделения КГБ СССР на ряд специальных служб (СВР, ФСО, ФСБ, ФАПСИ, ФПС, ССО).

С августа по декабрь 1991 г. председателем КГБ СССР был В. В. Бакатин³⁰, основной целью которого было "избавление от КГБ"³¹.

Угрозы безопасности КГБ СССР распространялись в различных сферах общественной жизни и подразделялись на политические, экономические, социальные, экологические, морально-психологические и информационные.

Классификация угроз на внешние и внутренние ведется в зависимости от местонахождения источника опасности (угрозы безопасности), наносящего ущерб КГБ СССР. О внешних угрозах безопасности говорят в том случае, когда источник опасности находится вне системы органов безопасности, к внутренним угрозам относятся те, источник происхождения которых находится в самой системе органов безопасности. Деятельность зарубежных спецслужб в рассматриваемый период была самым прогрессивно развивающимся источником внешних угроз. В период с 1954 по 1980 гг. были выявлены устойчивые разведывательные устремления к органам государственной безопасности со стороны спецслужб иностранных государств (США, Великобритании, Франции, Германии, Японии, Китая, Кореи, Ирана, Турции). Иностранные спецслужбы пытались расширить разведывательное проникновение в СССР и в органы безопасности. Они резко активизировали деятельность по добыванию разведывательной информации посредством агентурной разведки, в том числе путем привлечения сотрудников и агентов органов безопасности к сотрудничеству на материальной основе.

Спецслужбы США и других стран заметно активизировали свою деятельность по агентурному проникновению в органы КГБ и их агентурный аппарат путем вербовок сотрудников и агентов органов безопасности, а также подстав своих агентов на вербовку.

О том, какое значение придавалось вербовке агентов из числа советских граждан (в том числе сотрудников и агентов органов КГБ), свидетельствует то, что этот вопрос неоднократно рассматривался в специальных комиссиях конгресса США.

Внутренние угрозы КГБ СССР имели источник их возникновения внутри самой системы органов безопасности и были связаны с развитием социально-политического и экономического кризиса в стране, что создавало благодатную почву для роста социальной напряженности в советском обществе и органах государственной безопасности. Кризисность ситуации проявлялась в противоправной деятельности и измене сотрудников и агентов органов КГБ.

По некоторым данным, в послевоенные годы перешли на сторону противника или работали на него в качестве агентов более 30 сотрудников КГБ СССР³². В результате предательства большое количество сотрудников, находившихся под дипломатическим прикрытием за рубежом, было выдворено из зарубежных стран, а агенты органов госбезопасности из числа иностранцев были арестованы национальными контрразведывательными службами или прекратили сотрудничество. Как отмечает бывший председатель КГБ СССР В. А. Крючков, причиной провала особо ценных агентов органов безопасности почти всегда является предательство в своей среде. Вот только несколько примеров нанесения ущерба КГБ СССР в результате измены сотрудников органов безопасности.

В 1957 г. в США был арестован советский разведчик-нелегал Р. Абель (В. Фишер). Причиной провала стало предательство в мае 1957 г. другого советского разведчика Рейно Хейханена.

В декабре 1961 г. из Хельсинки (Финляндия) бежал в США Голицын Анатолий Михайлович, сотрудник ПГУ КГБ, майор. Голицын выдал ЦРУ США данные о внедрении агентов советской внешней разведки в правительственные структуры Франции, Канады, Великобритании, а также в НАТО.

В 1971 г. изменил Родине сотрудник разведки О. Лялин, работавший в Великобритании под прикрытием торгового представительства. Лялин был завербован британской контрразведкой МИ-5 весной 1971 г. и начал передавать англичанам секретную информацию. В сентябре 1971 г. он бежал из резидентуры, попросив у англичан политического убежища. Лялин выдал англичанам достоверные сведения о штатной численности, структуре и личном составе советской разведки в Лондоне. После его бегства в сентябре 1971 г. английские власти, используя информацию, полученную от перебежчика, объявили персонами нон грата 105 служащих советских учреждений в Великобритании, в том числе сотрудников резидентур КГБ и ГРУ, развернули антисоветскую кампанию в печати. Приговоренный в СССР к расстрелу, Лялин с женой двадцать три

года прожил в Англии на нелегальном положении и умер в конце февраля 1995 г.

Еще одним предателем, предложившим свои услуги ЦРУ в 1974 г., стал сотрудник КГБ Армянской ССР Норайр Григорян. В 1975 г. Григорян был разоблачен сотрудниками Второго главного управления КГБ и осужден на двенадцать лет лишения свободы.

В феврале 1974 г. во время совершения служебной поездки по Западному Берлину к представителям английских оккупационных войск обратился с просьбой о предоставлении убежища сотрудник особого отдела КГБ, дислоцированного в ГДР, Алексей Мягков.

Бывший сотрудник ПГУ КГБ Вареник, осужденный в 1986 г. за измену Родине в форме шпионажа, по оценкам экспертов иностранных спецслужб, передал им информацию о 170 сотрудниках и агентах КГБ и ГРУ³³.

В 1976 г. работавший в резидентуре ПГУ КГБ в Индонезии Владимир Пигузов был завербован сотрудниками ЦРУ. После окончания командировки он вернулся в Москву, где в начале 1980-х гг. стал секретарем парткома Краснознаменного Института КГБ, готовившего разведчиков. Как парторг Пигузов имел доступ к установочным данным и фотографиям всех слушателей.

Пигузов был разоблачен в результате вербовки сотрудника ЦРУ Эймса. Учитывая особую опасность, таившуюся в высоком должностном положении Пигузова, было принято решение о его немедленном аресте. В ходе следствия его вина была полностью доказана, и в 1986 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда он был расстрелян.

В мае 1980 г. исчез, вместе с женой и дочерью, сотрудник 8-го главного управления (шифровальной службы) КГБ майор Виктор Иванович Шеймов. Обстоятельства его исчезновения были установлены лишь в 1985 г. после проведения дополнительно разработанных мероприятий и скоординированных действий всех заинтересованных подразделений. Только тогда были приняты меры по локализации возможного ущерба от измены шифровальщика. Впоследствии было установлено, что во время служебной командировки в Варшаву 31 октября 1979 г. Шеймов сумел тайно встретиться с сотрудником ЦРУ. Возвратившись в Москву, он провел несколько встреч с сотрудниками ЦРУ, и в мае 1980 г. вместе с семьей был тайно вывезен в США³⁴.

Некритическое и поверхностное отношение к факту исчезновения Шеймова, необъективное и поверхностное проведение расследования данного чрезвычайного происшествия, возможно, поспособствовали тому, что в 1985 г. англичанами был вывезен из Советского Союза сотрудник ПГУ Гордиевский. По наводке Гордиевского были арестованы десятки агентов органов КГБ³⁵.

В 1985 г. был задержан с поличным при передаче секретных данных сотруднику ЦРУ, работавшему в Москве под прикрытием посольства США, заместитель начальника отделения контрразведывательного подразделения УКГБ по г. Москве и Московской области майор Воронцов. В процессе следствия было установлено, что Воронцов инициативно пошел на сотрудничество с представителями ЦРУ, работавшими в Москве. За период сотрудничества с американской разведкой Воронцов передал противнику важные секретные сведения, установочные данные на сотрудников и агентов органов безопасности, раскрыл формы и методы работы подразделений советской контрразведки, ведущих разработку резидентуры ЦРУ США в Москве³⁶.

Не меньшую опасность для собственной безопасности КГБ СССР представляли и другого рода проступки и нарушения:

- разглашение государственной тайны, утрата документов, содержащих государственную тайну;

- злоупотребление властью или служебным положением, превышение власти или служебного положения, хищение имущества, незаконное ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боеприпасов, или взрывчатых веществ и другие общеуголовные преступления;

- измена, двурушничество и дезинформирование агентами органов безопасности;

- несоблюдение оперативными сотрудниками конспирации и режима секретности в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности;

- ошибки, просчеты, профессиональная некомпетентность оперативных работников;

- нарушение законности и социальной справедливости в решении кадровых, управленческих и социальных вопросов руководителями и оперативными работниками органов безопасности³⁷;

- публикация статей и мемуаров бывшими сотрудниками органов безопасности или иными лицами, в которых прямо или косвенно раскрываются формы и методы оперативно-розыскной деятельности, а также данные на агентов.

Таких публикаций, к сожалению, за последнее десятилетие стало значительно больше. Бывший начальник У КГБ СССР по Приморскому краю (1972—1992) К. А. Григорьев³⁸ рассказал, что преждевременная публикация в СМИ раскрыла одного из агентов данного органа безопасности и создала угрозы безопасности его близким. Ю. И. Дроздов³⁹ считает, что поводом для проведения проверочных мероприятий ФБР США в отношении некоторых агентов КГБ послужили публикации отставного генерала КГБ СССР Олега Калугина.

По мнению лиц, оказывающих содействие органам безопасности на конфиденциальной основе, публикации воспоминаний бывших оперативных сотрудников, а также “откровения” действующих сотрудников являются “вредными и ненужными”.

Несмотря на влияние внешних и внутренних угроз, нанесение ему ущерба в результате отдельных случаев предательства со стороны сотрудников органов безопасности, КГБ СССР в период 60—80-х гг. прошлого столетия оставался единственной силой в Советском Союзе, не затронутой коррупцией и противостоящей мафии.

На формирование угроз безопасности КГБ СССР влияли не только его конфликтное взаимодействие со спецслужбами иностранных государств и преступными организациями, — негативное воздействие оказывала среда, в которой происходила эта борьба.

Обеспечение собственной безопасности КГБ СССР представляло собой комплекс правовых, организационно-управленческих, агентурно-оперативных, технических, режимных, социально-психологических, воспитательных и иных мер, направленных на создание и поддержание условий, позволяющих органам безопасности эффективно решать перед ними задачи.

Обеспечение собственной безопасности органов КГБ СССР велось по следующим направлениям оперативно-служебной деятельности: совершенствование структуры органов безопасности; организация оперативно-служебной деятельности; обеспечение безопасности сотрудников и агентов органов безопасности (правовая и социальная защита, меры безопасности); обеспечение конспирации в оперативно-служебной деятельности; защита зданий и помещений органов КГБ: обеспечение социалистической законности в деятельности органов безопасности; анализ, учет и использование материалов, содержащих сведения об устремлениях противника и его осведомленности об органах госбезопасности; противодействие техническим разведкам.

Сведения об агентах — это святая святых, самая оберегаемая тайна любой спецслужбы. Ничто — ни методы и приемы деятельности, ни даже конкретные задачи и цели — не охраняется так тщательно, как сами источники получения информации. Не случайно агентуру порой называют достоянием государства⁴⁰.

Специальные службы иностранных государств, преступные формирования и иные лица стремятся получить доступ к информации об агентах органов безопасности в периоды нестабильности и ослабления государственной власти в стране, как это происходило, например, в 1991 г. Даже бывший председатель КГБ СССР В. Бакатин, которого отдельные сотрудники органов безопасности считали предателем интересов КГБ, не пошел на то, чтобы огласить сведения об агентах⁴¹.

В обеспечении безопасности агента важное место занимает его психологическая подготовка. В этой связи представляются полезными рекомендации, предложенные легендарным разведчиком Кимом Филби, которые были высказаны им на лекции для руководящего состава ПГУ КГБ СССР в 1997 г. Филби отметил, что агента необходимо готовить психологически к действиям в экстремальных ситуациях, давать на этот случай “четкие инструкции”. Например, как должен действовать агент в случае ареста? “Он ни при каких обстоятельствах не должен признаваться в сотрудничестве” с какой-либо спецслужбой. “Ему не следует признавать достоверность каких бы то ни было улик против него, тем более, что многие из них могут оказаться сфабрикованными. Ни в коем случае он не должен подписывать изобличающих его документов. Если бы все провалившиеся агенты последовательно придерживались этих инструкций, наверное, половине из них удалось бы избежать суда, не говоря уже об обвинительном приговоре”⁴².

События, происходившие в странах Восточной Европы, прибалтийских республиках, а также в так называемых “горячих точках”, показали, что в случае резкого обострения оперативной обстановки создаются реальные предпосылки захвата экстремистски настроенными лицами документальных материалов органов безопасности. Угрозы захвата зданий органов КГБ СССР возникли, например, в конце 1980-х гг. в ГДР⁴³, Грузии, Литве.

Анализ нормативных правовых актов и научной литературы свидетельствует, что ведомственный уровень обеспечения собственной безопасности органов КГБ являлся основной составляющей в системе обеспечения собственной безопасности органов КГБ СССР. На руководителей органов госбезопасности возлагалась персональная ответственность за состояние собственной безопасности в подчиненных им подразделениях. Каждый орган безопасности принимал меры к формированию системы противодействия агентурному и техническому проникновению спецслужб иностранных государств и криминальных структур. Важное значение в обеспечении собственной безопасности КГБ имел внутренний (внутриведомственный) контроль, который являлся одной из важнейших функций управления руководителей в системе органов государственной безопасности. Он осуществлялся: Коллегией КГБ СССР и коллегией КГБ союзных и автономных республик; Секретариатом КГБ, а также секретариатами (секретарями) органов и подразделений Комитета; инспекторскими и контрольно-ревизионными подразделениями КГБ СССР.

Можно утверждать, что органы безопасности ответственно относились к обеспечению собственной безопасности. Это подтверждается тем, что органы КГБ чрезвычайно редко несли человеческие потери. Любой такой факт становился предметом служебного

разбирательства, анализировались причины и условия, которые привели к провалу операции либо трагическому исходу⁴⁴.

И все же система обеспечения собственной безопасности КГБ СССР не во всем отвечала реалиям оперативной обстановки и требовала внесения корректив. Назрела необходимость создания единого координирующего органа по обеспечению собственной безопасности КГБ СССР. Опыт работы по обеспечению собственной безопасности КГБ СССР был учтен уже в новых условиях деятельности отечественных органов безопасности, и в январе 1992 г. было создано специализированное подразделение — Служба собственной безопасности (ССБ) Министерства безопасности Российской Федерации. В 1994 г. Служба была преобразована в Управление собственной безопасности ФСК-ФСБ России.

В современных условиях обеспечение собственной безопасности ФСБ России не только выделено в качестве самостоятельного направления оперативно-служебной деятельности, но и закреплено законодательно. Современное законодательство предоставляет органам федеральной службы безопасности право осуществлять меры по обеспечению собственной безопасности, в том числе по предотвращению проникновения специальных служб и организаций иностранных государств, преступных групп и отдельных лиц с использованием технических средств к защищаемым органами безопасности сведениям, составляющим государственную тайну⁴⁵.

Примечания

¹ В октябре 1998 г и в феврале 2000 г. проводились межведомственные семинары по вопросам обеспечения собственной безопасности спецслужб и правоохранительных органов с участием представителей подразделений собственной безопасности МВД, ФСБ, ФСНП, ГПК России, а также представителей аналогичных структур ФБР США и американских полицейских управлений. См.: *Христофоров В.С.* Честь или коррупция: выбор полицейского // Бизнес и безопасность в России. 2000, июль-август. С 26—27.

² См.: *Алидин В.И.* Государственная безопасность и время (1951 — 1986). М.: Издательство, 2001; *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть М.: Изд. "Ветеран МП", 1995; *Бейли Дж., Кондрашов С.А., Мерфи Д.Э.* Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в "холодной войне" / Пер. с англ. Л. Володарской. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000; *Грасскин Б.В.* За семью печатями. М.: Международные отношения, 2000; *Даллес А.* Искусство разведки: Пер. с англ. М.: Международные отношения: МП "Улисс", 1992; *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000.

³ *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001; *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. М.: Олимп; ТК О АСТ, 1996; Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М.: Изд-во объединения "Мосгорархив": АО "Московские учебники и картолиотография", 1999; *Судоплатов П.* Спецоперации Лубянка и Кремль 1930—1950 годы. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; *Удильов В.Н.* Назад к истине. М.: Ягуар, 1998; *Фетисов А.* За океаном и на острове. М.: ДЭМ. 1994; *Фельфе Х.*

Мемуары разведчика: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1988; *Шебаршин Л.В.* Рука Москвы: Записки начальника советской разведки. М.: Центр-100, 1992; *Широнин В.* Под колпаком контрразведки. М.: Палая, 1996; Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и в жизни / Сост. Ю.Г. Кобаладзе; Под общ. ред. Т.А. Кудрявцевой: Пер. с англ. М.: Международные отношения. 1997 и др.

⁴ См.: *Колпакиди А., Прохоров Д.* Внешняя разведка России. СПб.: Издат. Дом "Нева"; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; *Колпакиди А.И., Сериков М.Л.* Шит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси. Российской империи. Советского Союза и российской Федерации. СПб.: Издат Дом "Нева"; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002; *Петров Н.В., Кокурин А.И.* Кто руководил НКВД (1934—1941): Справочник: М.: Звенья, 1999 и др.

⁵ См.: *Прохоров Д.П., Лемехов О.И.* Перебежчики. Расстреляны заочно. М.: "Вече". ЗАО "АРИА-АиФ", 2001; *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001; *А. Колпакиди, Д. Прохоров.* Империя ГРУ. Очерки истории российской военной разведки. В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС; *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. М.: Олимп; ТК О АСТ, 1996.

⁶ Разведка и контрразведка в лицах: Энциклопедический словарь российских спецслужб / Автор-составитель А. Диденко. предисл. В. Величко. М.: Русский мир, 2002.

⁷ См.: *Вольтон Т.* КГБ во Франции: Пер. с франц. М.: Прогресс-Гамма, 1993; *Вольф М.* Игра на чужом поле: Пер. с нем. М.: Международные отношения, 1998; *Ворст А.* Конеч штази. История одной секретной службы: Пер. с нем. М.: Возвращение, 1994; *Келер Д.* Секреты штази: Пер. с нем. Смоленск: Русич, 2000; *Полмар Н., Аллен Т.Б.* Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. В. Смирнова. М.: КРОН-ПРЕСС, 1999; *Уам Д.* Охота на "кронов": Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1994; *Хасе П. Дж., Капоши Дж.* КГБ в ООН. Пер. с англ. Е.В. Протасовой, И.Е. Полонка. М.: ЗАО Центрполиграф, 2000; *Эндрю К., Гордиевский О.* КГБ. История внешнеполитических операций: Пер. с англ. М., Nota Bene, 1992 и др.

⁸ См.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М.: "Мосгорархив", "Московские учебники и Картолиотография", 1999. С. 260—261.

⁹ Серов Иван Александрович (12/25 августа 1905 г., с. Афимская Кадниковского уезда Вологодской губ. — 1 июля 1993 г.). Председатель КГБ при СМ СССР с марта 1954 г. по декабрь 1958 г. В органах безопасности в 1939 г. Заместитель начальника Главного управления рабоче-крестьянской милиции (ГУРКМ) НКВД СССР с 09.02.39; начальник ГУРКМ НКВД с 18.02.39; заместитель начальника ГУГБ — начальник СПО ГУГБ НКВД с 29.07.39; нарком внутренних дел Украины с (12.09.39; заместитель наркома НКГБ СССР с 25.02.41; заместитель наркома НКВД с 30.07.41; заместитель наркома внутренних дел с апреля 1943 г.; уполномоченный НКВД по 1-му Белорусскому фронту с 11.01.45; советник НКВД при министерстве общественной безопасности Польши 06.03.45-27.04.45; заместитель Главноначальствующего советской военной администрации в Германии с 06.06.45; уполномоченный НКВД по группе советских оккупационных войск в Германии с 04.07.45; заместитель министра внутренних дел СССР с марта 1946; первый зам. министра

внутренних дел СССР (Круглова) с 24.02.47: первый зам. министра внутренних дел СССР с 06.03.53. председатель КГБ при СМ СССР с 13 марта 1953 г. Генерал армии (1955). Начальник ГРУ — заместитель начальника Генерального штаба. 08.12.58-02.62: пом. командующего войсками ТуркВО, затем ПриВО 02.63-04.65.

⁹ См.: *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001. С. 164.

¹⁰ В феврале 1944 г. Серов был одним из руководителей депортации карачаевцев, калмыков, чеченцев и ингушей. Летом 1944 г. он занимался выселением из Крыма крымских татар, болгар, греков, армян. В 1944 г. Серов руководил репрессиями против "антисоветских элементов" и бойцов польской Армии Крайовой в тылу 3-го Белорусского фронта в Литве, а затем выполнял аналогичные функции в Польше. См.: *Колпакиди А.М., Сериков М.Л.* Щит и меч. Руководители органов государственной безопасности Московской Руси, Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. СПб.: Издат. Дом "Нева"; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 493, 496—497.

¹¹ См.: *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом Бельченко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 291; *Колпакиди А.И., Серяков М.Л.* Щит и меч. С. 497.

¹² См.: *Колпакиди А.П., Серяков М.Л.* Щит и меч. С. 497.

¹³ Шелепин Александр Николаевич (18 августа 1918 г., Воронеж — 21 октября 1994 г., Москва), первый секретарь ЦК ВЛКСМ с 1952 г. по декабрь 1958 г., председатель КГБ при СМ СССР с декабря 1958 г. по ноябрь 1961 г., секретарь ЦК КПСС с декабря 1961 г., зам. председателя СМ СССР и председатель Комитета партийного и государственного контроля с 1962 г. по 1965 г., председатель ВЦСПС с 1967 г. по май 1975, зам. председателя Государственного комитета СССР по профессионально-техническому образованию. В апреле 1984 г. вышел на пенсию.

¹⁴ См.: *Попов А.Ю.* 15 встреч с генералом Бельченко. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. С. 348.

¹⁵ Семичастный Владимир Ефимович (15 января 1924 г., с. Григорьевка Межевского района Днепропетровской обл. — 12 января 2001 г., Москва). Первый секретарь ЦК ЛКСМ Украины с июля 1947 г., секретарь ЦК ВЛКСМ с января 1950 г., первый секретарь ЦК ВЛКСМ с 1958 г., заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС — 1959 г. второй секретарь ЦК КП Азербайджана. Председатель КГБ при СМ СССР с ноября 1961 г. по май 1967 г.

¹⁶ См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001. С. 176-178.

¹⁷ См.: Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М.: "Мосгорархив", "Московские учебники и Картолитография", 1999. С. 262.

¹⁸ См.: *Соловьев А.В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. М.: Русь, 2002. С. 443-444.

¹⁹ Андропов Юрий Владимирович (2 (15) июня 1914 г., ст. Нагутская Ставропольской губ. — 9 февраля 1984 г., Москва). + Председатель КГБ при СМ СССР (с июня 1978 г. - КГБ СССР) с мая 1967 г. по май 1982 г.

²⁰ См.: За мир, разоружение и безопасность народов: летопись внешней политики СССР. М.: Политиздат, 1984. С. 409.

²¹ См.: *Крючков В.А.* Личное дело: В 2 ч. 4.1 М.: Олимп: ТК О АСТ, 1996. С. 111; *Вольтон Т.* КГБ во Франции: Пер. с фр. — Издательская группа "Прогресс", 1993. С. 122.

²² Федорчук Виталий Васильевич (Род. 27 декабря 1918 г., с. Огиевка Сквирского у. Киевской губ.). Начальник 3-го Главного управления КГБ 1967—1970; председатель КГБ при СМ СССР (с 1978 — председатель КГБ СССР) 1970—1982; Председатель КГБ СССР с мая по декабрь 1982 г.

²³ См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения, 2001. С. 183-184.

²⁴ См.: *Леонов Н.С.* Лихолетье. М., 1994.

²⁵ Чебриков Виктор Михайлович (27 апреля 1923 г., Екатеринослав — 1 июля 1988 г., Москва). Начальник УК КГБ при СМ СССР 1967—1968; зам. председателя КГБ при СМ СССР 1968—1982; Председатель КГБ СССР с декабря 1982 г. по сентябрь 1988 г.

²⁶ См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. М.: Международные отношения. 2001. С. 185.

²⁷ См.: *Кирпиченко В.* Разведка: лица и личности. С. 185. ²⁸ См.: *Колпакиди А.И., Сериков М.Л.* Щит и меч. С. 517.

²⁹ Крючков Владимир Александрович (Род. 29 февраля 1924 г. в г. Царицын). Начальник секретариата КГБ при СМ СССР 1967—1970; первый зам. начальника ПТУ КГБ 1970—1971; начальник ЛГУ КГБ 1971—1988 Председатель КГБ СССР с октября 1988 г. по август 1991 г.

³⁰ Бакатин Вадим Викторович. Председатель КГБ СССР с августа по декабрь 1991 г.

³¹ *Бакатин В.В.* Избавление от КГБ. М.: "Новости", 1992.

³² См.: *Харламов А.* Черные списки разведки // Аргументы и факты, 2000. № 50.

³³ См.: *Крючков В.А.* Указ. соч. С. 154; *Дроздов Ю.И.* Записки начальника нелегальной разведки. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 335.

³⁴ См.: *Крючков В.А.* Указ. соч. С. 349-352.

³⁵ См.: *Будберг А.* Мы себе давали слово // Московский комсомолец. 1994. 15 октября.

³⁶ См.: *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть М.: "Ветеран МП", 1995. С. 246.

³⁷ Например, по инициативе Политбюро ЦК КПСС в конце 1958 г. председателем КГБ стал А.Н. Шелепин, который не доверял кадровым сотрудникам органов безопасности, стремился убрать из КГБ всех, кто был заподозрен в связях с предыдущим его руководителем — Серовым. С первых дней своего пребывания в органах безопасности Шелепин начал реорганизацию КГБ без учета мнения ученых и опытных практических работников. Сотрудники КГБ были недовольны методами работы Шелепина, а также его явным стремлением использовать службу в КГБ в качестве трамплина для своих честолюбивых планов. Сокращение числа домов отдыха и санаториев, принадлежащих КГБ, уменьшение заработной платы создавали дополнительную социальную напряженность в органах безопасности. Многие сотрудники считали, что интересы службы были подчинены интересам партийного руководства, так как большое число ключевых должностей в КГБ было отдано партийным и комсомольским работникам, лично подобранным Шелепиным. (См. подробнее: *Бобков Ф.Д.* КГБ и власть М.: "Ветеран МП", 1995. С. 172—184; *Бейли Дж., Кондрашов С.А., Мерфи Д.Э.* Поле битвы Берлин: ЦРУ против КГБ в "холодной войне" / Пер. с англ. Л. Володарской. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2000. С. 340—341; *Кирпиченко В.А.* Разведка: лица и личности... С. 169).

³⁸ См.: Григорьев К.А. Взлеты и падения. Мемуары. Владивосток: "Усури", 1999. С. 256-258.

³⁹ См.: Дроздов Ю. Указ. соч. С. 341-342.

⁴⁰ См.: Савостьянов Е. // Аргументы и факты. 1993. № 47.

⁴¹ См.: Удилов В.Н. Назад к истине. М.: Ягуар. 1998. С. 150; Бакатин В.В. Указ. соч. С. 150—151.

⁴² См.: Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и в жизни // Сост. Ю. Г. Кобаладзе. Под общ. Ред. Т. А. Кудрявцевой: Пер. с англ. М.: Международные отношения. 1997. С. 274.

⁴³ См.: От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным. М.: Вагриус, 2000. С. 69.

⁴⁴ См.: Леган // КГБ-ФСБ. Взгляд изнутри. В 2 кн. М.: ОАО Центркнига. 2001. Кн. 2. С. 323.

⁴⁵ См.: Об органах федеральной службы безопасности в Российской Федерации: Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15. Ст. 1269. (п. "г" ст. 13).

Российской контрразведке - 100 лет

2 февраля 2003 г., с учетом перехода России в 1918 г. на григорианский календарь, в истории российской военной контрразведки отмечается юбилейная дата — 100 лет. Бесспорно, это — знаменательнейшее событие в истории отечественных спецслужб.

Для автора же данного доклада это есть признание отечественной историографией одного из положений его кандидатской диссертации, защищенной в 1982 г., где автор утверждал: "Возникновение органон военной контрразведки России — это объективный процесс, подчиненный внутренним закономерностям развития государства в эпоху империализма. История органов русской военной контрразведки начинается с 1903 г., а не с 1911-го, как это считалось до сих пор некоторыми авторами"¹.

В своем научном докладе хотелось бы затронуть следующие проблемы: 1. Каковы были предпосылки создания российской контрразведки и почему датой ее рождения следует считать 1903 г., а не 1911 г., как это долгое время утверждалось в советской историографии? 2. Рождение какой контрразведки произошло в 1903 г.: военной или контрразведки страны в целом?

Подходя к рассмотрению первой проблемы, необходимо иметь ввиду, что организационное строительство отечественной контрразведки шло достаточно сложным путем и было связано с деятельностью различных ведомств России, на которые возлагались обязанности по обеспечению внутренней и внешней безопасности государства на протяжении XVIII — начала XX вв.

Организационное оформление специальных органов контрразведки во многом было обусловлено предыдущей историей борьбы со шпионажем в России в XVIII—XIX вв.

В период становления абсолютизма в России одну из ведущих ролей в осуществлении внутренней и внешней политики государства стали играть военное ведомство и русская национальная армия. Проводя военную реформу по укреплению русской армии, Петр I вводит много новшеств. Одним из них было создание в армии квартирмейстерской службы — основной части будущего Генерального штаба. На эту службу наряду с другими обязанностями была возложена и борьба со шпионажем в армии и местах ее расквартирования². Изучая роль квартирмейстерской службы в борьбе со шпионажем в XVIII—XIX вв., автор пришел к выводу, что до начала XX века она занималась этой борьбой лишь в условиях военного

времени и только на театре военных действий. На остальной территории России во время войны и в условиях мирного времени борьбу со шпионажем осуществляли органы других ведомств.

В начале XIX в. обязанность борьбы со шпионажем частично возлагалась на Министерство юстиции. В 1806—1807 гг., когда усилилась шпионская подрывная деятельность наполеоновской Франции перед ее нападением на Россию, по высочайшему повелению Министерству юстиции было поручено образовать “Комитет охранения общей безопасности”. В обязанности этого органа входило “...принимать сообразные обстоятельствам меры к открытию шпионов и изменников...”, выявлять вновь приезжающих в столицу подозрительных людей, получать заблаговременно сведения “...о скопищах и собраниях подозрительных...”³. В этом органе правительство хотело видеть сочетание функций борьбы со шпионажем и политического сыска. “Комитет охранения общей безопасности” просуществовал до 1829 г., после чего был закрыт⁴.

Параллельно с деятельностью “Комитета охранения общей безопасности” в 1811 — 1826 гг. борьбу со шпионажем активно проводила Особенная канцелярия. Первоначально Особенная канцелярия существовала в рамках Министерства полиции России, а с 1819 г., когда Министерство полиции было ликвидировано, Особенная канцелярия стала одним из органов Министерства внутренних дел.

Канцелярия производила регистрацию заподозренных в шпионаже лиц, расследовала шпионские дела, осуществляла в административном порядке высылку лиц, уличенных в собирании секретных сведений о России, во внутренние районы государства или за границу⁵. Упразднена Особенная канцелярия была по указу императора 3 июля 1826 г.⁶, а функции ее перешли в первую и третью экспедиции II 1-го отделения собственной его императорского величества (с.е.и.в.) канцелярии.

В III-м отделении (с.е.и.в.) канцелярии обязанность по наблюдению за иностранцами (выполнение контрразведывательных функций) была возложена на третью экспедицию⁷. Исполнительным органом III-го отделения (производство официальных расследований, обысков, арестов, выемок) с 1827 г. становится отдельный корпус жандармов, который после ликвидации в 1880 г. с.е.и.в. канцелярии и образования департамента полиции был подчинен министерству внутренних дел.

Департамент полиции для борьбы со шпионажем использовал возможности “Особого отдела”, образованного в 1898 г., отделения по охране общественной безопасности (охранка), а также городские и уездные полицейские учреждения и градоначальников⁸. В отдельных случаях для выявления иностранных шпионов привлекалась заграничная агентура (“заграничная охранка”) департамента полиции⁹.

Министерство финансов имело отношение к контрразведке в силу того, что ему были подчинены Отдельный корпус пограничной стражи, ведавший охраной государственной границы, а также таможенный департамент, отвечавший за таможенный надзор при въезде и выезде граждан за границу¹⁰. Незначительными возможностями по линии контрразведки обладали также некоторые филиалы русского банка Министерства финансов за границей.

Участие МИДа в борьбе с иностранными шпионами проявлялось в деятельности: в центре — департамента политических дел МИДа, на местах — послов и консулов за рубежом¹¹.

Управление дворцового коменданта Министерства императорского двора¹², отвечавшее за личную охрану царя и его фамилии, также имело возможность через свою агентуру участвовать в разоблачении лиц, подозреваемых в шпионаже.

Участие военного ведомства в борьбе со шпионажем в условиях мирного времени было тесно связано с работой русского Главного штаба. Непосредственно за эту работу отвечал Военно-ученый комитет (ВУК) Главного штаба, образованный еще 11 января 1812 г.¹³ ВУК в деле борьбы со шпионажем был органом, который сам непосредственно розыскной работы по выявлению шпионов не проводил. Его усилия были направлены к тому, чтобы через другие подразделения военного ведомства собирать, обобщать и анализировать информацию о подрывной деятельности иностранных военных разведчиков, при возможности перепроверять эту информацию путем письменных сношений с другими органами, а затем выstupать с ходатайствами перед МВД о производстве расследований, дознаний и арестов по конкретным шпионским делам.

Сведения о возможной шпионской деятельности иностранных государств против России могли поступать в ВУК почти от всех центральных управлений и отделов Военного министерства, которые в той или иной мере вели в своих узковедомственных интересах агентурную работу¹⁴. Важным источником для ВУК в получении сведений об иностранных шпионах являлся институт военных агентов (атташе), официально утвержденный в России с 1864 г.¹⁵ Значение этого института по добыванию разведывательной информации со временем стало настолько велико, что в наиболее крупные государства Россия командировала сразу двух военных агентов: сухопутного и морского¹⁶. Но, не довольствуясь этим, Главный штаб в некоторых западных странах содержал еще и негласных военных агентов. И хотя основной задачей военных агентов (атташе) являлась разведка, а не контрразведка, но, тем не менее, они многое делали и для борьбы со шпионами¹⁷. Информация о подрывной деятельности разведок противника поступала в ВУК и от квартирмейстерской службы штабов военных округов¹⁸.

В конце XIX — начале XX вв, когда реально стала ощущаться опасность Первой мировой войны, появляется насущная необходимость организации контрразведки на качественно более высоком уровне. Контрразведка обособляется от других видов государственной деятельности и приобретает самостоятельные организационные формы. Каковы же были объективные причины данных качественных изменений в организации контрразведки на рубеже XIX и XX вв?

Капиталистический мир вступал в эпоху империализма. По характеристике В. И. Ленина: “Эпоха новейшего капитализма показывает нам, что между союзами капиталистов складываются известные отношения на почве экономического раздела мира, а рядом с этим, в связи с этим между политическими союзами, государствами, складываются известные отношения на почве территориального раздела мира, борьбы за колонии, “борьбы за хозяйственную территорию”¹⁹.

Россия не могла остаться в стороне от борьбы различных империалистических группировок между собой за передел рынков сбыта, источников сырья, за овладение новыми колониями.

Международные отношения этого периода характеризуются невиданными до сих пор противоречиями, которые часто перерастают в войны. Так, в 1898 г. возникла испано-американская война, с 1899—1902 гг. произошла англо-бурская война. Назревала война между Россией и Японией на Дальнем Востоке.

В военных конфликтах между различными государствами огромная роль отводилась их армиям, которые в этот период претерпевают качественные изменения в связи с бурным развитием экономики капиталистических государств. “Ничто так не зависит от экономических условий, как именно армия и флот. Вооружение, состав, организация, тактика и стратегия зависят прежде всего от достигнутой в данный момент ступени производства и от средств сообщения”²⁰. В конечном итоге качественные усовершенствования в военной технике и вооружении, изменения в стратегии и тактике ведения войны и отдельных боевых действий привели к возрастанию роли таких военных факторов, как внезапность, маневренность, мобильность, скрытность. В этих условиях противоборствующую сторону стремились: с одной стороны, всячески скрывать и маскировать от противника свои приготовления к войне, а с другой, — любыми способами проникать в тайные замыслы своего врага. В связи с этим военный шпионаж получил в начале XX в. небывалое развитие и перестал, как прежде, носить нерегулярный характер, а сделался постоянным, систематическим, охватывая собою соби́рание самых различных сведений о состоянии вооруженных сил соседних государств.

Царское правительство, сознавая возможность военного конфликта на Дальнем Востоке, не могло не обратить внимания на возрастающую в условиях будущей войны опасность иностранного шпионажа, особенно со стороны Японии. Ее разведка еще задолго до развязывания военных действий на Дальнем Востоке, а также и во время войны вела активную разведывательную деятельность против России в Европе, на Ближнем Востоке, в других регионах. При этом Япония пользовалась поддержкой некоторых иностранных держав (Германии, Турции, Великобритании). В самой России японцы усиленно шпионили в Петербурге: до января 1904 г. непосредственно через свое посольство, а затем через дипломатические представительства стран, симпатизировавших Японии. Как средство борьбы со шпионами, действовавшими под прикрытием иностранных посольств, в России в 1903 г. предпринимается первая попытка создать специальный орган контрразведки.

Проект создания данного органа был изложен 20 января (2 февраля) 1903 г. в докладе, подготовленном канцелярией ВУК Главного штаба и подписанном военным министром генерал-адъютантом А. Н. Куропаткиным. Составители данного проекта, обосновывая необходимость создания специального органа по борьбе с иностранным шпионажем, указывали: “Совершенствующееся с каждым годом состояние боевой подготовки армии, а равно предварительная разработка стратегических планов на первый период кампании приобретают действительное значение лишь в том случае, если они остаются тайною для предполагаемого противника, поэтому делом первостепенной важности является охранение этой тайны и обнаружение преступной деятельности лиц, выдающих ее иностранным правительствам”²¹. В связи с этим предлагалось учредить особый военный орган, ведающий розыском иностранных шпионов и изменников, и назвать этот орган “разведочным отделением”.

“Разведочное отделение” фактически начало действовать с июня 1903 г., и к концу года оно состояло из 13 штатных чинов и 9 штатных сотрудников: начальника отделения, старшего наблюдательного агента, шести наружных наблюдателей, одного агента-посыльного, двух человек для соби́рания справок и сведений для установок, двух почтальонов и девяти сотрудников (внутренних агентов). Значительная часть личного состава “разведочного отделения” ранее или служили в департаменте полиции и корпусе жандармов или были как-то связаны с этими учреждениями. Наличие жандармов в первом контрразведывательном органе России можно объяснить тем, что военное министерство не располагало специалистами, знакомыми с тайным розыском, без которого контрразведка просто немыслима. Первым начальником “разведочного отделения” был назначен ротмистр Лавров Владимир Николае-

вич, занимавший до этого должность начальника охранного отделения в городе Тифлисе. Вместе с ним из тифлисского охранного отделения были направлены на укомплектование "разведочного отделения" еще три человека²².

"Разведочное отделение" с самого начала было задумано как негласное учреждение, так как считалось, что иначе терялся бы главный шанс на успешность его деятельности, а именно — тайна его существования.

Начальник "разведочного отделения" пользовался довольно широкими правами в вопросах розыскной деятельности, связанной с разоблачением шпионов. Для неоднократного перехода границы в служебных надобностях Лавров В. Н. был снабжен заграничным паспортом, выданным Департаментом полиции. Он имел также специальное удостоверение, которое позволяло ему при задержании какого-либо лица обращаться к чинам наружной и охранной полиции об оказании ему необходимого содействия²³.

Несмотря на свою малочисленность, "разведочное отделение" уже к концу 1903 г. наладило наблюдение за австро-венгерским, германским и японским военными агентами и за некоторыми служащими государственных учреждений, в отношении которых были получены сигналы об их преступной деятельности.

В начале января 1904 г. "разведочным отделением" был разоблачен штаб-офицер для особых поручений при главном интенданте ротмистр Ивков, шпионивший в пользу Японии²⁴.

Через внутреннюю агентуру "разведочного отделения" уже 22 декабря 1903 г. стало известно о подготовке к отъезду всей японской миссии из Петербурга, о чем было сообщено царю²⁵. Таким образом, "разведочное отделение" заблаговременно предоставило информацию для царского правительства о возможном военном нападении Японии на Россию, другое дело, что этой информации не придали должного значения.

Недостатком в организации "разведочного отделения" являлось то, что оно было малочисленным, не имевшим периферийных органов, и районом деятельности его являлся в основном Петербург и его окрестности. Негласный характер существования отделения был выигрышным моментом только в самом начале деятельности данного органа при нанесении первого и неожиданного удара по подрывной работе иностранных военных агентов (атташе). Затем негласность положения обрекла "разведочное отделение" на изолированность его от других государственных учреждений, участвовавших в борьбе со шпионами.

Русско-японская война 1904—1905 гг. явилась следующим шагом на пути развития в России контрразведывательной службы, но уже применительно к условиям военного времени. Для борьбы с подрывной деятельностью иностранных разведок на театре воен-

ных действий (ТВД) не предусматривалось создание специальных органов контрразведки. Эти обязанности, наряду с решением других задач, возлагались на органы разведки — разведывательные отделения. Практика организации и ведения боевых действий на Дальнем Востоке убедила командование русской армии в необходимости заниматься контрразведкой во всех основных звеньях армейской системы. Такими звеньями являлись: штаб главнокомандующего всеми сухопутными и морскими вооруженными силами на Дальнем Востоке, штабы армий, корпусов, дивизий, отдельных отрядов и частей.

Контрразведка в тылу русской армии на дальневосточном ТВД представляла из себя деятельность малочисленных структурных подразделений различных ведомств, почти полностью разрозненных между собой и не связанных тесным взаимодействием с контрразведкой самой действующей армии.

После окончания русско-японской войны и перевода армии на мирное положение органы, отвечающие за борьбу со шпионажем на театре военных действий, были упразднены. Контрразведывательной работой в послевоенный период по линии военного ведомства продолжали заниматься "разведочное отделение" и в определенной мере штабы военных округов.

При штабах Петербургского, Виленского, Варшавского, Киевского, Одесского, Московского, Кавказского, Туркестанского военных округов и Приамурского и Заамурского округов пограничной стражи существовали предусмотренные военными штабами еще в начале XX в. отчетные отделения, которые занимались разведкой²⁶. На отчетные отделения была возложена и обязанность контрразведки. В июне-августе 1906 г. в штабах военных округов, сначала пограничных, стали формироваться разведывательные отделения²⁷. На первых порах они иногда были нештатными. К вновь сформированным отделениям перешли и функции по борьбе со шпионажем.

Однако на территории внутренних военных округов вопросами борьбы со шпионажем продолжали ведать отчетные и строевые отделения²⁸. Каждый военный округ, как правило, занимал территорию нескольких губерний. Малочисленные по своим штатам перчисленные выше органы военных округов не могли на всей занимаемой ими территории успешно бороться со шпионажем.

Такое состояние борьбы со шпионажем в России очень тревожило высших военных чиновников. Так, например, начальник Генерального штаба в своем отношении от 11 января 1907 г. отметил неудовлетворительную работу жандармской полиции по осуществлению надзора за иностранцами, путешествующими по России с разведывательными целями. Здесь же начальник Генерального штаба приказал возложить эти обязанности на воинских началь-

ников, отвечавших за передвижение войск. Но это приказание не было в дальнейшем подкреплено никакими дополнительными материальными и организационными мерами, поэтому решение данной проблемы с места не сдвинулось.

Единственным местом в России, где борьба со шпионажем велась должным образом, был Петербург и его окрестности. Это являлось результатом деятельности “разведочного отделения”, перешедшего в 1905 г. из Главного штаба в ведение Главного управления Генерального штаба (ГУГШ)²⁹.

Министерства и ведомства царской России, участвовавшие ранее в борьбе со шпионажем, начиная с 1908 г., предпринимают активные попытки к упорядочению контрразведывательной деятельности путем выработки определенных общих установок в этом вопросе. С этого момента в истории контрразведки начинается этап по созданию системы специальных органов контрразведки и выработке их статуса. Работа эта длилась около трех лет.

В качестве первого шага на ее пути в декабре 1908 г. по соглашению министра внутренних дел с военным министром была образована межведомственная комиссия под председательством директора департамента полиции действительного статского советника Трусевича³⁰. 28 марта 1909 г. комиссия собралась на межведомственное совещание. На этом совещании были рассмотрены материалы, характеризующие огромные размеры шпионской деятельности в России разведок Австро-Венгрии, Германии, Японии и других государств, а также методы и способы получения ими секретных сведений.

Комиссия в ходе своей работы, на основе имевшейся практики борьбы со шпионажем, предприняло попытку дать научное определение контрразведки как вида деятельности. “Контрразведка (борьба со шпионством), — по мнению этой комиссии, — заключается в своевременном обнаружении лиц, занимающихся разведкой для иностранных государств и в принятии вообще мер для воспрепятствования разведывательной работе этих государств в России. Конечная цель контрразведки есть привлечение к судебной ответственности уличенных в военном шпионаже лиц на основании ст.ст. 108—119 Уголовного Уложения 1903 г. или прекращение вредной деятельности названных лиц хотя бы административными мерами”³¹.

29 июля 1910 г. комиссия вновь собралась на заседание — теперь уже под председательством товарища министра внутренних дел Курлова. В комиссию входили представители тех же ведомств, что и год назад. На заседании было принято решение вернуться к рассмотрению предложенных предыдущей комиссией проектов организации контрразведывательных отделений. В работе новой комиссии наметился более научно обоснованный подход к опреде-

лению путей строительства органов контрразведки. Совещание пришло к выводу что департамент полиции не обладает специальными знаниями военной организации русской и иностранных армий и вследствие этого не может руководить контрразведывательной службой, что наиболее правильным было бы учреждение контрразведывательных отделений по проекту №1, по которому отделения состоят в непосредственном ведении военного ведомства, а органы департамента полиции оказывают лишь содействие и помощь³². Курлов предложил наметить организацию контрразведывательных отделений при военно-окружных штабах³³, но с тем условием, что для руководства ими будут откомандированы офицеры отдельного корпуса жандармов, знакомые с делом розыска и имеющие полномочия по производству обысков и арестов.

Здесь уместно заметить, что данное предложение один к одному соответствовало принципам организации уже длительное время существовавшего “разведочного отделения”. И тогда тем более становится удивительным и непонятным то обстоятельство, что в материалах межведомственного совещания отсутствует какое-либо упоминание о “разведочном отделении” ГУГШ. Более того, с молчаливого согласия полковника Монкевица Н. А.³⁴, представлявшего на совещаниях интересы Генерального штаба, комиссия констатировала в своих протоколах, что к моменту ее работы (1908—1910 гг.) в России вообще не существовало какого-либо специального контрразведывательного органа.

Автор не может согласиться с этим утверждением, которое не соответствует историческим фактам. Некоторые исследователи истории спецслужб России, видимо, под воздействием этого утверждения, делали неправильный, на наш взгляд, вывод о том, что датой рождения российской контрразведки следует считать 1911 г. Автор, как об этом говорилось в самом начале доклада, решительно не согласен с таким выводом и твердо стоит на той позиции, что рождение российской контрразведки связано с образованием “разведочного отделения” в 1903 г.

В этой связи, чтобы не быть голословными, нам следует доказать несколько положений. Во-первых, это то, что “разведочное отделение” по характеру и сути своей работы занималось именно контрразведывательной деятельностью, и что внутренняя организация и деятельность этого органа неразрывно связана с последующими этапами строительства российской контрразведки. Во-вторых, следует дать ответ на вопрос: можно ли считать создание одного не очень многочисленного по своим штатам органа как факт рождения нового вида государственной деятельности? В-третьих, следует попытаться проанализировать причину умалчивания офицерами генерального штаба самого факта существования “разве-

дочного отделения” в период работы межведомственных совещаний в период 1908—1910 гг.

Анализ архивных документов об образовании и деятельности “разведочного отделения” показывает, что это был первый специальный орган контрразведки. Нетрудно доказать, что такую же оценку данному органу давали и представители самого военного ведомства царской России. Для этого достаточно сослаться на “Выписку из отчета Главного управления Генерального штаба за 1906—1907 гг. о контрразведывательной деятельности 35 управления”. Отчет был составлен по результатам деятельности “разведочного отделения”³⁶. Значит, по мнению ГУГШ “разведочное отделение” занималось контр-разведывательной деятельностью, а другие задачи на это отделение, согласно проекту об его образовании, на него и не возлагались. Еще раньше, в 1905 г. руководство Главного штаба считало, что после окончания русско-японской войны деятельность “разведочного отделения” не будет ограничиваться только территорией Петербургского военного округа, а “распространится... и на другие округа империи”³⁷. Забегая немного вперед, отметим, что созданные в военных округах в 1911 г. контрразведывательные органы были тождественны с “разведочным отделением” как по принципам их комплектования, так и по принципам их внутренней организации и самой контр-разведывательной деятельности. На базе самого “разведочного отделения”, по свидетельству архивных материалов, было создано Петербургское городское контрразведывательное отделение. Имеется, например, прямое указание на то, что Петербургское городское контрразведывательное отделение существовало с 1903 г., называюсь оно сначала “разведочным отделением”, и что 9 августа 1910 г. начальник “разведочного отделения” полковник ЛАВРОВ передал дела по описи полковнику ЕРАНДАКОВУ — будущему начальнику Петербургского городского контрразведывательного отделения³⁸.

В другом документе мы находим, что 13 августа 1910 г. полковник Лавров за заслуги по руководству “разведочным отделением” в “ведении наблюдения за деятельностью иностранных военных атташе в С. -Петербурге, — и по борьбе, — с военным шпионством в этом городе его окрестностях” был представлен к правительственной награде³⁹. Представление на награждение Лаврова было подготовлено в 5-м делопроизводстве части 1-го обер-квартирмейстера управления генерал-квартирмейстера ГУГШ. Начальник 5-го делопроизводства полковник Монкевиц присутствовал на всех межведомственных совещаниях 1909—1910 гг., но о роли “разведочного отделения” как специального органа контрразведки он на этих совещаниях не упоминает. В связи с этим можно сделать вывод, что полковнику Монкевицу были даны указания от ГУГШ не только не афишировать, но и вообще не упоминать о “разведочном

отделении”. Здесь можно усмотреть, на наш взгляд две причины. Во-первых, как уже говорилось выше, “разведочное отделение” с самого начала создавалось как строго секретное подразделение Военного министерства и принципу конспирации при достаточно широком представительстве участников на межведомственных совещаниях придавалось, видимо, главенствующее значение. Во-вторых, Генеральному штабу, ввиду подготовки царским правительством проекта закона “Об отпуске из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства”, видимо, выгодно было представить дело таким образом, что контрразведку предстоит создавать в условиях полнейшей ее неорганизованности (на чистом месте). В таком случае легче было заполнить от Государственной Думы и Государственного Совета желаемую сумму. Отсутствие до этого специального кредита на контрразведку заметно сдерживало работу “разведочного отделения”, которое финансировалось исключительно за счет внутренних резервов ГУГШ.

И действительно, после принятия соответствующего закона о дополнительном финансировании Генерального штаба на нужды агентурной разведки и контрразведки “Петербургское городское контрразведывательное отделение, созданное на базе “разведочного отделения”, стало превосходить последнее по своей численности в 2 раза, а по ассигнованиям в 3,5 раза. Закон “Об отпуске из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства” был принят 7 апреля 1911 года⁴⁰. Согласно этому закону на разведку и контрразведку выделялось дополнительно 1 443 720 рублей⁴¹.

Исходя из сказанного выше, можно с уверенностью утверждать, что “разведочное отделение” являлось, бесспорно, первым специальным органом контрразведки, организационные принципы и характер деятельности которого были учтены при образовании в 1911 г. контрразведывательных отделений (КРО), положивших начало созданию системы контрразведки в масштабе всей России.

Каков же должен быть ответ на вопрос о том, можно ли создание небольшого по своей численности органа считать началом организационного строительства какого-либо вида государственной деятельности? Исторические факты из деятельности самых различных государственных органов России говорят о том, что здесь может быть дано положительное утверждение. Так, например, принято считать, что полицейская служба в России как организован- ный вид государственной деятельности была заложена Петром I путем учреждения в 1718 г. должности генерал-полициймейстера в Петербурге. А система органов полиции начинает создаваться значительно позже, в 30-е гг. XVIII в., и заканчивается только при Екатерине II. То же самое происходит в России и с организацией

политического розыска: сначала возникают отдельные органы политического розыска (начиная с Ивана Грозного), а затем создается их система в виде III-его отделения с.е.и.в. канцелярии и корпуса жандармов. Аналогичные процессы характерны и для российской контрразведки. Сначала образуется в 1903 г. небольшой по своей численности орган контрразведки в лице “разведочного отделения”, а затем уже в 1911 г. формируется система контрразведывательной службы России.

На наш взгляд, хотя бы кратко следует ответить и на второй вопрос, о котором говорилось в самом начале доклада: являлось ли созданное в 1903 г. “разведочное отделение” органом военной контрразведки или органом российской контрразведки в целом. Надо признать, что автор, продолжив изучение данной проблемы после защиты своей кандидатской диссертации, несколько изменил свою первоначальную точку зрения по данному вопросу и пришел к окончательному выводу: что по своим целям и решаемым задачам, по результатам своей деятельности и дальнейшей своей судьбе “разведочное отделение”, образованное 20 января (2 февраля) 1903 г., являлось первым органом всей контрразведки России.

Принятие закона от 7 апреля 1911 г. о выделении из государственной казны средств на секретные расходы Военного министерства ускорило образование системы контрразведки в России.

Юридически это было оформлено 8 июня 1911 г. Военный министр России утвердил “Положение о контрразведывательных отделениях” с приложениями: 1) ведомость районов деятельности КРО⁴²; 2) штаты КРО; 3) инструкция начальникам КРО; 4) правила регистрации КРО; 5) инструкция начальникам КРО по расходованию сумм и ведению отчетности. Перед органами контрразведки ставилась цель защищать интересы обороны империи от иностранного “военного шпионства”.

На КРО были возложены обязанности по борьбе с деятельностью иностранных разведок, направленной на подготовку в России вооруженных восстаний.

Создание системы КРО при штабах военных округов можно считать вторым этапом организационного строительства российской контрразведки.

Согласно “Положению” создавались центральный орган контрразведки и местные контрразведывательные отделения. Всей системой контрразведки руководил отдел генерал-квартирмейстера ГУГШ. Центральный орган контрразведки был представлен Петербургским городским (столица и ее окрестности) контрразведывательным отделением, ставшим преемником “разведочного отделения”. Местные контрразведывательные отделения, составлявшие основу системы контрразведки, организовывались при штабах военных округов. Это были Петербургское, Московское, Ви-

ленское, Варшавское, Киевское, Одесское. Тифлиское, Иркутское и Хабаровское контрразведывательные отделения (КРО). Данная система контрразведки была рассчитана на условия мирного времени, и к концу 1912г. КРО будут созданы во всех указанных выше военных округах, и тем самым завершится второй (после образования “разведочного отделения” в 1903 г.) этап в создании самостоятельных органов Российской контрразведки. Петербургское городское КРО в апреле 1914г. будет преобразовано в Контрразведывательное отделение ГУГШ (КРО ГУГШ).

Третий этап развития организации контрразведки России связан с Первой мировой войной и приходится на 1915г. В действующей армии на театре военных действий, независимо от органов КРО. образованных по Положению 1911 г., была создана дополнительная система контрразведки. В правовом отношении это было оформлено Наставлением по контрразведке в военное время, утвержденном Верховным главнокомандующим 6 июня 1915 г. На театре военных действий будет сформирована следующая система органов контрразведки: КРО Ставки (штаба Верховного главнокомандующего); КРО штабов фронтов; армий, входящих в состав фронтов; отдельных армий неместного характера; отдельных армий местного характера; военных округов на театре военных действий.

В сентябре 1915г. было принято Положение о морских контрразведывательных отделениях. Учреждались следующие органы контрразведки: Морское КРО Морского Генерального штаба, Финляндское морское КРО, Балтийское морское КРО, Черноморское морское КРО, Беломорское морское КРО и Тихоокеанское морское КРО.

Четвертый этап развития организации контрразведки России приходится на послефевральский 1917г. период. Контрразведку, в отличие от корпуса жандармов, после свержения царизма удалось сохранить. Но ее необходимо было очистить от следов корпуса жандармов и охранных отделений. Помощник военного министра генерал Новицкий, предупреждая возможный разгон контрразведки по политическим мотивам, направил в Ставку в апреле 1917 г. телеграмму, в которой содержалось требование о том, что начальниками контрразведывательных органов, их помощниками и наблюдателями не могут быть лица, ранее служившие по политическому розыску. В этих условиях необходимо было произвести обновление организации контрразведки, или хотя бы сделать видимость такого обновления.

Вместо Положения 1911 г. 23 апреля 1917 г. разрабатывается и принимается Временное положение о контрразведывательной службе во внутреннем районе. Данное Положение предусматривало создание центральных и местных органов контрразведки во внутреннем районе. К центральным относились: Контрразведывательная

часть обер-квартирмейстера, Центральное контрразведывательное отделение, Центральное бюро — все они входили в контрразведывательную службу ГУГШ. Местные органы контрразведки во внутреннем районе состояли из КРО внутренних военных округов.

Наставление по контрразведке 1915 г. было заменено Временным положением о контрразведывательной службе на театре военных действий от 2 мая 1917 г. На театре военных действий руководство контрразведкой осуществлял второй генерал-квартирмейстер Ставки. Так же как и во внутреннем районе предусматривалось создание центральных и местных органов контрразведки. К центральным относились: Контрразведывательная часть и КРО штаба Ставки; а к местным: КРО штабов фронтов, армий и военных округов на театре военных действий. Морская контрразведывательная служба вела борьбу со шпионажем на флоте. Такова была организация контрразведки дореволюционной России накануне и в ходе Первой мировой войны. Такая ее организация позволяла решать самые разнообразные задачи по противодействию подрывной деятельности иностранным спецслужбам как на всей территории государства, так и за границей; как на театре военных действий, так и вне его.

Причем организационно, как мы видим, контрразведка существовала отдельно от органов политического розыска МВД царской России, что сыграло свою положительную роль как в ее деятельности, так и в ее дальнейшей судьбе после падения монархии.

По нашему мнению, русская контрразведка достойно справилась с теми задачами, которые стояли перед ней накануне и в ходе Первой мировой войны.

Достаточно высокой оценкой деятельности российской контрразведки во время Первой мировой войны могут служить высказывания самого Вальтера Николаи, который тогда руководил немецкой агентурной разведкой и контрразведкой. В 1945 г. при завершении разгрома фашистской Германии Советской Армией, В. Николаи был разыскан сотрудниками советских спецслужб на оккупированной территории и арестован. Позже, уже на Лубянке, давая показания относительно противоборства германской разведки и русской контрразведки в Первой мировой войне, на вопрос, имелась ли у вас агентура из среды правительственных кругов царской России, В. Николаи ответил: “Такой агентуры разведывательная служба Германии не имела”⁴³.

В заключение приведем несколько суждений и выводов, характеризующих организацию и деятельность российской контрразведки накануне и в ходе Первой мировой войны.

Во-первых, на наш взгляд, удачно был выбран принцип создания самостоятельных органов контрразведки. Они создавались не

в системе органов политического розыска, а отдельно от нее. Это создавало для контрразведки определенный положительный имидж и гарантировало ограждение контрразведки от занятий несвойственными ей функциями. Кроме того, данное обстоятельство способствовало сохранению органов контрразведки после февральской революции 1917 г., в то время как система политического розыска в лице корпуса жандармов и охранных отделений пошла на слом.

Во-вторых, контрразведка России применительно к своему обществу и государству выполняла патриотическую функцию, защищая и общество, и государство от подрывных действий иностранных спецслужб.

В-третьих, контрразведка России и по срокам образования, и по принципам организации системы своих органов имела некоторый приоритет над аналогичными службами многих государств того времени. Российский опыт по организации контрразведывательной службы тщательно изучался другими государствами, а иногда эти государства просто копировали российскую систему контрразведки при создании своей собственной системы контрразведывательной службы.

В-четвертых, российская контрразведка, в общем и целом, справилась с возлагавшимися на нее задачами как накануне войны, так и в ходе нее, создав необходимое прикрытие военных объектов от подрывных действий иностранных спецслужб.

Примечания

¹ Яковлев Л.С. Военная контрразведка России в период империализма. Кандидатская диссертация. М.: Высшая школа КГБ СССР, 1982. Л. 13.

² См.: Минаев В. Из прошлого русской разведки. “Военная мысль”. М.: Воениздат, 1944, № 8-9. С. 85-96.

³ В именном указе царя от 13 января 1807 г. об образовании “Комитета” говорилось и об основаниях, обусловивших создание его именно при Министре юстиции. Такими основаниями послужила необходимость “...сохранять строжайший порядок и благоразумную осторожность в производстве следствий по сему роду дел, где малейшая погрешность обратиться может или к притеснению невинности, или к закрытию преступника”. (См. РГИА. Ф. 1163. Оп. 16. 1807г. Ел. хр. 1; РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Оп. 4с. Ел. хр. 1. Л. 1-2).

⁴ См. РГИА. Ф. 1163. Оп. 16. 1829г. Ел. хр. 1а.

⁵ См. ГАРФ. Ф. 1165. Оп. 2 (1810—1826гг.). Ел. хр. №№ 1, 2, 4, 14.

⁶ См. Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. Т. 1. § 449. С. 665—666.

⁷ См. Ерошкин Н.П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз, 1960.

⁸ Об участии вышеуказанных подразделений МВД в борьбе со шпионажем см.: РГВИА. Ф. 20000. Он. 15с. Ел. хр. 2; Никитинский И.И. Ис-

тория политического розыска, разведки и контрразведки царской России в начале XX века. М., Б.Г. С. 189.

⁹ Позднее заграничная агентура была подчинена Особому отделу департамента полиции. (См. Агафонов В.К. Заграничная охранка. Пет-роград: Книга, 1918).

¹⁰ Так, 17 октября 1900 г. Нешавской таможней по подозрению в провозе контрабанды был задержан некий Грубман, у которого при обыске были обнаружены документы, касающиеся русских войск, что свидетельствовало о причастности Грубмана к военному шпионажу (см. РГВИА. Ф. 400с. Оп. 327с. Ед. хр. 338. Л. 82-83).

¹¹ См. Звонарев К.К.. Агентурная разведка. М.: Изд-во IV Управле-ния штаба РККА, 1929. Т. 1. С. 1.

¹² В Управление дворцового коменданта входили: "особый отряд", дворцовая охрана, отряд подвижной охраны, дворцовая агентура, насчитывавшая примерно 250 агентов (см. Ерошкин Н.Н. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М.: Учпедгиз. 1960. С. 358).

¹³ В положении о ВУК, принятом в 1836 г., о его обязанностях по борьбе со шпионами ничего сказано не было (см. Положение о Военно-ученом комитете. СПб., 1836). Но по свидетельству непосредственно архивных "материалов ВУК этой деятельности занимался (см. РГВИА. Ф. 846 (ВУА). Он. 4с. Ед. хр. 35, 40, 88 и т.п.).

¹⁴ Секретную агентуру в Военном министерстве имели: искусствен-ное отделение главного инженерного управления, главное артиллерий-ское управление, главный крепостной комитет, главный морской штаб, и др. (см. Звонарев К. К. Агентурная разведка. М.: Изд-во IV Управление штаба РККА. 1929. Т. 1. С. 12).

¹⁵ См. Инструкцию для военных агентов от 31 марта 1864 г. (РГВИА. Ф. ВУА. Д. 1320. Л. 1-2).

¹⁶ См. Шапошников Б. Мозг армии. Книга 3-я. М.-Л.: Госиздат, 1929.

¹⁷ Так, русский военный агент в Вене в октябре 1301 г. сообщил уп-равляющему ВУК о выполнении просьбы последнего по собиранию за границей сведений контрразведывательного характера. В частности, на основании сведений, полученных от секретного источника, он сооб-щил о конкретных лицах, проживавших в Варшаве и Одессе, которые были причастны или подозревались в шпионаже против России (см. РГВИА. Ф. 401с. Оп. 7с. Ед. хр. 9. Л. 219—219об.).

¹⁸ Впервые в мирное время должности генерал квартирмейстеров были введены в 1892 г. в трех западных военных округах: Варшавском, Виленском и Киевском (см. Зайончковский П.А. Самодержавие и рус-ская армия на рубеже XIX-XX столетий. М.: Мысль, 1973. С. 107).

¹⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 373. Подчеркнуто в тексте.

²⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 20. С. 171.

²¹ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 18. Л. 98.

²² См.: РГВИА. Ф. 4000. Оп. 327с. Ед. хр. 323. Л. 1-1об.

²³ См. РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 18. Л. 20.

²⁴ РГВИА. Ф. 400с. Оп. 327. Ед. хр. 109. Л. 13-14.

²⁵ Там же. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 20. Л. 89.

²⁶ В Варшавском военном округе отчетное отделение согласно датам в документах существовало уже в 1896г. (см. РГВИА. Ф. 1859с. Оп. 7с. Ед. хр. 1.4. 1.Л. И).

²⁷ См. там же. Ед. хр. 9. Л. 1.

²⁸ В Иркутском военном округе отчетное отделение, согласно дати-руемым архивным документам, существовало еще в июне 1907 г. (см РГВИА Ф 2000с Оп. 15с. Ед. хр. 62. Л. 8).

²⁹ В России с 1905 г., кроме Главного штаба, стал существовать и Генеральный штаб. Это произошло после проведения реорганизации высшего военного управления, не справившегося со своими задачами в ходе Русско-японской войны. 21 июня 1905 г. была учреждена долж-ность начальника Генерального штаба. По существу вся практическая деятельность Генерального штаба была сосредоточена в ГУГШ. Обра-зован ГУГШ был 25 июня 1905 г. путем выделения из Главного штаба ряда управлений, в том числе и управления 2-го генерал-квартирмейсте-ра, отвечавшего за борьбу со шпионажем. Окончательно штаты ГУГШ были утверждены приказом по военному ведомству №252 от 22 апреля 1906 г. За организацию агентурной разведки и контрразведки теперь стало отвечать 5-е разведывательное делопроизводство части 1-го обер-квартирмейстера управления генерал-квартирмейстера. В сентябре 1910 г. 5-е делопроизводство было переименовано в Особое делопроизвод-ство и стало подчиняться непосредственно генерал-квартирмейстеру. Такая структура ГУГШ сохранилась до начала Первой мировой войны (см. РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 8. Л. 55; Справочник о материалах контрразведывательных органов царской России. Под. ред. Г. Старо-ва. М.: ГАУ МВД СССР, 1946. С. 12; Кавтарадзе А.Г. Из истории русско-го Генерального штаба//Военно-исторический журнал, 1972. №10; 1974, №12).

³⁰ В работе совещания принимали участие, кроме Трусевича, делопроизводитель разведывательного отделения ГУГШ полковник Монкевич, начальник иностранной части морского генерального шта-ба капитан 2-го ранга Доливо-Добровольский, заведующий особым отделом департамента полиции полковник Климович, старший адью-тант разведывательного отделения штаба Киевского военного округа полковник Самойло и др. лица (см. РГВИА. Ф. 20000. Оп. 15с. Ед. хр. 92. Л. 1-14).

³¹ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 92. Л. 7.

³² См. Никитинский И. И. Из истории русской контрразведки. Сбор-ник документов, М.: ГАУ МВД СССР, 1946. С. 78-80.

³³ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 93. Л. 70-71об.

³⁴ Николай Августович Монкевич стал первым генералом в истории дореволюционной России, получившим это воинское звание за службу в российских спецслужбах (в разведке и контрразведке). См. Н. Батю-шин. Тайная военная разведка и борьба с ней. (К 100-летию Российской контрразведки). М.: Издательство "X - HISTORY", 2002. С. 190.

³⁵ Подчеркнуто автором. — Л.Я.

³⁶ См. РГВИА. Ф. 2000с. Ед. хр. 498. Л. 39-41. Взято из сборника доку-ментов. Никитинский И. из истории русской контрразведки. М.: ГАУ МВД СССР, 1946. С. 37-39.

³⁷ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 18. Л. 44.

³⁸ Там же. Оп. 16с. Ед. хр. 516. Л. 1-4.

³⁹ РГВИА. Ф. 2000с. Оп. 15с. Ед. хр. 18. Л. 4-4об.

⁴⁰ Полн. собр. законов Российской империи. Т. 31, отделение I, 7 ап-реля 1911 года, №35018.

⁴¹ Эта сумма примерно в 3 раза превосходила ранее выделяемые де-нежные средства на секретные расходы военному ведомству (см. Звона-

⁴² Здесь и далее КРО — контрразведывательные отделения

⁴³ Зданович А. Тайные силы. Откровения руководителя кайзеровской разведки, сделанные на Лубянке / Родина — 93. Российский историко-публицистический журнал №№ 8—9. С. 46—47.

ведущий научный сотрудник Академии ФСБ РФ, кандидат исторических наук

“Государево око видит далеко”

(К истории создания Мной канцелярии Российской империи)

Зима 1718 г. для государя Петра Алексеевича выдалась беспокройной. Со дня на день он ожидал приезда на Москву своего тайного эмиссара — П. А. Толстого, которому поручил всеми правдами и неправдами вернуть в Россию своего сына — царевича Алексея, тайно бежавшего в конце 1716 г. вместе с любовницей Ефросиньей от гнева отца под защиту императора Карла VI. Он скрывался вначале в Тироле в замке Эренберг, а затем с мая 1717 г. — в Неаполе.

И вот, после полугодового отсутствия Толстой вместе с царевичем прибыл в Москву 31 января 1718 г. Спустя три дня Алексей предстал перед царем.

Уже 3 февраля Петр I издает манифест, в котором лишает царевича права на российский престол со словами: “лучше будь чужой добрый, чем свой непотребный”, и тут же в Москве начинается “розыск” при ближайшем участии и под непосредственным руководством самого царя в канцелярии Петра Андреевича Толстого, одного из ближайших доверенных лиц государя. 18 марта 1718 г. Петр выехал в Санкт-Петербург и повелел 20 марта все материалы по этому делу доставить в Петропавловскую крепость в канцелярию Толстого, из которой и выросла Тайная канцелярия петровских времен. Этот день стал датой ее образования.

История репрессивных государственных органов России уходит в глубину веков. Выражение “слово и дело”, “государево слово”, “государево слово и дело”, “государево дело” становится известным, приобретая определенное значение на Московской Руси уже в начале XVII в. Преступления, выражавшиеся в оскорблении верховной власти и в стремлении к ее умалению, рассматривались как государственные. Так, в 1646 г. чернец Кириллова монастыря Никодим сделал “извет” (донос) на неких монахов в том, что они говорили про великого государя и бояр “непристойные речи”. Монахи были доставлены в Москву в Приказ Сыскных дел к боярину Григорию Гавриловичу Пушкину и в присутствии дьяка Ларионова повинились, и “довелось было до смертной казни”, но, учитывая иночество монахов, они были помилованы и отосланы в монастырь на смирение.

При отце Петра I — Алексее Михайловиче Романове — не существовало специального государственного органа, который ведал

бы преступлениями по “слову и делу”, как и не был установлен сам порядок расследования этих дел.

Соборное Уложение 1649 г. создало правовую основу для преследования государственных преступников. Так, глава II называлась: “О государственной чести и как его государственное здоровье оберечь”. Проступки против “государской чести” делились на три группы: государственная измена; покушение на жизнь и здоровье государя; покушение на власть с намерением “Московским государством завладеть и государем быть”.

В это время следствие поручалось воеводам с последующей передачей дел в приказы: Разрядный. Ссыльных дел, Большого Дворца, Посольский и в Приказ Новгородской чети.

События восшествия Петра на российский престол и те потрясения, которые ему пришлось пережить в борьбе за власть, показали государю, какая опасность исходит от любого, кто “поносил хулительными словами Его Царское Величество”. Каждый был в глазах Петра скрытым врагом государственного строя, и словесное оскорбление верховной власти приобретало для него значение государственного преступления и попытки покушения на свержение существующего строя.

Петр I пошел дальше своего отца в определении и расследовании преступлений по “слову и делу государеву”. По Уложению царя Алексея Михайловича от 1649 г. смертная казнь полагалась за 60 видов преступлений, по современному ему французскому законодательству за 115, а Петр ввел смертную казнь за 200.

Более того, указом от 25 января 1715 г. он расширил перечень преступлений и к делам о злом умысле против персон Его Царского Величества, измене, возмущении или бунте добавил еще и третий пункт: “о похищении казны”, что впоследствии было подтверждено указом от 19 января 1718 г.

С 1689 г. следствие по государственным преступлениям было поручено приказу, созданному в 1686 г. в подмосковном селе Преображенском и получившем свое название по месту образования. Однако в том же 1689 г. из 605 дел, находящихся в производстве в приказе, только пять расследовались по “слову и делу”.

Именной указ от 25 сентября 1702 г. подтвердил исключительные полномочия данного учреждения в расследовании преступлений против государства и предписывал всех провинившихся присылать в Преображенский приказ к стольнику князю-кесарю Федору Юрьевичу Ромодановскому.

Федор Юрьевич... История России на знала прецедентов ни до, ни после Петра I, чтобы законный царь Всея Руси, отправляясь за границу или в военный поход, вверял управление государством своему свойственнику. Ромодановский пользовался неограниченной властью, имел титул князя-кесаря и Величества. Особое дове-

рие царя он приобрел после подавления стрелецкого мятежа 1698—1699 гг., когда после проведенного следствия и жесточайших пыток было казнено 799 стрельцов. Помимо Преображенского приказа в его подчинении одновременно находились еще Сибирский и Аптекарский.

В 1717 г. после смерти Ф. Ю. Ромодановского Петр I возвел его сына Ивана в звание князя-кесаря и поручил ему Преображенский приказ. Иван Федорович был вторым и последним его начальником до момента упразднения в 1729 г. Екатериной I Ивану был присвоен чин действительного тайного советника, а в 1727 г. Петр II назначил Ромодановского генерал-губернатором Москвы.

Однако с развитием петровских преобразований в первой четверти XVIII столетия количество дел по “государеву слову” возросло и перегрузка Преображенского приказа различными делами по заведованию Преображенским и Семеновским гвардейскими полками, по полицейскому управлению Москвы, его отдаленность от новой столицы Санкт-Петербурга и наличие дел, которые интересовали самого Петра I, побудило императора ввести еще одно новшество, до сих пор не встречавшееся в практике следствия и судопроизводства в истории России. Для “розыска” таких важных дел, в которые он хотел входить лично, минуя всякие государственные учреждения, государь выбирал “надежных людей” среди офицеров гвардии. Так, 23 декабря 1717 г. Правительствующим Сенатом был дан указ, предписывающий определить к “розыскным делам” господ офицеров: генерал-майора и лейб-гвардии подполковника князя Петра Михайловича Голицына; лейб-гвардии майоров: князя Григория Дмитриевича Юсупова, Семена Андреевича Салтыкова, Михаила Яковлевича Волкова, Ивана Ильича Дмитриева-Мамонова и лейб-гвардии капитана Герасима Ивановича Кошелева.

Каждый из вышепоименованных офицеров имел право образовать свое следственное учреждение — канцелярию, которая, как правило, называлась по его фамилии. Нам известны канцелярии князя Волконского. Ушакова, Дмитриева-Мамонова, Кошелева. В своем подчинении они имели заместителя (ассессора) — “гвардии офицера” и нескольких дьяков и подъячих, командируемых в их распоряжение из других государственных приказов.

Но вернемся к событиям зимы 1718 г. Что же привело к тому, что “опора и надежда государева”, наследник престола Алексей Петрович стал государственным изменником? Эта была трагедия отца, но была еще и трагедия сына...

Рожденный от первого брака с Евдокией Лопухиной, Алексей до 8 лет рос вдали от отца и воспитывался то у матери, то у бабушки Натальи Кирилловны Нарышкиной. Первая жена, ограниченная, мелочная и злобная, но честолюбивая и властная, не смогла

привлечь к себе молодого и энергичного мужа и понять причину его увлечений “марсовыми делами” и “нептуновыми потехами”. Царевич рос во враждебной Петру среде. Атмосфера неприязни к отцовским делам не могла не войти в душу мальчика, подрастая, он, как и мать, с осуждением и ненавистью воспринимал поездки отца в немецкую слободу, его дружбу с иностранцами, нарушение обычаев древнего царского церемониала.

Учился Алексей кое-чему и кое-как, да с наставниками ему не очень везло. Первый — Никифор Вяземский был человеком малообразованным и не обладал педагогическими способностями и, помимо прочего, боялся своего воспитанника, а последний, быстро поняв это, таскал учителя за волосы и бил палкой.

Тогда Петр отобрал его от матери и доверил дальнейшее образование царевича Александру Даниловичу Меншикову и доктору права барону Генриху Гюйсену, однако учение продолжилось с тем же успехом. Меншиков, обладая природными способностями, был человеком безграмотным, а Гюйсена сам же Петр часто посылал с различными дипломатическими поручениями. Поэтому царевич так и не получил систематического образования.

Правда, постепенно он овладел четырьмя действиями арифметики, немецким и французским языками, но лень и праздность, властолюбие, слабоволие и изворотливость, мелочная мстительность и коварство перевешивали в нем все плоды его просвещения.

Петр всячески пытался приобщить сына к своим заботам: в ходе затяжной Северной войны поручал ему надзор за укреплениями Москвы, доставку полков в город Сумы, осмотр складов в Вязьме и все более убеждался в неспособности Алексея стать продолжателем его дела и поэтому стал более сурово относиться к нему, что еще больше их отдаляло.

Царь решил объясниться с сыном прямо и в письме к нему потребовал, чтобы тот изменил свое поведение. В ответном письме Алексей отказался от прав на престол. Петр ему не поверил и послал второе письмо. “Последнее напоминание еще”. Наследник подтвердил свой отказ и просил разрешения уйти в монастырь. Отец не поверил в искренность сына. Не забыл царь Петр того случая, когда Алексей в 1712 г., вернувшись из-за границы после путешествия и учебы, чтобы избежать переэкзаменовки отца, выстрелил себе в ладонь правой руки из пистолета.

Ближайшие к царевичу люди — дворяне А. В. Кикин, Ф. Дубровский, камердинер И. А. Большой и родственники по матери и бабке Лопухины и Нарышкины, разжигая его честолюбие, нашептывали ему, что как только отец умрет или погибнет где-нибудь от шальной пули или сабли, он сможет сделать все по-своему: упразднит никчемные новшества, и все вернется к тишине, покою и благолепию.

Сын становится во главе враждебных Петру сил. Царь понимал, что реакционное духовенство и противники преобразований смогут впоследствии использовать Алексея в своих целях. “Ведь кlobук не прибит к голове гвоздями, его можно и снять... а впредь что будет, кто ведает”.

Впоследствии во время допросов в застенке Тайной канцелярии любовница царевича Ефросинья признавалась, что у него были далекие идущие планы по ликвидации всех преобразований отца.

Эти планы Алексей надеялся реализовать с помощью внутренне-го мятежа, поддержанного враждебными России иностранными государствами. “Да он же, царевич, говаривал, — показывала Ефросинья, — когда будет государем, и тогда будет жить в Москве, а Петербург — простой город оставит; также и корабли оставит и держать их не будет, а войско станет держать только для обороны, а войны ни с кем иметь не хотел, а хотел довольствоваться старым владением и намерен был жить зиму в Москве, а лето — в Ярославле”.

8 народе стали ходить слухи о разладе царевича с отцом, о том, что наследник — приверженец старины. Молва народная олицетворяла в царевиче Алексее надежду на освобождение из-под тяжелого гнета петровских реформ, и неприязненное отношение двух различных характеров принимало оттенок политической вражды: семейный раздор превращался в борьбу партий. Петр отдавал себе отчет, что поскольку царевич Алексей, старший сын и наследник престола, оказался против первых двух пунктов указа 1715 г., то дело о таком преступлении есть дело значения громадного и поистине имеет государственное значение и государственную важность.

К этому делу непосредственно примыкали еще два: дело по “суздальскому сыску о царице Евдокии”, матери царевича, и по розыску о дворянине А. В. Кикине, ближайшем его сообщнике. Под “розыском” в то время подразумевались допросы с пытками, а допрашивать с пыткой обозначалось глаголом “розыскивать”. Под пытками Алексей выдан своих сообщников и участие своей матери в заговоре против Петра.

Первая жена царя Евдокия Лопухина только полгода, после постига в 1698 г. в Суздальском Покровском монастыре под именем Елены, носила иноческое платье, затем стала жить миряночкой и вступила в связь с майором Степаном Глебовым, приехавшим туда для проведения рекрутского набора.

9 февраля 1718 г. Петр I поручает капитан-поручику Г. Г. Скорнякову-Писареву ехать в Суздаль и учинить обыск в келье бывшей жены и ее фаворита и, если найдутся подозрительные письма, то адресатов взять под арест и вместе с письмами доставить в Москву

в Преображенский приказ. Так возникло “суздальское дело”, перешедшее впоследствии в ведение Тайной канцелярии.

Евдокия в письме к Петру призналась во всем и просила прощения, чтобы ей “безгодною смертью не умереть”. Петр ограничился переводом бывшей жены в Ладожско-Успенский монастырь.

Затем она была заточена в Шлиссельбург, где при Екатерине I содержалась в строго секретном заключении как государственная преступница под именем “известной особы”.

С марта по август 1718 г. Тайная канцелярия почти исключительно занимается делами по “розыску царевича Алексея”.

Были арестованы все тайные недоброжелатели Петра: Кикин, Вяземский, Долгоруков и другие представители московского дворянства. После “розыска” все были жестоко казнены. Судьбу же царевича Алексея 24 июня 1718 г. в присутствии Петра решал Верховный суд в составе 127 самых именитых генералов, членов Сената и Синода. Причем каждый из них скреплял свой приговор личной подписью. Суд присудил: “Царевич Алексей Петрович смерти достоин”, потому что “допрос обнаружил бунтовской его против отца-государя замысел, чтобы захватить престол”.

Его смерть так и останется одной из загадок нашей истории. По одной из версий он был задушен приближенными Петра в Петропавловской крепости. По другой версии Алексей Петрович умер 26 июня в 8 часов вечера от пыток, которым его подвергали утром того же дня в Трубецком бастионе. При дворе траура не было, поскольку “царевич умер как преступник”. Но и об официальной причине смерти объявлено не было. 30 июня он был погребен в Петропавловском соборе.

Так кто же были эти “министры Тайной канцелярии”, которые предрешили судьбу царевича Алексея?

По указу Петра I во главе следствия по делу царевича Алексея стояло четыре следователя: “тайный советник и от лейб-гвардии капитан Петр Андреевич Толстой, генерал-поручик Иван Иванович Бутурлин, от лейб-гвардии Преображенского полка майор Андрей Иванович Ушаков и от гвардии бомбардир, капитан-поручик Григорий Григорьевич Скорняков-Писарев”. Эти министры являлись главными начальниками Тайной канцелярии. Кроме них по штату 1723 г. в петербургской Тайной канцелярии числились: секретарь Иван Топильский, канцеляристы: Гуляев, Русинов, Кириллов, Шурлов, подканцеляристы: Вителев, Басов. Приказных людей 7 человек. Во главе стоял секретарь.

Наиболее любопытны фигуры двух министров: П. А. Толстого и А. И. Ушакова, поскольку они непосредственно управляли всеми делами петровской Тайной канцелярии, а последний с 1731 г. во времена Анны Иоанновны возглавил Тайную канцелярию розыскных дел.

Петр Андреевич, сын стольника, а затем думного дворянина Андрея Васильевича Толстого, принимав деятельное участие в стрелецком бунте 1682 г., принесшем власть правительнице Софье. После ее падения перешел на сторону Петра, но долгое время не пользовался его доверием. В 1693 г. назначается воеводой в Устюг, в январе 1697 г. вместе с другими стольниками отправляется в Италию для обучения морскому делу, где и пробыл около двух лет. По возвращении в Россию в 1702 г. назначен Петром посланником в Константинополь. С началом Русско-турецкой войны в 1710 г. посажен султаном в Семибашенный замок, где провел в заключении, испытывая большие лишения, около полутора лет. После возвращения на родину в 1714 г. назначен сенатором, “тайным министром чужестранных дел коллегии”. Сопровождал Петра I в поездке по Европе в 1716—1717 гг. Особо приблизился к царю после следствия по делу царевича Алексея. В 1725 г. содействовал возведению на престол Екатерины I. Являлся членом Тайного совета, но из-за разногласий с А. Д. Меншиковым по вопросу о престолонаследии в апреле 1727 г. арестован и сослан. Умер в изгнании в Соловецком монастыре в 1729 г.

Андрей Иванович Ушаков начал свою военную карьеру в 1704 г. солдатом-добровольцем лейб-гвардии Преображенского полка. В 1707—1708 гг. — на Украине, уже в чине гвардии-поручика, в 1714 г. послан в Москву для “розыска о пожаре” на Пушечном дворе. С 1717 г. ведает постройкой кораблей и набором матросов для нужд флота. Умирает в чинах и в чести в 1747 г. генерал-адъютантом и графом.

Для слушания “розыскных дел” Тайной канцелярии был отведен один присутственный день в неделю — понедельник. В эти дни министры должны были являться в Петропавловскую крепость в 4 часа пополудни, где, начиная с ноября 1718 г., Петр I лично выслушивал их доклады и выносил резолюции по делам. Во время его отсутствия в Петербурге министры допрашивали свидетелей обвинения, давали указания секретарям и приказным людям о ходе ведения следствия, присутствовали на допросах “с пристрастием” и “розыскивали” по делам обвиняемых или, как их называли, “колодников”, выносили приговоры.

Для “розыска” по делам Тайной канцелярии было отведено специальное место в Петропавловской крепости, которое называлось “застенком”, где кроме мест, отведенных для судьи, секретаря и подьячего, который должен был записывать все “пыточные речи”, была воздвигнута “дыба” — три столба, два из которых вкопаны в землю, а третий положен поперек. Через него перекидывали веревку с петлей на конце, где закреплялись руки колодника.

Палач, или “кат”, по знаку судьи поднимал подследственного над землей. Такой способ допроса назывался “допрос с пристрастием”.

Если обвиняемый молчал, к нему применялась другая степень допроса, и начинался собственно “розыск”, т.е. допрос с пыткой.

В XVII — начале XVIII вв. битье кнутом на дыбе являлось обычной формой пытки. Во всех делах после изложения допросных точных речей колодников прибавлялась стереотипная фраза: “и дано ему (указывалось количество) ударов”. Число ударов обычно было двузначным и доходило до 60—70, как правило, в пределах 15—30, но иногда не достигало и 10.

Тайная канцелярия не имела никакого юридического акта, который бы регламентировал порядок ведения следствия, и поэтому установить, в каких случаях применение пыток было законно, а в каких нет, не представляется возможным. В этом деле царил полный личный произвол следователей. Хотя существовал обычай, что если колодник трижды повторял одни и те же показания и не путался в них, третьи утверждались как окончательные. Однако если он хотя бы раз “речи переменял”, то его пытали до тех пор, пока “с трех пыток одинаково не скажет”. Правило, как видим, было со многими исключениями. Приведем записку Толстого Ушакову по поводу ведения одного следствия: “Не надобно ему исчислять засенков, сколько бы их ни было, но чаще его пытать, доколь не повинится или издохнет, понеже явную мелет ложь”.

Если эти способы не помогали, то пытки ужесточались: в дело пускали огонь. — жгли калеными щипцами или водили горящим венником по спине. В протоколах Тайной канцелярии встречаются такие записи: “14 было им в тех розысках дано: Федору — 32. Авдотье — 36 ударов, а потом он и баба были огнем жжены”, или: “Было ему в оном розыске 60 ударов и после розыску жжен огнем, а с огня говорил”.

Пытки являлись неотъемлемой частью судопроизводства того времени, они были в порядке вещей, притом петровские пытки выглядят игрушками в сравнении с теми разнообразнейшими истязаниями, какие существовали в цивилизованной Европе. Только знаменитым указом Александра I от 27 сентября 1801 г. они были отменены в России. А во времена Петра I на человеческое достоинство, да и на цену самой человеческой жизни смотрели по-другому. Это время определил русский поэт “серебряного века” Максимилиан Волошин:

Великий Петр был первый большевик, — Замысливший Россию перебросить Склонениям и нравам вопреки За сотни лет к ее грядущим далям. Он, как и мы, не знал иных путей Опречь указа, казни и застенка.

Не в оправдание Петра I, а в порядке опровержения расхожего мнения о “благоустроенной Европе и варварской Москве”, обратимся к современной императору истории Европы. Вот только несколько примеров:

Германия закончила Тридцатилетнюю войну, в которой от последствий военных действий к 1648 г. погибло три четверти населения страны. Во времена Петра Европа вела войну за испанское наследство, которая была прекращена из-за истощения всех участвующих стран, ибо и в Германии, и во Франции снова стали умирать от голода. Дороги были переполнены дезертирами воюющих армий, разоренными горожанами, которые составляли банды и грабили, чтобы добыть себе пропитание. Жандармерия для устрашения вешала пойманных сотнями и тысячами тут же на дорогах.

В Англии, где часто любил бывать Петр, только при Елизавете было повешено и казнено другими способами около 90 тыс. человек.

Европа конца XVII — начала XVIII вв. постоянно находилась в огне междоусобных войн, голода и эпидемий. Надо добавить к этому костры католической и протестантской инквизиции. Целые страны и области оставались без населения. Обезумевшие женщины сами являлись на инквизиторские суды и называли себя ведьмами. Некоторые области Германии в результате этого совсем остались без женского населения.

Утверждение абсолютистских монархий повсеместно несло народам Европы страдания и муки, венценосцы смотрели на них как на инструмент, рабочий материал для достижения своих личных целей и удовлетворения своих амбиций. Хочется воскликнуть вслед за великим поэтом: “Ужасный век! Ужасные сердца!”.

В списке дел Тайной канцелярии наиболее важными являлись дела “царевича Алексея”, “суздальское” и “кикинское”.

Далее, по степени своей значимости, дела тайные или “секретные”, дела по преступлениям по первым двум пунктам указа 1715 г. До апреля 1722 г. канцелярия вела дела “интересные”, т.е. по расследованию всякого рода хищений и грабежей казенного имущества и денег, которые ущемляли экономические интересы страны. Среди них: о хищениях в Ревельском порту, злоупотреблениях в Астрахани, краже корабельного леса на Днепре.

Впоследствии эти дела были переданы в ведение Юстиц-коллегии. Наибольшее число дел по “слову государеву” касалось оскорбления Царского Величества. Они составляли около 35—40 процентов от общего количества, причем характерно, что до 1722 г. три четверти дел поступали в Тайную канцелярию и расследовались с подачи и по инициативе самого Петра I.

Часть из них свидетельствует, что были открытые, сознательные выступления против самого царя и политики, которую он про-

водил. Дела о непристойных выражениях об особе государя, о престолонаследнике, о высших сановниках, о речах и поступках по отношению к царским указам, об измене государственной, дела по “слову и делу” о речах и поступках по отношению к царским указам, дело по обвинению в самозванстве (называл себя братом государя) — все это перечень государственных преступлений.

В 1723 г. один крестьянин говорил громко, что Петр “это — неистовый царь, никак он швед”. Уличены были несколько баб, которые называли царя “антихристом”. Некая “женка Мартемьяна” говорила своим знакомым, что-де “царь не царской крови и не нашего русского рода, но немецкого”.

Среди этих дел встречались и курьезы, однако они также расследовались тщательно, с особым рвением и имели для участников, как правило, тяжкие последствия.

Так, в 1720 г. один дьяк донес в Тайную канцелярию, что певчий Савельев во время обеда в частном доме, будучи нетрезв, держал у себя в руках трость и смотрел на парсуну царского величества (т.е. портрет), поднимая трость, указывал на него, размахивал тростью и говорил “ой иди ты”, “а в какую силу того доносчик не знает”. Обвиняемый на допросе показал, что увидел сидящих на портрете царя мух и имел намерение их прогнать, размахивая палкой с ленточками на конце. В результате Савельев был “бит нещадно батоги”.

Уже было сказано, что большинство дел Тайной канцелярии по “государеву слову” поставлял сам Петр I, однако был и другой канал поступления — через донос, причем извешник “за правый донос” мог получить от 5 до 30 рублей в зависимости от степени его важности.

Появление института доноса на Руси исследователи относят ко времени укрепления Московского государства. Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. включало уже традиционную норму о доносе, дополнив ее наказанием за недоносительство: “А будет кто, сведав или услыша на царское величество в каких людех скоп и заговор или иной какой злой умысел, а государю, и его государевым боярам и ближним людям, и в городех воеводам и приказным людям про то не известит ... и его за то казнити смертию безо всякия пощады”.

Петр I всячески поощрял развитие института доносительства по “государственным делам”. Указом от 24 апреля 1713 г. он предписывал всех преступников и “повредителей интересов государственных безо всякия пощады казнить смертию, а ежели кто пощадит, тот сам тою казнью казен будет”.

Царь Петр в ходе своих реформ безо всякого стеснения вторгался в духовную жизнь общества — в дела православной церкви. Хотя она и до него была теснейшим образом связана с государственной

властью, Петр превратил эту связь в прямую, формальную зависимость, подчинив церковь государству, бесцеремонно вмешивался в отправление религиозных обрядов и таинств.

Именно при нем в России было введено принудительное и контролируемое причащение всех православных. Священники регулярно обязаны были вести так называемые клировые ведомости, отмечая в них лиц, бывших или отсутствовавших на исповеди и причащении. Все уклоняющиеся от исповеди рисковали своим благополучием и даже свободой.

Фактически с этих пор и церковь выступала в качестве института, обязанного нести надзор за населением империи. Петр отменил через Святейший Синод и тайну исповеди. Приходские священники обязаны были неукоснительно сообщать в Преображенский приказ, а впоследствии, с 1718 г., в Тайную канцелярию о признаниях, полученных на исповеди и затрагивавших интересы государства.

Огосударствление Русской православной церкви при Петре I имело следствием широкое распространение раскола и сектантства. Многие неудовлетворенные умы искали выхода в частной религиозной жизни, в мистической религиозности вне официальной церкви, попавшей “под власть Антихриста”. Дела о распространении “ложных учений”, о раскольниках, о “лживых толках” по поводу нововведений Петра, о неслужении молитв и не праздновании царских дней тоже “розыскивались” Тайной канцелярией.

В 1719 г. один архимандрит говорил про царицу: “какая она царица, она некая басурманка”, а о царе, что “он христианскую веру оставил и носит немецкое платье, и бороду бреет... и благочинствия в нем нет”.

Жестокий классовый террор абсолютистского государства к середине 20-х гг. XVIII в. сильно сократил число “важных” дел по первым двум пунктам. Это отразилось на деятельности Тайной канцелярии. Ее делопроизводство заполнили мелкие, ничтожные дела, и для графа П. А. Толстого исполнение должности министра канцелярии стало обузой. Не без его подачи Петр I своим указом от 21 апреля 1724 г. предписал всех преступников, замеченных в “оскорблении величества или в делах, к возмущению клонящих”, отсылать из Сената и Тайной канцелярии в Преображенский приказ. Но, несмотря на это, еще два года Тайная канцелярия принимала и “следовала” дела по личному повелению императора. В царствование Екатерины I подлежало расследованию всего три-четыре дела.

Наконец, 28 мая 1726 г. именным указ Екатерины I, данный действительному тайному советнику графу Толстому, предписал передачу всех имеющихся в его ведении дел князю-кесарю И. Ф. Ромодановскому. В нем говорилось, что Тайная канцелярия была учреждена в 1718 г. “на время, для случившихся тогда чрезвычай-

ных тайных розыскных дел". На этом заканчивается история петровской Тайной канцелярии. Но ее конец явился началом истории новых репрессивных, политических органов Российской империи.

И хотя указы Петра, Екатерины I формально декларировали уничтожение этого учреждения, оно не только не исчезало, но наоборот, окончательно укреплялось и приобретало все большее, правда, несколько своеобразное значение в государственном механизме России XVIII столетия.

После упразднения в 1729 г. Преображенского приказа в марте 1731 г. с восшествием на престол Анны Иоанновны Тайная канцелярия возродилась в виде Тайной канцелярии розыскных дел во главе с бывшим ее министром, но уже генералом, А. И. Ушаковым и теми же задачами и функциями. Любая власть нуждалась в существовании подобного органа, который был бы "оком государевым".

Петр III 21 февраля 1762 г. опубликовывает манифест об упразднении Тайной канцелярии розыскных дел. Дела канцелярии подлежали передаче в Сенат, где "за печатью и всякому забвению в архиву положатся". Употребление выражения "слово и дело" запечатлелось.

Однако окончательно уничтожить это учреждение не удалось, и оно вновь возродилось под именем Тайной экспедиции при Сенате.

Тайная экспедиция производила следствие и суд по важнейшим политическим делам. Екатерина II собственноручно утверждала приговоры по делам В. Мировича, Е. Пугачева, А. Радищева. В 1774 г. секретные комиссии экспедиции производили расправу над пугачевцами в Казани, Оренбурге и других городах.

Руководил работой Тайной экспедиции обер-прокурор. Свыше 30 лет эту должность занимал С. Шешковский. После ликвидации Тайной экспедиции в 1802 г. ее функции были возложены на 1-й и 5-й департаменты Сената.

Подведем некоторые итоги и попробуем ответить на два вопроса. Почему же специальный орган политического сыска XVIII в., созданный Петром I в 1718г. "на время, для случившихся тогда чрезвычайных тайных розыскных дел", становится постоянным государственным учреждением и находит себе неприметное, но весьма весомое место в системе государственных органов России XVIII в.? Почему он, как птица Феникс, каждый раз возрождался из пепла?

Ответы на эти вопросы мы найдем в его истории и истории становления абсолютизма в России. Во-первых, время петровских реформ — это время революционного преобразования общества, сопряженное с изменениями вековых устоев, с поправлением общепринятых норм морали. Очень четко прослеживается противостояние реформаторов и сторонников старого уклада, деление на два лагеря — новаторов и традиционалистов.

Во-вторых, по большому счету все процессы, происходившие и происходящие в нашем обществе со времен создания государства, определяла объединяющая государственная идея и служащая символом этой идеи личность, которая находилась у власти. Будь то самодержец, будь то партийный или государственный деятель. Во все времена российской истории государственная машина, с одной стороны, работала под его присмотром и руководством, боролась с инакомыслием, с отклонениями от "генерального курса", а с другой стороны, существование репрессивных учреждений было обусловлено органичной потребностью государственного строя, в создании которого огромную роль изначально сыграл именно Петр I, иметь "государево око, которое видит далеко". Власть сама порождала и пестовала репрессивные органы, которые стояли на страже ее интересов.

Нельзя видеть в нашей истории одни положительные примеры. Только тогда мы по-настоящему научимся ценить светлые стороны настоящего, когда познаем историю в полном объеме без купюр и изъятий, когда будем знать и темные стороны нашего прошлого.

Владимир Николаевич Лавров: путь в контрразведку

В 1903 г. в ходе реорганизации Главного штаба возникло специальное контрразведывательное подразделение (“Разведочное отделение”) во главе с Владимиром Николаевичем Лавровым. О том, как складывалась судьба этого человека до назначения “состоящим в распоряжении начальника Главного Штаба”, мне и хотелось бы рассказать.

Биографические справки о Лаврове можно найти в книге Михаила Алексеева “Военная разведка от Юрика до Николая II” (М., 1998) и недавно изданном энциклопедическом словаре “Разведка и контрразведка в лицах” (М., 2002). Но дела из фондов Штаба Корпуса жандармов и Департамента полиции МВД, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации, позволяют значительно расширить представление о первом руководителе русской контрразведывательной службы.

Владимир Николаевич Лавров родился 13 ноября 1869 г.; происходил из дворян Санкт-Петербургской губернии, по всей видимости — небогатых, так как ни родовой, ни приобретенной недвижимостью его семья не владела. По окончании 2-го военного Константиновского училища (1890 г.) он стал хорунжим 1-го конного полка Забайкальского казачьего войска, затем был прикомандирован ко 2-му конному полку, куда и переведен высочайшим приказом в 1894 г.

За 4 года жизнь вдали от цивилизации и армейская рутина, вероятно, успели ему наскучить, и Лавров попытался прорваться в Военно-юридическую академию. Летом 1894 г., выдержав предварительный экзамен при штабе Иркутского военного округа, он был направлен в Петербург. Экзамены Лавров, 1 августа произведенный в сотники, сдал успешно, но в Военно-юридическую академию зачислен не был “за неимением вакансий”. В декабре он вернулся в полк, однако намерений своих не оставил.

В марте 1895 г. Лавров подал докладную записку о переводе в Корпус жандармов. В ответе из штаба Корпуса значилось, что “разрешение ходатайства о зачислении в список кандидатов на прикомандирование к Штабу, для перевода впоследствии в Корпус жандармов, может последовать” лишь после “испытания в учреждении при Штабе” и личного одобрения командира Корпуса¹. Затем на имя наказного атамана Забайкальского казачьего войска пришел запрос: “не имеется ли каких-либо препятствий” к переводу Лаврова, не числится ли за ним казенных или частных долгов,

каковы его “нравственные качества, способности и усердие к службе” и, наконец, какой репутацией этот офицер пользуется среди товарищей². Все отзывы оказались положительными; установленные испытания прошли благополучно, и в мае 1896 г. сотник Лавров был переведен в Корпус жандармов “с переименованием в поручики”.

В июле 1896 г. новоиспеченный адъютант Тифлиского губернского жандармского управления прибыл к месту назначения. В послужном списке Лаврова отмечено, что с мая по сентябрь 1898 г. он “временно исправлял должность помощника начальника Тифлиского ГЖУ в Елисаветпольской губернии”; с ноября 1899 г. являлся и.д. помощника начальника Кутаисского ГЖУ в Батумском округе, а с января 1900 г. находился на той же должности снова в Тифлиском ГЖУ (по Тифлискому, Телавскому и Сигнахскому уездам). За время пребывания на Кавказе он обзавелся семьей — женился на уроженке Харьковской губернии дочери капитан-лейтенанта Софии Рафаиловны Альтман; родились дети, дочь Ольга (1898) и сын Николай (1899).

В начале 1901 г. Лавров уже ротмистр, награжденный персидским орденом Льва и Солнца 3-й степени и утвержденный в должности помощника начальника Тифлиского ГЖУ. В августе 1902 г. он был “отчислен” от этой должности “с оставлением в Отдельном Корпусе жандармов и прикомандированием к тому же управлению”⁴. Именно на поприще политического розыска Лавров приобрел те навыки, которые оказались незаменимыми в его контрразведывательной деятельности.

В сборнике “Политическая полиция и политический терроризм в России” (М., 2001) опубликован любопытный документ за подписью Лаврова. 11 мая 1903 г. директору Департамента полиции было направлено подробнейшее донесение из Тифлиса в связи с делом о мнимом покушении на жизнь великого князя Николая Михайловича. Отражая конфликт между органами политической полиции и местной администрацией, которая, по словам Лаврова, вела себя с “самоуверенной настойчивостью”⁵, этот документ дает возможность судить и о розыскной практике самого Лаврова. Перед читателем — мастер, владеющий всеми тонкостями работы с агентурой, остро реагирующий на некомпетентность “подлежащих властей”, наблюдательный, дотошный, умеющий разбираться в людях и быстро находить выход из самых затруднительных ситуаций. Наверное, именно эти черты жандармского ротмистра определили решение высшего начальства при избрании кандидата на пост руководителя “Разведочного отделения”.

По распоряжению директора Департамента полиции Лавров дважды (в сентябре 1902 и в мае 1903 гг.) побывал в Петербурге; по тифлисским ли делам или по вопросам своей будущей службы, сказать трудно... Но в мае 1903 г. он был прикомандирован к Штабу Корпуса жандармов, а приказом по Корпусу за № 63 от 4 июня того же года “поступил в распоряжение начальника Главного Штаба” для исполнения своих новых обязанностей.

Примечания

¹ ГАРФ. Ф. ПО. Оп. 2. Д. 7824. Л. 8-8 об.

² ГАРФ. Ф. ПО. Оп. 2. Д. 7824. Л. 10-10 об.

³ Из российских знаков отличия до 1903 г. Лавров получил серебряную медаль в память царствования императора Александра III и орден св. Станислава 3-й степени.

⁴ ГАРФ. Ф. ПО. Оп. 2. Д. 9814.

⁵ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX - начало XX вв.). М. 2001. С. 185.

<i>В.Н. Ильин.</i> Специальные службы в Гражданской войне на Севере России. 1918-1920 гг.	3
<i>В. Ф. Некрасов.</i> Проблемы обеспечения безопасности государства в трудах, изданных к 200-летию МВД России	27
<i>О. М. Хлобустов.</i> Об историческом опыте борьбы с терроризмом	32
<i>В.Ф.Нэх.</i> Специальная операция НКВД в Сынцзыне	39
<i>В.И. Астрахан.</i> Два свидетеля — два взгляда. (о работе Марфинской лаборатории МГБ СССР на рубеже 1940-х- 1950-х гг.)	46
<i>В. П. Галицкий.</i> Эволюция государственного строительства Чеченской Республики	51
<i>О. М. Хлобустов.</i> 1980-е гг.: госбезопасность под ударом	60
<i>В. С. Христофоров.</i> Обеспечение собственной безопасности в органах КГБ СССР в 1960-1980 гг.	68
<i>Л. С. Яковлев.</i> Российской контрразведке - 100 лет	87
<i>А.А. Плеханов.</i> “Государево око видит далеко”	105
<i>Е. И. Щербакова.</i> Владимир Николаевич Лавров: путь в контрразведку	118

Научное издание
Исторические чтения на Лубянке.
2002 год

Подписано в печать 25.11.03 Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная Усл. печ. л. 7 Тираж 500 экз. Заказ
№83